КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ ИЛЛАРІОНОВИЧЪ

ВАСИЛЬЧИКОВЪ.

1818–1881.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

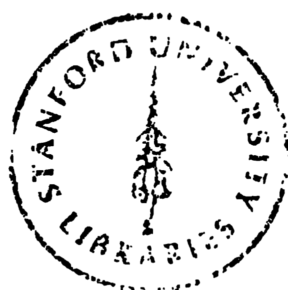
Къ книгѣ приложенъ портретъ князя А. И. Васильчикова.

СОСТАВИЛЪ

А. Голубевъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. П. Вощинскаго, Литейный проспектъ, № 35.

1882.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ ИЛЛАРІОНОВИЧЪ

ВАСИЛЬЧИКОВЪ.

«Я преслѣдовалъ въ моей жизни цѣль—жить не для удовольствія и печалей, а для дѣла, настоящаго дѣла, и смотрѣть на жизнь какъ на поприще, которое надо пройти честно съ начала до конца».

(Изъ переписки кн. А. И. В.)

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

СОСТАВИЛЪ

А. Голубевъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. П. Вощинскаго, Литейный пр., № 35.

1882

Фототипія Ф. Штейнъ и К° СПБ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ переживаемое русскимъ обществомъ смутное и тяжелое во всѣхъ отношеніяхъ время, когда въ жизни почти незамѣтно ни сильной мысли, ни крѣпкихъ убѣжденій, ни высокихъ характеровъ, а если и есть все это въ рѣдкихъ исключеніяхъ, то попряталось, ушло въ себя, — замѣтно выдѣляется личность такого общественнаго дѣятеля, который въ дружескомъ кругу могъ о себѣ сказать приведенныя въ эпиграфѣ слова. Интересъ къ такой личности безспорно усиливается, если принять въ соображеніе, что въ исторіи жизни выдающагося изъ ряда обыкновенныхъ общественнаго дѣятеля можно прослѣдить и за исторіею его времени, за тѣми условіями общественной среды, откуда вышелъ дѣятеля, наконецъ, можно познакомиться съ тѣмъ, на сколько эти условія были благопріятны къ формированію личности и на сколько она была сама по себѣ своеобразна, какіе идеалы она въ себѣ воспитывала.

Объясняя побужденія, вызвавшія его къ составленію автобіографіи, Д. С. Милль, между прочимъ, говоритъ «въ

нашу переходную эпоху мнѣній не лишено интереса и пользы изслѣдованіе постепенныхъ фазисовъ въ развитіи какого-либо ума, всегда стремившагося впередъ, одинаково готоваго научиться и разучиться въ тѣхъ идеяхъ, которыя составляютъ его собственныя или заимствованныя отъ другихъ идеи».

Предлагаемая брошюра написана въ силу такихъ же побужденій, и здѣсь считаемъ необходимымъ сказать лишь слѣдующее. Наша книжка не имѣетъ претензіи дать полную біографію князя Александра Илларіоновича, для чего не настало время и не собранъ весь необходимый матеріалъ. Мы собрали лишь болѣе существенные факты изъ его жизни и дѣятельности и старались какъ по нимъ, такъ и по литературнымъ трудамъ покойнаго обрисовать умственный и нравственный его образъ.

Личность Александра Илларіоновича своеобразная и, можно сказать, спорная; въ обществѣ и въ литературѣ на него смотрятъ различно: одни ставятъ его на недосягаемый пьедесталъ, другіе же полуснисходительно отводятъ ему мѣсто въ числѣ заурядныхъ людей. Одни относятся къ нему, какъ къ человѣку съ обширнымъ образованіемъ, съ серьезнымъ строгимъ умомъ, съ практическимъ знаніемъ экономической русской жизни, какъ къ человѣку передовому и притомъ «несходившему съ русской національной основы»; другіе же— практическую его дѣятельность считаютъ не только безполезною, но даже вредною, а въ литературной — находятъ лишь легкомысліе и не признаютъ въ авторѣ не только серьезныхъ знаній, но даже и умѣнья грамотно писать. Между такими крайними взглядами существуютъ еще и другіе, менѣе рѣз-

кіе, хотя также не совсѣмъ ясно представляющіе личность Александра Илларіоновича, складъ его ума, его дѣятельность. Едва ли нужно говорить — на сколько такіе взгляды, или вѣрнѣе «смутныя представленія» о личности, игравшей видную роль въ обществѣ, выгодны для того же общества.

Выяснить личность Александра Илларіоновича при помощи біографическихъ и историческихъ данныхъ, — вотъ цѣль, которую мы преслѣдовали въ предлагаемой брошюрѣ. И если мы сколько-нибудь успѣли въ этомъ, то считали бы цѣль достигнутою.

Матеріалами для нашей работы служили не только печатные очерки и статьи, но и нѣкоторыя рукописи и письма, а также разсказы близкихъ къ Александру Илларіоновичу лицъ, которымъ и приносимъ нашу искреннюю признательность.

Мы считали небезъинтереснымъ приложить къ брошюрѣ и всѣ статьи газетъ и журналовъ, посвященныя памяти Александра Илларіоновича и напечатанныя до сего времени.

Въ заключеніе мы должны сказать, что издатель настоящей книжки предназначилъ весь чистый сборъ отъ продажи ея на присоединеніе къ собираемому капиталу имени князя Александра Илларіоновича Васильчикова для выдачи премій за сочиненія по народному и земскому хозяйству.

А. Голубевъ.

С.-Петербургъ.
Декабрь 1881 г.

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ ИЛЛАРІОНОВИЧЪ ВАСИЛЬЧИКОВЪ.

Князь Александръ Илларіоновичъ Васильчиковъ, сынъ предсѣдателя государственнаго совѣта, князя Илларіона Васильчикова, родился въ Петербургѣ въ 1818 году, 27 октября. Осенью 1835 года, на 17 году отъ роду, онъ поступилъ въ число студентовъ Петербургскаго университета. Фактъ поступленія представляется интереснымъ въ томъ отношеніи, что Александръ Илларіоновичъ принадлежалъ къ тому слою русскаго общества, которое воспитывало своихъ дѣтей или дома, или въ своихъ сословныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Объясненіе этого факта находится въ связи съ характеристикой происходившихъ въ то время движеній въ обществѣ. Напомнимъ, что тогда, т. е. въ началѣ 30-хъ годовъ, общество оживлялось полнымъ разцвѣтомъ таланта Пушкина, около котораго была цѣлая группа лучшихъ по времени литературныхъ силъ; тогда же выступалъ на сцену Гоголь съ своими «Вечерами на хуторѣ». Интересъ общества къ литературѣ, къ ея новому направленію, сказывался все сильнѣе, захватывая даже тѣ слои общества, которые были менѣе къ тому чувствительны. Но оживленіе было замѣтно не въ одной литературѣ. По свидѣтельству современниковъ и товарищей Александра Илларіоновича по университету, это было время нѣкотораго поворота и въ настроеніи правительства. Къ

высшимъ правительственнымъ должностямъ призывались люди съ высокимъ образованіемъ, съ традиціями либеральныхъ мнѣній: Дашковъ, Уваровъ, Киселевъ, Блудовъ вступили въ министерства; Сперанскій издавалъ сводъ законовъ; Жуковскій состоялъ наставникомъ при наслѣдникѣ престола. Правительство сочувствовало высшему образованію и преобразовывало университетскій уставъ; число студентовъ быстро возрастало не только въ университетѣ, но и во всѣхъ существовавшихъ тогда высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Таково было общее настроеніе, когда Александръ Илларіоновичъ поступилъ въ университетъ. Университетскія кафедры въ это время освѣжались новымъ составомъ профессоровъ, хотя, конечно, общее состояніе тогдашняго университета было довольно печальное. Онъ помѣщался въ ветхомъ и неудобномъ зданіи на углу Кабинетской и Звенигородской улицъ, гдѣ нынѣ церковь и домъ синодальнаго вѣдомства. Персоналъ профессоровъ былъ очень слабъ, въ особенности по юридическому факультету, по которому и слушалъ Александръ Илларіоновичъ лекціи. Вотъ что слушали юристы въ 1835—1836 годахъ: римское право, исторію русскаго законодательства, гражданское право, законы благоустройства и благочинія и права состоянія—и только, къ тому же «все это читалось по своду законовъ, сухо, скучно, безъ всякихъ научныхъ основъ». Въ слѣдующемъ академическомъ году университетъ былъ переведенъ въ занимаемое имъ нынѣ помѣщеніе, а составъ профессоровъ обновился. Молодежь оживилась, когда съ кафедры «вмѣсто статей изъ свода законовъ услышала живую рѣчь о вѣчныхъ законахъ правды и справедливости, о правахъ прирожденныхъ человѣку», и оживленіе ея почувствовалось въ самомъ обществѣ. Каковы были симпатіи лучшей части тогдашняго общества и молодежи, какъ оно относилось къ интересамъ литературы и науки, можно судить по тому, что произошло, когда въ 1837 году неожиданно для всѣхъ умеръ Пушкинъ. Смерть поэта внесла въ общество расколъ, образовалось два лагеря: огромнѣйшее большинство увидѣло въ Пушкинѣ жертву свѣтскихъ пошлостей и оплакивало смерть его какъ народную утрату, и группа лицъ изъ высшаго круга, оправдывавшая убійство, извинявшая волокитство и обвинявшая убитаго поэта въ излишней ревности, запальчивости и въ безпокойномъ нравѣ. Нечего и говорить, какъ

отнеслась къ событію молодежь. Она ходила возбужденная, повторяя стихи Лермонтова на смерть Пушкина и подчеркивая слово «надменные» въ строкѣ: «А вы, надменные потомки...» Самъ Александръ Илларіоновичъ такъ характеризовалъ движеніе, вызванное смертью Пушкина: «Это былъ, говорилъ онъ, первый случай въ моей жизни, что я услышалъ ту фальшивую ноту, которая впослѣдствіи часто, почти постоянно поражала мой слухъ, именно—что мнѣніе петербургскаго высшаго общества шло въ разрѣзъ съ общественнымъ мнѣніемъ и не только съ мнѣніями крайнихъ радикальныхъ партій, но съ воззрѣніями и сужденіями всѣхъ образованныхъ людей, не принадлежащихъ къ высшему обществу». Аудиторіи университета, гдѣ сходилась молодежь, пріобрѣтала знанія и вырабатывала свои идеалы и убѣжденія, гдѣ она сближалась между собою, производили свое благотворное дѣйствіе. Появились товарищескіе кружки и въ одномъ изъ нихъ, названномъ самими студентами «бурсой», Александръ Илларіоновичъ былъ избранъ членами кружка (филистерами) старшиной (педелемъ) *). Объ этомъ моментѣ въ своей жизни онъ всегда вспоминалъ съ особымъ одушевленіемъ и гордился избраніемъ товарищей больше всего того, что давала ему жизнь. Хотя въ только что возникшихъ студенческихъ ассоціаціяхъ и преобладалъ элементъ увеселительный, но въ нихъ студенчество вырабатывало и элементы нравственные; «бурса вліяла на нравы и образъ мыслей», какъ свидѣтельствуетъ современникъ Александра Илларіоновича и какъ самъ онъ подробно вспоминаетъ въ письмахъ къ одному изъ своихъ товарищей. Воспоминаніе о быломъ было вызвано предположеніями о реформахъ въ современномъ, теперешнемъ быту студенчества. Оно представляетъ большой интересъ, какъ свидѣтельство стараго студента, на себѣ испы-

*) Къ числу университетскихъ товарищей, съ которыми онъ наиболѣе былъ знакомъ, принадлежатъ: князь Г. А. Щербатовъ, бывшій попечитель Спб. учебнаго округа, графъ П. П. Шуваловъ, бывшій предводитель дворянства Петербургской губерніи, Убри, посолъ въ Вѣнѣ, графъ Блудовъ, посланникъ въ Брюсселѣ, два брата Лонгиновы: одинъ убитый на Кавказѣ, другой служившій въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, Гедда, Карамзинъ и Домонтовичъ—сенаторы, Любощинскій, членъ государственнаго совѣта, Погребовъ, бывшій петербургскій городской голова, князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ. два брата Абаза, князь П. П. Вяземскій, князь Б. Ф. Голицынъ, Кологривовъ, Будбергъ, Мухортовъ и графъ Рибопьеръ.

тавшаго всѣ достоинства и недостатки условій студенческой жизни. Вотъ что писалъ своему другу Александръ Илларіоновичъ въ 1877 году: «Мнѣ приходится слышать опасенія, что организація студенческихъ обществъ даетъ имъ нѣкоторое преувеличенное значеніе и какъ будто подстрекаетъ ихъ къ манифестаціямъ и демонстраціямъ. Въ этомъ отношеніи мнѣ кажется, что съ одной стороны открытыя и признанныя общества менѣе опасны, чѣмъ тайныя сходки, и съ другой — что кругъ дѣйствій такихъ обществъ можно ограничить правилами. Изъ двухъ золъ надо выбирать меньшее, а что въ молодыхъ людяхъ, слушающихъ курсы высшихъ наукъ, будетъ всегда проявляться стремленіе къ идеаламъ, о коихъ имъ говорятъ и читаютъ съ кафедръ, и что это стремленіе всегда будетъ увлекать ихъ къ реализаціи научныхъ принциповъ — это мнѣ кажется неизбѣжнымъ и неотвратимымъ». Смыслъ приведенныхъ строкъ, безъ сомнѣнія, до крайности простъ, но, несмотря на это, такая простота далеко не пользуется популярностью даже въ той средѣ, гдѣ рѣшаются судьбы учащейся молодежи.

Таково, въ общихъ чертахъ, было время, когда Александръ Илларіоновичъ проходилъ университетскій курсъ, законченный имъ въ 1839 году полученіемъ степени кандидата юридическаго факультета. И это время, безъ сомнѣнія, имѣло значительное вліяніе на послѣдующую жизнь Александра Илларіоновича, на выборъ себѣ того дѣла, которому служилъ онъ впослѣдствіи, и въ общемъ состояніи тогдашнихъ университетскихъ кафедръ можно отчасти найти и причины, по которымъ въ публицистической дѣятельности Александра Илларіоновича, въ его сочиненіяхъ, не доставало строго-научной методичности.

Что же ожидало въ жизни, только-что вышедшаго изъ университета, молодого кандидата правъ Александра Илларіоновича?

Вопросъ этотъ далеко не праздный, если представить себѣ хотя въ нѣсколькихъ чертахъ то время и тѣ нравы. Александру Илларіоновичу, какъ блестящему, знатному и богатому юношѣ, предстояло быть свѣтскимъ кавалеромъ, служащимъ или въ гвардіи или въ гражданской службѣ, въ одномъ изъ высшихъ правительственныхъ учрежденій. Но есть основаніе полагать, что взгляды почтенной семьи Васильчиковыхъ на карьеру сына были болѣе серьезны, чѣмъ тѣ, какіе господствовали въ большинствѣ салоновъ тогдашняго высшаго обще-

ства. Хотя отецъ Александра Илларіоновича и былъ человѣкъ стараго закала и весьма строгій, но тѣмъ не менѣе не вторгался въ свободу дѣйствій сыновей по выбору ими рода дѣятельности.

По выходѣ изъ университета, Александръ Илларіоновичъ около года оставался не у дѣлъ, не чувствуя желанія поступать немедленно ни въ военную, ни въ гражданскую службу. Онъ присматривался къ служебной дѣятельности другихъ и мечталъ найти такую, съ которою менѣе всего была бы связана рутина и которая болѣе отвѣчала бы планамъ молодого кандидата.

Но выбирать было не изъ чего, къ тому же долго выбирать въ то время было и неудобно. Императоръ Николай Павловичъ, особенно интересовавшійся всякаго рода государственною службою и желавшій видѣть дворянство извѣстныхъ фамилій на службѣ, уже обращалъ вниманіе на то, что Александръ Илларіоновичъ былъ не у дѣлъ.

Въ началѣ 1840 года Александръ Илларіоновичъ рѣшилъ примкнуть къ группѣ молодежи, приглашавшейся барономъ Ганомъ въ сотрудники къ нему, по введенію за Кавказомъ новаго административнаго устройства. Ѣхавшая на Кавказъ молодежь, вообще склонная въ то время къ широкой мечтательности, смотрѣла на предстоявшую ей дѣятельность въ этомъ краѣ, какъ на миссію, результаты которой представлялись широкими, полезными для всей Россіи. Молодые администраторы мечтали о томъ, какъ они водворятъ на Кавказѣ окончательный миръ, водворятъ «гражданственность». Къ тому же самая поѣздка въ то время въ отдаленный край представлялась для молодежи, ходившей въ столицѣ постоянно на вытяжку, въ струнку, весьма заманчивою. Поэзія путешествія соединялась съ самодовольными ощущеніями, что она, молодежь, ѣдетъ съ важными правительственными порученіями — устраивать край. На цѣломъ рядѣ прощальныхъ обѣдовъ и завтраковъ отъѣзжающими и напутствующими было не мало произнесено рѣчей, свидѣтельствующихъ, на сколько сильны были въ то время разнаго рода иллюзіи и мечты.

Но не долго и не много пришлось поработать на Кавказѣ молодымъ администраторамъ, а въ числѣ ихъ и Александру Илларіоновичу. Миссія Барона Гана не удалась, и въ 1841 г. почти весь составъ его сотрудниковъ былъ уже въ отпуску,

на кавказскихъ минеральныхъ водахъ. Пребываніе на водахъ Александра Илларіоновича связано съ печальною исторіею: онъ былъ секундантомъ при дуэли между маіоромъ Мартыновымъ и поэтомъ Лермонтовымъ, въ то время служившимъ поручикомъ въ Тенгинскомъ пѣхотномъ полку. Хотя причины, объясняющія принятіе на себя Александромъ Илларіоновичемъ роли секунданта, намъ и неизвѣстны, но во всякомъ случаѣ самый фактъ участія его въ этомъ дѣлѣ свидѣтельствуетъ о томъ, на сколько въ то время было въ нравахъ молодежи разрѣшать оружіемъ спорные вопросы объ оскорбленіи.

«За бытіе секундантомъ при дуэли, на которой Лермонтовъ отъ полученной раны умеръ на мѣстѣ», Александръ Илларіоновичъ былъ преданъ военному суду. Но послѣдствій судимости ему не пришлось испытать, такъ какъ Императоръ Николай Павловичъ простилъ виноватаго «во вниманіе къ заслугамъ отца его». Впослѣдствіи «во вниманіе къ тѣмъ же заслугамъ» Александръ Илларіоновичъ былъ назначенъ церемоніймейстеромъ двора.

Возвратившись съ Кавказа, Александръ Илларіоновичъ опять былъ не у дѣлъ, до 1845 г., когда онъ поступилъ на службу во II отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Въ этотъ періодъ времени Александръ Илларіоновичъ находился въ числѣ молодежи, бывшей на виду у всего избраннаго общества и лично извѣстной Императору Николаю, который особенно интересовался не только будущею дѣятельностью этой молодежи, но и ея жизнью. Онъ настолько входилъ въ эту жизнь, что зналъ не только ея поступки, но и взгляды, выражавшіеся такъ или иначе при какомъ-либо случаѣ. Николай Павловичъ съ особымъ вниманіемъ слѣдилъ за образомъ мыслей тѣхъ молодыхъ людей, отцы которыхъ занимали высокое положеніе на службѣ и пользовались его расположеніемъ. А такъ какъ князь Илларіонъ Васильевичъ былъ весьма близокъ къ Императору и пользовался его особымъ расположеніемъ, то и Александръ Илларіоновичъ былъ на виду. Въ то время объ Александрѣ Илларіоновичѣ, кстати замѣтить, обладавшемъ всегда значительною долею самостоятельности, въ обществѣ начали высказываться мнѣнія, какъ о человѣкѣ съ «свободолюбивыми» взглядами. Хотя въ этомъ и не находили особой вины, но на всѣ его сужденія и споры въ обществѣ,

на симпатичную ему тему о «свободѣ слова» посматривали не особенно благосклонно. Свободолюбіе молодого Александра Илларіоновича стало извѣстно и Императору. И вотъ какое имѣемъ мы свидѣтельство одного изъ друзей Александра Илларіоновича: Николай Павловичъ разъ призываетъ его къ себѣ и, строго выговаривая ему за его сужденія въ обществѣ, какъ сужденія, не рекомендующія молодого человѣка, посовѣтовалъ ему «перемѣниться». Александръ Илларіоновичъ откровенно заявилъ Императору, что онъ не признаетъ за собою никакой вины, послѣ чего услышалъ энергичное повтореніе слова «перемѣнись».

Поступивъ въ 1845 году въ канцелярію II отдѣленія, Александръ Илларіоновичъ не былъ доволенъ службою и искалъ случая найти для себя другую дѣятельность и непремѣнно въ провинціи. Взглядъ его на службу и окружавшую его столичную жизнь лучше всего видѣнъ изъ слѣдующихъ собственныхъ его словъ: «съ ранней молодости, говорилъ онъ, я почувствовалъ всю ничтожность канцелярской и придворной службы и необходимость узнать бытъ народа и порядокъ службы внѣ Петербурга, гдѣ все представляется въ ложномъ свѣтѣ, — въ провинціи и въ деревнѣ, гдѣ уныло и мирно течетъ трудовая жизнь».

Въ выборѣ для себя дѣла Александръ Илларіоновичъ остановился на томъ, что пожелалъ воспользоваться избраніемъ его въ предводители дворянства Новгородской губерніи. Къ исполненію такого желанія Александръ Илларіоновичъ встрѣтилъ однако нѣкоторыя затрудненія. Такъ, отецъ его, не дѣлая личныхъ возраженій противъ намѣренія сына, посовѣтовалъ однако спроситься у своего начальника. Въ то время канцеляріей II отдѣленія управлялъ гр. Блудовъ. И когда къ нему явился Александръ Илларіоновичъ съ заявленіемъ своего желанія, то встрѣтилъ сильныя возраженія. Указывая на то, что «образъ мыслей» Александра Илларіоновича не вполнѣ благонамѣренъ, о чемъ извѣстно и Императору, и что вообще на провинціальныхъ какъ административныхъ, такъ и сословныхъ представителей смотрятъ съ подозрѣніемъ, графъ рѣшительно отказался докладывать Государю объ удовлетвореніи просьбы Александра Илларіоновича оставить канцелярію и сдѣлаться предводителемъ дворянства.

Потерпѣвъ неудачу въ объясненіяхъ съ графомъ Блудовымъ, Александръ Илларіоновичъ нашелъ однако поддержку въ князѣ П. Н. Волконскомъ, бывшемъ тогда министромъ двора. Князь весьма сочувственно отнесся къ намѣренію Александра Илларіоновича ѣхать въ провинцію, гдѣ такъ мало было, по его мнѣнію, порядочныхъ людей, и вызвался доложить Государю. Дѣло устроилось и Александръ Илларіоновичъ уѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ и былъ сначала уѣзднымъ, а потомъ и губернскимъ предводителемъ дворянства.

Желаніе Александра Илларіоновича «предводительствовать» вовсе не было исканіемъ удовлетворенія тщеславному чувству. Въ это время, по мѣткому выраженію современника, въ «воздухѣ уже пахло гарью», чувствовалось приближеніе чего-то новаго; хотя и въ тихомолку, но въ обществѣ уже начинали ходить слухи «объ инвентаряхъ». Александръ Илларіоновичъ желалъ идти на встрѣчу этому новому, смыслъ котораго онъ безъ сомнѣнія понималъ.

Мы не знаемъ подробностей о его дѣятельности въ роли предводителя дворянства, и можемъ сообщить лишь слѣдующее.

Онъ поселился на житье въ губернскомъ городѣ, чтобъ успѣшнѣе заниматься дѣломъ. Найдя всѣ дѣла крайне запутанными, а служилый персоналъ весьма сомнительнымъ, Александръ Илларіоновичъ началъ съ того, что сталъ группировать около себя новыхъ людей, достигая своимъ вліяніемъ того, что даже въ мѣстной администраціи, не исключая полиціи, появились лучшіе образованные люди. Съ новыми сотрудниками своими Александръ Илларіоновичъ вскрывалъ, одно за другимъ, страшныя злоупотребленія. Здѣсь-то, въ провинціи, Александръ Илларіоновичъ пріобрѣталъ себѣ тѣ знанія, и дѣлалъ наблюденія, которыя впослѣдствіи дали ему возможность такъ убѣдительно и авторитетно разъяснять потребности сельскихъ обитателей.

А наблюдать въ провинціи въ то время было что.

Послѣ кратковременнаго періода «возрожденія наукъ» и розовыхъ со стороны общества ожиданій, въ началѣ 30-хъ годовъ, наступила реакція. Крѣпостное право стояло во всемъ своемъ безобразномъ величіи, литература прозябала, лучшая часть общества задыхалась.

Какъ хорошо не извѣстно то тяжелое время въ нашей исто-

ріи, какъ ни богатъ матеріалъ, уже опубликованный, все-таки считаемъ не лишнимъ отмѣтить здѣсь нѣсколько характерныхъ фактовъ изъ личныхъ наблюденій Александра Илларіоновича, сообщенныхъ имъ въ одномъ изъ его сочиненій. «По обязанностямъ предводителя дворянства, говоритъ онъ, я производилъ нѣсколько дѣлъ о распутномъ поведеніи помѣщиковъ, дѣлъ, сопровождавшихся самыми отвратительными преступленіями... и къ стыду нашего времени долженъ признаться, что рѣдко находилъ возможность обвинить преступника. Какъ только дѣло доходило до спроса свидѣтелей или повальнаго обыска, мнѣ возражали, что показанія крестьянъ противъ господъ не принимаются, а дворяне при повальномъ обыскѣ отзывались невѣдѣніемъ или даже одобряли поведеніе того же самаго барина, котораго они осуждали въ частной бесѣдѣ и котораго никто изъ сосѣдей не пускалъ къ себѣ въ домъ, обзывая мерзавцемъ и подлецомъ. Огромнѣйшее большинство помѣщиковъ средней руки были люди скромные, очень мягкіе и снисходительные къ крестьянамъ, но точно также снисходительные и къ слабостямъ буяновъ и развратниковъ стараго закала, которыхъ они избѣгали, но вмѣстѣ съ тѣмъ и извиняли*)».

А вотъ и другой фактъ: въ 1851 году Александръ Илларіоновичъ производилъ слѣдствіе по крестьянскому бунту. «Цѣлая группа деревень, говоритъ онъ, около 300 крестьянъ были отпущены на волю по завѣщанію, которое было явлено, и такъ какъ наслѣдниковъ въ первое время не оказывалось, то крестьяне и жили нѣсколько лѣтъ на волѣ. Впослѣдствіи открылись родственники, начали искъ и выиграли дѣло. Крестьяне протестовали и этотъ протестъ возведенъ былъ въ бунтъ. Губернское и полицейское начальство требовало примѣрнаго наказанія бунтовщиковъ и оно было дѣйствительно примѣрное: 10 дней ихъ усмиряли всякими средствами, добиваясь отъ нихъ повинной, что они будутъ жить за помѣщиками, но повинной не добились, почему, заковавъ 15 человѣкъ, увели ихъ подъ прикрытіемъ цѣлой роты прямо въ Сибирь»**).

Въ то же время, когда провинція изобиловала подобными фактами, въ высшихъ слояхъ дворянства заочное управле-

---

*) Землевл. и землед., т. I, стр. 487. Спб. 1876.

**) Тамъ же.

ніе имѣніями сдѣлалось всеобщимъ; даже прежній обычай — отъѣзжать (изъ столицъ) въ деревню на нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ для лѣтняго отдохновенія или для псовой охоты, постепенно выводился; владѣльцы обширныхъ и привольныхъ степей, или богатѣйшихъ вотчинъ черноземныхъ губерній, или роскошныхъ подмосковныхъ замковъ и дворцовъ, строили себѣ дачи изъ барочнаго лѣса на петергофской дорогѣ, или на Каменномъ островѣ, чтобы быть ближе къ двору *).

Наблюденіе подобныхъ приведеннымъ выше фактовъ циническаго безобразія, творившагося въ провинціи, безъ сомнѣнія не могло не волновать только самую инертную натуру и вызывать на серьезныя думы. А такія думы пробуждались легко въ головѣ того, кто имѣлъ человѣческое сердце, кто хоть отъ плохого лектора слыхалъ рѣчи «о вѣчныхъ законахъ правды и справедливости, о правахъ прирожденныхъ человѣку»...

Невольно спрашивается: что же долженъ былъ дѣлать свидѣтель дикихъ нечеловѣческихъ жестокостей, почти поголовнаго взяточничества и нравственнаго растлѣнія и, притомъ, свидѣтель просвѣщенный? На такой вопросъ могутъ быть даны два отвѣта, смотря потому, что была за личность этотъ свидѣтель-очевидецъ. Тотъ, кто характеризуется эпитетомъ — «непосредственная натура», не видя возможности открыто бороться съ безобразными условіями жизни, навѣрное ушелъ бы отъ этихъ безобразій, если одно какое-либо изъ нихъ не взяло бы за сердце такого человѣка и онъ не пропалъ бы въ какой-либо отчаянной схваткѣ. Другому же, оставалось хоть какъ-нибудь ратовать за правду и лично облегчать тяжелое бремя крѣпостного гнета, хотя въ предѣлахъ своего имѣнія, сдержанно выжидать окончанія мрачнаго періода въ нашей исторіи, ободряя себя сознаніемъ, что развязка непремѣнно должна послѣдовать. Александръ Илларіоновичъ, безъ сомнѣнія, принадлежалъ къ этой послѣдней категоріи свидѣтелей тяжелой русской дѣйствительности.

Но если особенно тяжело было жить и дѣйствовать сильнымъ, энергическимъ, «непосредственнымъ» натурамъ, то не легче можно было дѣйствовать и спокойному болѣе объективному человѣку. На него обращали особаго рода вниманіе, запо-

*) Землевл. и землед., т. I, стр. 467. Спб. 1876.

дозривали и старались удалить съ занимаемаго мѣста, какъ человѣка опаснаго не только для общества, но и для всего государства.

Скромная дѣятельность Александра Илларіоновича въ качествѣ предводителя дворянства, дѣятельность по выбору самого же общества, выражавшаяся въ энергичномъ искорененіи хотя части происходившихъ безобразій, сначала скрытно, а потомъ все громче и громче осуждалась. Нѣкоторымъ изъ сотрудниковъ его предложено было оставить занятыя ими мѣста, и самъ Александръ Илларіоновичъ, прослуживъ одно трехлѣтіе, не пожелалъ баллотироваться на слѣдующее трехлѣтіе. Онъ оставилъ предводительство и обратился къ хозяйственнымъ занятіямъ въ своемъ имѣніи, въ Ковенской губерніи. На него смотрѣли подозрительно и считали даже опаснымъ, и здѣсь-то кроется причина, почему имя Александра Илларіоновича не встрѣчается въ числѣ лицъ, впослѣдствіи призывавшихся правительствомъ къ разработкѣ первыхъ предположеній объ освобожденіи крестьянъ.

Въ крымскую войну мы находимъ Александра Илларіоновича въ рядахъ ополченія. Кстати замѣтимъ, что на театрѣ военныхъ дѣйствій, въ рядахъ доблестныхъ защитниковъ Севастополя, находился братъ Александра Илларіоновича—Викторъ Илларіоновичъ. Сношенія съ братомъ давали Александру Илларіоновичу возможность знать истинное положеніе дѣлъ на театрѣ войны и обогащали его такими свѣдѣніями, съ которыми можно было уяснять себѣ истинныя причины не только военныхъ неудачъ, но и другихъ печальныхъ явленій въ русской жизни. А Викторъ Илларіоновичъ былъ драгоцѣнный свидѣтель военныхъ событій, не даромъ вынесшій изъ участія въ нихъ убѣжденіе, что неудачи войны служили предостереженіемъ — «вѣроятно для того, чтобы мы, русскіе, не зазнались окончательно, взглянули серьезно на внутреннія наши неурядицы и подумали о врачеваніи своихъ недуговъ» *).

Несчастная война окончилась, ополченцы разошлись при общемъ настроеніи лучшей части общества, настроеніи формулированномъ словами—«далѣе такъ жить нельзя».

*) Изъ записокъ о Севастопольской оборонѣ, кн. В. И. Васильчикова. «Русь», 1880 г. № 2.

Не будемъ передавать того, что было въ русской жизни вслѣдъ за войною, но припомнимъ лишь, что въ обществѣ съ особымъ оживленіемъ начали говорить не только о вѣроятности, но и о близости освобожденія крестьянъ. Въ это время ярко обозначился расколъ въ средѣ дворянства. Главные дѣятели по крестьянской реформѣ принадлежали почти всѣ безъ исключенія къ дворянскому сословію, и они раздѣлились на двѣ противоположныя и враждебныя группы. Одна стояла за крестьянскіе надѣлы и самоуправленіе, а другая ратовала за священныя права собственности, за вотчинную власть, за надѣлъ крестьянъ одной усадебной осѣдлостью. Эта вторая группа уже въ то время проводила реакціонныя начала... Приверженцы стараго порядка усиленно дѣйствовали въ своихъ видахъ и старались группировать «своихъ людей» около разныхъ коммисій, призывавшихся тогда рѣшать крестьянскій вопросъ.

Не пользуясь правомъ лица оффиціально призывавшагося къ участію въ разработкѣ «вопроса», Александръ Илларіоновичъ тѣмъ не менѣе не оставался бездѣятельнымъ. Находясь, по своему положенію, въ центрѣ тѣхъ сферъ, гдѣ шли дебаты, онъ имѣлъ возможность слѣдить не только за проэктировавшимся рѣшеніемъ вопроса въ подробностяхъ, но и за общимъ ходомъ дѣла. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ частныхъ совѣщаніяхъ и агитировалъ къ разъясненію настоящаго смысла задуманныхъ реформъ. Онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Ю. Самаринымъ и Н. Милютинымъ, принимавшими въ разработкѣ вопроса самое дѣятельное участіе. Но дѣятельную натуру его, безъ сомнѣнія, не могло удовлетворять одно обсужденіе вопроса въ частныхъ бесѣдахъ. Сознавая, что проведеніе реформы въ жизнь требуетъ безпристрастныхъ дѣятелей, онъ искалъ случая лично послужить народному дѣлу. Онъ нашелъ такой случай и принялъ на себя обязанности члена новгородскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Занятіе такой скромной должности лучше всего подтверждаетъ сказанное нами выше о томъ отвращеніи, какое питалъ Александръ Илларіоновичъ къ служебнымъ, бюрократическимъ порядкамъ. Къ тому же для пытливаго и всегда болѣе практическаго ума Александра Илларіоновича представлялся особый интересъ въ томъ, какъ проводилась реформа, на сколько

устроеніе крестьянъ въ хорошо извѣстной ему мѣстности совершалось «по правдѣ и справедливости».

Проведя въ провинціи лучшіе годы своей жизни, «внѣ того круга, гдѣ набираются служилые люди», Александръ Илларіоновичъ пользовался довѣріемъ мѣстнаго общества. Когда введено было положеніе о земствѣ, онъ избранъ былъ гласнымъ сначала Старорусскаго уѣзда, а потомъ и губернскимъ, въ роли котораго и дѣйствовалъ цѣлыхъ два трехлѣтія, съ 1865 по 1872 годъ.

Земская дѣятельность Александра Илларіоновича представляетъ большой общій интересъ, помимо того, что она была плодотворна для мѣстныхъ нуждъ губерніи, гдѣ онъ былъ гласнымъ. При оцѣнкѣ нашихъ земскихъ дѣятелей, изъ среды которыхъ Александръ Илларіоновичъ особенно замѣтно выдѣлялся, необходимо припомнить тѣ условія, при которыхъ начиналась и продолжалась ихъ дѣятельность. А эти условія были далеко неблагопріятны. Земская реформа, какъ начало ликвидаціи бюрократическаго строя и административной опеки, была встрѣчена со стороны недовольныхъ крестьянскою реформою не только не дружелюбно, но прямо враждебно; пускались въ ходъ всевозможныя средства, чтобы уронить новые порядки въ мнѣніи правительства и общества. Первымъ земскимъ дѣятелямъ, вступившимъ съ большими надеждами и съ «положеніемъ» въ рукахъ, болѣе опредѣлявшимъ ихъ обязанности, чѣмъ права, предстояла трудная задача по заведенію земскаго хозяйства. Принимая на себя отъ правительственной администраціи немаловажныя и трудныя обязанности, земскіе дѣятели, вмѣстѣ съ тѣмъ, не получили почти ничего правильно организованнаго. Администрація сдавала земству остатки своего хозяйничанья въ такомъ видѣ, что трудно было разобраться въ немъ. У новаго хозяина не было на первыхъ порахъ ни инвентаря, ни средствъ удовлетворять безчисленнымъ и самымъ неотложнымъ нуждамъ. При такихъ-то нелегкихъ условіяхъ приходилось работать земскимъ людямъ и связать себя ими могъ только тотъ, въ комъ было живо общественное чувство, сильно сознаніе важности общественнаго долга. Въ земскіе дѣятели на первыхъ порахъ шли лучшіе русскіе люди, искренно сочувствовавшіе самоуправленію и вѣрившіе въ дальнѣйшее развитіе его, шли не только люди мо-

лодые, но и изъ того поколѣнія, о которомъ справедливо было сказано, что ему «суждены благіе порывы, но свершить ничего не дано». Хотя Александръ Илларіоновичъ и принадлежалъ къ этому поколѣнію, но онъ не допускалъ той безотрадной мысли, что людямъ его поколѣнія не дано ничего свершить. Сознаніе общественнаго долга руководило имъ и онъ шелъ служить земскому дѣлу со всѣмъ запасомъ своихъ знаній и опыта. Ему было уже 47 лѣтъ отъ роду, когда онъ избранъ былъ въ земскіе гласные.

Въ теченіе двухъ трехлѣтій своего служенія земству, Александръ Илларіоновичъ былъ дѣятельнымъ и независимымъ общественнымъ представителемъ, гласнымъ въ полномъ смыслѣ этого слова; главная его заслуга въ томъ, что онъ старался большинство земскихъ вопросовъ ставить и выяснять принципіально. Хотя на первыхъ порахъ въ составѣ новгородскаго губернскаго земства и было не мало весьма почтенныхъ и образованныхъ дѣятелей, но Александръ Илларіоновичъ былъ впереди ихъ: «онъ не былъ тѣмъ практикомъ, который въ заботахъ о мелкихъ общественныхъ дѣлахъ теряетъ обыкновенно широкій взглядъ на дѣло и нисходитъ до обыденной роли завѣдующаго какою-либо отдѣльною частью. Какъ ни почтенны подобные дѣятели, но Александръ Илларіоновичъ стоялъ выше ихъ».

Мы не имѣемъ въ виду слѣдить шагъ за шагомъ за всей земской дѣятельностью Александра Илларіоновича, а укажемъ лишь на главнѣйшіе факты этой дѣятельности, на тѣ оригинальныя его предложенія, которыя онъ большею частью вносилъ въ земскія собранія въ видѣ «отдѣльныхъ мнѣній». Эти «отдѣльныя мнѣнія», при которыхъ князь оставался не въ одномъ только земствѣ, а въ послѣдствіи и въ своей публицистической дѣятельности, не только характеризуютъ самобытный складъ его ума, но и свидѣтельствуютъ, насколько онъ былъ безпристрастенъ.

Новгородское земство открыло свою дѣятельность въ мартѣ 1865 года и въ первомъ своемъ собраніи избрало членовъ управы, на которую и возложило всѣ предварительныя работы по заведенію земскаго хозяйства. Управѣ предстояла сразу громадная работа по смѣтамъ, раскладкамъ и т. п., и всю эту работу ей нужно было окончить къ слѣдующему собранію,

которое и состоялось въ концѣ того же года. На этомъ собраніи выяснилось, изъ заявленія управы, что она встрѣтилась со многими затрудненіями «по разнымъ отраслямъ управленія и отъ разныхъ вѣдомствъ», и что «безъ разрѣшенія этихъ затрудненій она не видитъ возможности исполнить порученія собранія» *).

Результатомъ просмотра собраніемъ всѣхъ заявленій о «затрудненіяхъ» сразу же получился цѣлый рядъ ходатайствъ о разъясненіи «положенія», объ устраненіи невыгоднаго для земства толкованія этого положенія разными учрежденіями и лицами.

Къ концу сессіи, многіе гласные, вотировавшіе ходатайства, начинали успокоиваться на томъ положеніи, въ какомъ они находились и вдаваться при обсужденіи вопросовъ въ мелочи. Но тутъ-то изъ среды гласныхъ выдѣлился не потерявшійся въ мелочахъ Александръ Илларіоновичъ и сказалъ слово, которое всегда будетъ памятно въ исторіи нашего земства. Въ одномъ изъ послѣднихъ, предъ закрытіемъ сессіи, собраніи, гласные готовились къ избранію члена управы. При этихъ выборахъ, безъ сомнѣнія, играли замѣтную роль личные интересы. Дѣло шло о мѣстѣ съ жалованьемъ, а это, при начинавшемся уже «оскудѣніи», было для нѣкоторыхъ предметомъ исканій. Во время оживленія гласныхъ предъ баллотировкою, Александръ Илларіоновичъ выразилъ желаніе «объяснить нѣкоторыя свои недоумѣнія» и обратился къ собранію съ слѣдующими словами:

«Мы доживаемъ, мм. гг., послѣдніе дни нашего краткосрочнаго существованія; бросимъ же испытующій взглядъ на самихъ себя, на наши 20-дневные посильные труды и постараемся объяснить себѣ ту пользу, которую принесли наши дѣйствія и совѣщанія новгородскому земству. Губернская управа дѣйствительно заслужила (я говорю за себя и выражаю только свои личныя чувства) нашу глубокую признательность. Она приготовила намъ обильные матеріалы; она разработала ихъ тщательно и добросовѣстно; она представила намъ полный очеркъ нашего хозяйственнаго положенія. Докладъ, представленный губернскою управою при открытіи собранія, проэктъ смѣтъ и

*) Журн. Новгор. губ. земск. собр. 1865 г. стр. 7. Новгор. 1866.

раскладокъ, отчетъ о денежныхъ суммахъ—труды замѣчательные и они останутся прочными памятниками усердія и ревности нашихъ дѣятелей по земскому дѣлу. Но, господа, чѣмъ обильнѣе эти матеріалы, чѣмъ добросовѣстнѣе была ихъ разработка, чѣмъ полнѣе этотъ очеркъ, тѣмъ печальнѣе оказывается наше настоящее положеніе. Чтобъ избѣгнуть всякихъ увлеченій и преувеличеній, обращаюсь къ цифрамъ. Вотъ балансъ нашихъ земскихъ финансовъ: къ 10 ноября (1865 г.) имѣлось въ наличности около 32 тысячъ руб., долгу состояло 87 т. р., ожидалось (я повторяю ожидалось) разныхъ поступленій, недоимокъ и текущихъ сборовъ — 245 т. р. Расходы, ассигнованные на 1866 годъ, простираются по губернской и уѣзднымъ смѣтамъ на 405 т. р., къ этой суммѣ еще прибавится нѣсколько десятковъ тысячъ рублей на экстренные расходы по народному здравію, по взаимному страхованію и на содержаніе мировыхъ судей, не менѣе 75 т. р. Итакъ нашъ бюджетъ, скромный бюджетъ одной губерніи, на повинности денежныя, за исключеніемъ натуральныхъ и государственныхъ повинностей, простирается въ годъ на полмилліона!..

«Я перехожу далѣе къ другой сторонѣ нашихъ дѣйствій, къ нашимъ распоряженіямъ и мѣропріятіямъ. И тутъ открывается предъ нами длинный, безконечно длинный рядъ ходатайствъ, представленій, просьбъ и проэктовъ. Мы ходатайствуемъ о возвращеніи намъ собственныхъ нашихъ денегъ, безспорно намъ принадлежащихъ, ходатайствуемъ о сокращеніи расходовъ по такимъ предметамъ, которые нами единогласно признаны излишними, и, несмотря на это, остаются для насъ обязательными, наконецъ ходатайствуемъ, чтобы законъ былъ признанъ закономъ, и чтобы положеніе о земствѣ, Высочайше утвержденное Государемъ Императоромъ, не было истолковываемо отдѣльными вѣдомствами и начальствами вопреки его смыслу и духу. Вотъ и балансъ нашихъ распорядительныхъ дѣйствій!

«Мы должны смиренно сознаться, что всѣ наши усилія привели насъ къ результатамъ совершенно отрицательнымъ. Наше финансовое положеніе представляетъ намъ крупныя цифры долговъ и недоимокъ; далѣе, въ туманѣ, великолѣпныя ожиданія; еще далѣе, еще выше, въ облакахъ, ожидаемыя разрѣшенія и соглашенія о возвращеніи намъ капиталовъ народнаго продо-

вольствія и общественнаго призрѣнія. Наши распорядительныя дѣйствія ограничиваются ходатайствами и на всѣ наши ходатайства мы до сихъ поръ слышимъ только одинъ краснорѣчивый отвѣтъ—молчаніе. Вотъ наше положеніе!

«Впрочемъ, мм. гг., я не полагаю, чтобы мы должны были нынѣ же, немедленно и непосредственно приступить къ самоуничтоженію. Это было бы преждевременно. Мы можемъ, мы должны ожидать еще и надѣяться. Но я желалъ бы объяснить себѣ слѣдующее мое недоумѣніе. Если бы, признавъ невозможнымъ дѣйствовать съ пользою для земства при настоящихъ обстоятельствахъ и подтвердивъ это заявленіе въ докладахъ управы, въ мнѣніяхъ коммисій, въ постановленіяхъ собранія, если бы мы въ то же время и несмотря на эти гласныя и даже торжественныя заявленія, продолжали наши дѣйствія, самими же нами признаваемыя безплодными, то не могло ли бы это внушить мысль, что мы собираемся здѣсь для того только, чтобъ налагать на прочихъ жителей тяжкіе налоги и назначать для самихъ себя штатныя содержанія? Мысль эта, это подозрѣніе нанесли бы послѣдній ударъ нашему нравственному вліянію; ихъ надо отклонить и потому я ставлю вопросъ такъ: если на наши ходатайства и представленія не послѣдуетъ удовлетворительныхъ отвѣтовъ, то что будетъ далѣе? Въ одномъ изъ нашихъ постановленій (1 декабря 1865 г.) сказано, что въ такомъ случаѣ мы просимъ губернатора принять на себя распоряженія на счетъ земства. Но я слышалъ объ этомъ комментаріи въ такомъ смыслѣ, что мы только просимъ, а губернаторъ на нашу просьбу можетъ и не согласиться и съ своей стороны можетъ просить насъ продолжать нашу службу. Что же будетъ тогда? На этомъ вопросительномъ знакѣ я и останавливаюсь...» *).

На этотъ вопросъ предсѣдатель управы отъ имени всей управы отвѣтилъ слѣдующее: «Мы приняли на себя наши обязанности съ полнымъ сознаніемъ долга исполнять ихъ добросовѣстно: если же мы будемъ поставлены въ невозможность это дѣлать, то будемъ просить у собранія нашего увольненія».

Вопросъ, поставленный Александромъ Илларіоновичемъ, въ

*) См. «Журналы Новгор. губ. земск. собр. 1865 г., стр. 427. Новгородъ, 1866 г.

послѣдствіи лишь съ нѣкоторыми видоизмѣненіями возбуждался въ большинствѣ земскихъ собраній и остается, какъ извѣстно, открытымъ до настоящаго времени и еще болѣе осложнившимся. Лишь въ послѣднее время подходятъ къ рѣшенію его и только нынѣ общепризнанъ фактъ, что «положеніе» о земствѣ требуетъ серьезнаго пересмотра, но тогда, когда, хотя реакція только-что начиналась, на вопросъ Александра Илларіоновича взглянули далеко не такъ просто, какъ это слѣдовало. Будучи гласнымъ и живя большую часть года въ провинціи, Александръ Илларіоновичъ числился, хотя и номинально, въ спискѣ чиновъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Можетъ быть онъ и забылъ объ этомъ, но ему напомнили послѣ поставленнаго имъ въ земскомъ собраніи вопроса. Послѣ этого онъ окончательно оставилъ службу. Фактъ «напоминанія» говоритъ самъ за себя и характеризуетъ то время, когда, вслѣдъ за крестьянскою реформою, начали возникать недоразумѣнія и разладъ между представителями администраціи и общества, недоразумѣнія, приведшія въ послѣдствіи къ весьма печальнымъ явленіямъ въ нашей жизни, къ смѣшенію въ одну кучу и истинно полезныхъ дѣятелей, и хищниковъ, и дѣйствительныхъ враговъ общества и государства...

Недоразумѣніе по поводу произнесенной Александромъ Илларіоновичемъ рѣчи, при его самостоятельномъ и независимомъ положеніи, конечно не имѣло лично для него никакого значенія. Онъ продолжалъ трудиться въ земствѣ до тѣхъ поръ, пока находилъ это возможнымъ. Но будь на мѣстѣ Александра Илларіоновича человѣкъ безъ «особаго положенія», то недоразумѣнія повели бы несомнѣнно къ такимъ послѣдствіямъ, что общество лишилось бы лучшаго своего дѣятеля, а самъ дѣятель, быть можетъ, всѣхъ своихъ средствъ для существованія. Теперь Александръ Илларіоновичъ находится внѣ всякихъ недоразумѣній и ему никто не въ силахъ указывать на «неблаговидность» его словъ и дѣйствій... Но напомнить о томъ, что было давно, далеко нелишне, чтобъ хотя въ будущемъ избѣгать «недоразумѣній» и не лишать русское общество немногихъ изъ преданныхъ его интересамъ дѣятелей. Мы считали нравственною обязанностью отмѣтить здѣсь значеніе «недоразумѣнія» и думаемъ, что это не будетъ зачтено намъ въ неумѣстное отступленіе...

Въ сессію того же года Александръ Илларіоновичъ освѣтилъ смыслъ и другихъ стоявшихъ на очереди вопросовъ. Такъ, собраніе разсуждало о мѣрахъ противъ пьянства. Большинство гласныхъ высказывало самыя разнообразныя мнѣнія, отъ признанія необходимости усиленія власти, до сокращенія числа мѣстъ продажи спиртныхъ напитковъ. Нѣкоторые гласные предложили воздержаться отъ преній до окончанія занятій собранной въ то время при министерствѣ финансовъ спеціальной коммисіи по изысканію мѣръ къ уменьшенію пьянства. На это предложеніе Александръ Илларіоновичъ высказался слѣдующимъ образомъ:

«Я былъ приглашенъ въ эту коммисію, хотя не знаю,—по какому поводу удостоился я этой чести, и потому неизлишнимъ считаю сообщить собранію впечатлѣніе, которое вынесъ изъ этихъ совѣщаній. Впечатлѣніе это то, что коммисія была не серьезная; она открыла свои дѣйствія заявленіями и чтеніями записокъ, составленныхъ чиновниками питейно-акцизнаго управленія; въ запискахъ оспаривался, отвергался самый фактъ распространенія пьянства, и всѣ жалобы на это печальное явленіе приписывались партіи прежнихъ откупщиковъ и чиновники утверждали, что народъ пьетъ не болѣе какъ и прежде, но что порокъ этотъ болѣе бросается въ глаза потому, что прежніе откупщики имѣли прямой интересъ скрывать безпорядки, причиняемые ихъ торговлею, между тѣмъ какъ нынѣшнее управленіе не имѣетъ къ тому никакихъ средствъ. Далѣе, при совѣщаніяхъ обнаружилось—что впрочемъ и безъ того было извѣстно,—что всякія дѣйствительныя мѣры противъ пьянства, какъ то: возвышеніе акциза или патентнаго сбора, ограниченіе числа питейныхъ заведеній, не могутъ быть приняты потому, что стѣснили бы казенные интересы». Весь вопросъ, продолжалъ Александръ Илларіоновичъ, заключается въ томъ изъ какихъ источниковъ покрыть дефицитъ, который неминуемо произойдетъ въ государственномъ бюджетѣ, если продажа вина будетъ стѣснена и ограничена?—На этотъ вопросъ Александръ Илларіоновичъ и заявилъ собранію, что отвѣтъ можетъ быть формулированъ такъ: «русскій народъ, если онъ пойметъ свои прямыя выгоды и постановитъ свои нравственные интересы выше временныхъ, долженъ признать и признаетъ необходимость замѣнить прямыми налогами питейно-акцизный

доходъ. Тогда только и представится возможность принять противъ пьянства дѣйствительныя мѣры» *).

Такова постановка вопроса о пьянствѣ, сдѣланная 16 лѣтъ тому назадъ и, безспорно, стоящая выше тѣхъ сужденій, какія недавно слышало русское общество.

На ряду съ вопросомъ о пьянствѣ новгородское земское собраніе разсуждало о нарушеніи условій наемными рабочими, о распущенности ихъ нравовъ, о недостаточной строгости властей и затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ землевладѣльцами при самовольномъ отходѣ рабочихъ, причемъ гласные землевладѣльцы горячо отстаивали необходимость для нихъ особыхъ гарантій, въ случаяхъ нарушенія условій нанимающимися. И въ этихъ сужденіяхъ, принимавшихъ односторонній направленія, Александръ Илларіоновичъ высказалъ мнѣніе, обнаруживающее вѣрную постановку вопроса. На жалобы землевладѣльцевъ онъ отвѣчалъ: «если дѣйствительно отъ распущенности нравовъ, отъ слабости сельскаго управленія терпятъ интересы землевладѣльцевъ, то еще большая опасность угрожаетъ отъ нихъ самимъ крестьянамъ и сельскимъ обществамъ. Помѣщики могутъ еще найти исходъ изъ этого положенія, могутъ развязаться отъ неисправныхъ плательщиковъ посредствомъ выкупныхъ сдѣлокъ, но на самихъ крестьянъ эти безпорядки лягутъ тяжелымъ бременемъ: круговая порука ихъ свяжетъ на цѣлое полстолѣтіе— 49 лѣтъ, и въ этотъ долгій срокъ положеніе ихъ, если не будетъ принято мѣръ къ правильному образованію народа, сдѣлается невыносимымъ: міроѣды ихъ объѣдятъ, пьяницы— разорятъ» *).

Улучшеніе экономическаго быта и образованіе народа — вотъ вопросы, въ обсужденіи которыхъ въ земствѣ Александръ Илларіоновичъ принималъ особенно дѣятельное участіе.

Въ первые годы своей дѣятельности, когда земство имѣло болѣе простора и самостоятельности въ постановкѣ народнаго образованія, оно съ особою заботою занималось имъ, учреждая не только народныя школы, но и питомники для приготовленія учителей для этихъ школъ. Недостатокъ учителей всегда слу-

---

*) Сборн. постановл. новгор. губ. зем. собранія съ 1865 по 1877 г., стр. 560. Новгородъ. 1878 г.

*) Тамъ же, стр. 563.

жилъ камнемъ преткновенія при устройствѣ школъ. Это испытывали всѣ земства; въ томъ же положеніи было и новгородское земство.

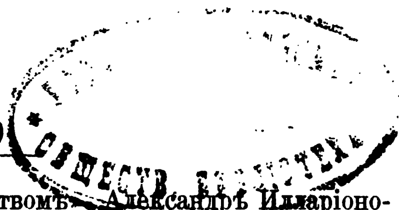
Въ одномъ изъ первыхъ его собраній шла рѣчь о томъ, какъ увеличить число школъ и снабдить ихъ персоналомъ учителей. Александръ Илларіоновичъ высказалъ слѣдующее мнѣніе, отличающееся своею практичностью; онъ находилъ, что «лучшимъ средствомъ для достиженія наискорѣйшаго образованія и развитія народныхъ школъ было бы, еслибъ уѣздныя земскія учрежденія, прислушиваясь постоянно къ заявленіямъ отдѣльныхъ селеній, сгруппированныхъ въ одной мѣстности, о желаніи ихъ открыть школу, — немедленно принимали всѣ мѣры къ исполненію этого желанія».

«Главная мѣра въ этомъ случаѣ—это денежное пособіе для найма учителя; но размѣръ пособія не будетъ очень великъ, такъ какъ селеніе всегда дастъ учителю квартиру съ отопленіемъ, а правительство, вѣроятно, разрѣшитъ выдавать имъ паекъ изъ хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ». Существованіе такого училища Александръ Илларіоновичъ признавалъ прочнымъ, потому что «образованіе его послѣдуетъ вслѣдствіе дѣйствительной потребности въ немъ». Но предлагая собранію такую простую организацію школъ, Александръ Илларіоновичъ обращалъ вниманіе собранія на то, «что положеніе сельскихъ учителей такъ трудно, что переносить его едвали-бы могъ кто нибудь другой, кромѣ лицъ, вышедшихъ изъ той среды, въ которой всегда долженъ оставаться сельскій учитель и привыкшихъ съ малолѣтства къ образу жизни крестьянъ». Въ виду этого Александръ Илларіоновичъ предлагалъ въ устраивавшуюся земскую учительскую школу принимать только лицъ изъ крестьянскаго сословія. Предложеніе это обращаетъ на себя вниманіе по своей простотѣ, и еслибы впослѣдствіи земство не было стѣснено въ дѣйствіяхъ по народному образованію, то мы навѣрное имѣли бы гораздо больше школъ съ достаточнымъ числомъ учителей.

Нельзя не остановиться и на мнѣніи, высказанномъ Александромъ Илларіоновичемъ объ устройствѣ земскаго кредита. Извѣстно, что въ то время большинство земствъ желало учредить «земскіе банки», причемъ большинство земствъ имѣло въ виду удовлетворять потребности въ кредитѣ исключительно

крупныхъ землевладѣльцевъ. Новгородское земство также проэктировало устройство земскаго банка и изыскивало способы привлеченія для этого капиталовъ. Александръ Илларіоновичъ вступилъ въ земское собраніе съ своимъ отдѣльнымъ мнѣніемъ «о возможности сліянія дѣйствій земскаго банка губерніи съ дѣйствіями только-что возникшаго тогда общества взаимнаго поземельнаго кредита», и обращалъ вниманіе, конечно не въ интересахъ одной только губерніи, а всей Россіи, на необходимость введенія ипотечной системы, указывая на то, что основаніемъ для нея могли бы послужить окладныя книги земствъ. Впослѣдствіи вопросъ объ ипотечной системѣ обратилъ на себя вниманіе правительства и даже выработанъ проэктъ, стремящійся къ идеально-совершеннымъ даннымъ для ипотечныхъ книгъ. Но если-бы въ то время получили осуществленіе практичныя указанія Александра Илларіоновича на земскіе матеріалы, то у насъ было-бы уже положено начало ипотечной системы, столь необходимой для обезпеченія поземельнаго кредита. Равнымъ образомъ, еслибъ большинство крупныхъ землевладѣльцевъ, вмѣсто проэктированія въ своихъ сословныхъ интересахъ земскихъ банковъ, примкнуло тогда, для удовлетворенія своихъ потребностей, или къ только-что устроенному тогда обществу поземельнаго кредита, или устроило другое общество, но на взаимномъ же началѣ, то оно не испытывало-бы послѣдствій дороговизны поземельнаго кредита, предложеннаго впослѣдствіи въ такомъ изобиліи акціонерными поземельными банками. Изъ непониманія своихъ выгодъ, изъ равнодушнаго отношенія къ заявленіямъ своихъ лучшихъ дѣятелей, и въ вопросѣ о лучшей организаціи кредита, какъ и во многихъ другихъ, получились печальныя послѣдствія и они-то еще болѣе освѣщаютъ смыслъ предложеній, подобныхъ приведенному, высказанному въ земствѣ Александромъ Илларіоновичемъ.

Насколько онъ, трудившійся надъ разработкою мѣстныхъ земскихъ вопросовъ, обладалъ вѣрными и широкими взглядами на общегосударственныя дѣла, можно судить хотя бы по тому «отдѣльному» мнѣнію его, какое онъ высказалъ по поводу переданнаго правительствомъ на разсмотрѣніе земства проэкта о замѣнѣ подушной подати подворнымъ и поземельнымъ налогомъ. Ссылаясь на то, что въ обращеніи правительства къ земству сказано, «что ни одно изъ основныхъ началъ этого про-

экта не предрѣшено правительствомъ», Александръ Илларіоновичъ предложилъ собранію войти «въ обсужденіе этихъ началъ»; самъ же, въ своемъ мнѣніи, подробно высказался о вопросѣ «удобно-ли и справедливо-ли привлекать къ нововводимому налогу одно крестьянское сословіе», какъ то предлагалось въ проэктѣ.

Вопросъ этотъ ставилъ Александръ Илларіоновичъ потому, что въ докладѣ податной коммисіи, выработавшей проэктъ, онъ находилъ «самые убѣдительные доводы противъ основного начала самаго проэкта, доводы до того краснорѣчивые, что можно думать, что они внушены земскимъ собраніямъ съ тою цѣлью, чтобы оставить имъ честь почина въ этомъ благомъ дѣлѣ, точно такъ, какъ при крестьянской реформѣ, иниціатива первыхъ заявленій была предоставлена дворянскимъ собраніямъ». «Избѣгая всякихъ частныхъ и мѣстныхъ воззрѣній, которыя могли бы показаться односторонними, мы считаемъ, говорилъ Александръ Илларіоновичъ, болѣе цѣлесообразнымъ принять въ основаніе всѣхъ нашихъ соображеній оффиціальные факты». На основаніи оффиціальной статистики Александръ Илларіоновичъ доказалъ, что «крестьянская земля по раскладкѣ разныхъ податей и обязательныхъ платежей, выплачиваетъ болѣе, чѣмъ даетъ дохода», и въ силу этого отвергалъ возможность замѣнить подушную подать поземельнымъ налогомъ. Что касается до подворнаго обложенія, то Александръ Илларіоновичъ находилъ, «что правительство установляетъ подворный налогъ только для того, чтобы имѣть вещественный и удобный признакъ податного оклада, крупный предметъ и притомъ недвижимый, который не могъ бы ускользнуть отъ вниманія сборщиковъ и ревизіи начальниковъ — и только». А проэктировавшуюся раскладку налога не по дворамъ, а по числу рабочихъ душъ, Александръ Илларіоновичъ находилъ тождественной той, какая «издревле существовала въ крестьянскомъ быту и называлась тягловою. И разница между этой и нововводимой раскладкой состояла бы только въ томъ, что тягло выражало всегда, по понятіямъ крестьянъ, рабочаго, т. е. взрослаго крестьянина, надѣленнаго полевой землей, а по проэкту къ налогу привлекаются и крестьяне работники, т. е. бобыли и батраки, непользующіеся полевымъ надѣломъ». По мнѣнію Александра Илларіоновича, убѣдительно подтвержденному положительными

разсчетами, подворный налогъ не могъ бы считаться «уравнителемъ» платежной тягости, лежащей на крестьянской землѣ. Такимъ уравнителемъ Александръ Илларіоновичъ считалъ «только другую землю, не крестьянскую, или другія имущества— торговыя, промышленныя и т. п.».

Отвергая «проэкты» правительственной коммисіи и останавливаясь предъ фактомъ, что «изъ общей массы прямыхъ налоговъ, казенныхъ и земскихъ, на крестьянахъ лежитъ 83%, а на крупныхъ землевладѣльцахъ только 4%, Александръ Илларіоновичъ находилъ, что для уравненія податной тягости нельзя найти другого основанія, какъ перенесеніе 46% изъ суммъ крестьянскихъ платежей на другія сословія и имущества, не крестьянскія». Но отвергая проэкты, Александръ Илларіоновичъ стоялъ на практической почвѣ и для избѣжанія крутыхъ мѣръ предлагалъ на первое время соблюсти полную постепенность:

1) подушный окладъ оставить на нѣкоторое время безъ измѣненія, не переименовывая его въ подворный; 2) земскій государственный сборъ причислить для раскладки къ губернскимъ и уѣзднымъ повинностямъ и производить раскладку на тѣхъ же основаніяхъ и по тому же разсчету съ цѣнности и доходности, какіе установлены земскими учрежденіями*); 3) для усовершенствованія земскихъ раскладокъ и повѣрки цѣнности и доходности имуществъ учредить въ каждой губерніи оцѣночныя коммисіи; 4) по истеченіи срока, нужнаго для приведенія въ полный порядокъ мѣстныхъ свѣдѣній и оцѣнокъ, замѣнить и подушную подать таковымъ же налогомъ съ доходности облагаемыхъ имуществъ».

Это предложеніе Александра Илларіоновича легло въ основаніе отвѣта новгородскаго земства на правительственное обращеніе съ проэктами о замѣнѣ подушной подати. Давая свой отвѣтъ, земское собраніе доводило до свѣдѣнія правительства, что «земство новгородской губерніи сочло бы себя счастливымъ, если бы правительству угодно было, при дальнѣйшей разработкѣ вопроса, призвать его къ участію въ обсужденіи этого важнаго преобразованія».

Теперь, спустя 12 лѣтъ послѣ заявленія Александра Илла-

---

*) Что и сдѣлано было впослѣдствіи.

ріоновича по податной реформѣ, общество съ гордостью можетъ вспоминать лучшихъ своихъ дѣятелей и считать труды ихъ имѣющими живой современный интересъ. Вопросъ о податной реформѣ до нынѣ остается открытымъ и мнѣніе Александра Илларіоновича мало того, что не потеряло своего значенія, но и служитъ хорошимъ отвѣтомъ тѣмъ, кто сѣтуетъ на отсутствіе у насъ дѣятелей, и въ тоже время не цѣнитъ и не пользуется трудами лицъ дѣйствительно разумныхъ и подготовленныхъ къ дѣлу. Такія мнѣнія, какія высказывалъ Александръ Илларіоновичъ въ земствѣ, убѣдительнѣе всего свидѣтельствуютъ, что русская земля бѣдна не отсутствіемъ дѣятелей, знающихъ, «свѣдущихъ» людей, а — невозможностью приложить мысли и знанія къ дѣлу.

Эта невозможность и была постоянно причиною, почему изъ земства мало по малу уходили лучшіе представители общества. Отчасти по той же причинѣ оставилъ земство и Александръ Илларіоновичъ, въ 1872 году, попросивъ «исключить его изъ числа губернскихъ и уѣздныхъ гласныхъ новгородской губерніи».

Будучи еще гласнымъ, постоянно избираемымъ собраніемъ въ особыя коммисіи для предварительной разработки вопросовъ, обсуждавшихся земствомъ, Александръ Илларіоновичъ естественно встрѣчался съ фактами--невозможности высказываться по каждому вопросу отдѣльно, безъ общаго плана, безъ системы. Онъ лично испытывалъ на себѣ то, чего не доставало всѣмъ земскимъ дѣятелямъ, это—строгаго плана въ мѣропріятіяхъ, плана исходящаго изъ уясненія себѣ самой сущности «самоуправленія», всѣхъ его функцій и органической связи его съ управленіемъ. Служа земству одной только губерніи, но зная, что указанный недостатокъ руководящихъ началъ не мѣстный, а обще-русскій недостатокъ, Александръ Илларіоновичъ нашелъ въ себѣ силы идти на служеніе всему русскому земству. И вотъ онъ окружаетъ себя литературою по самоуправленію въ различныхъ государствахъ Европы и Америки, изучаетъ эту литературу и въ 1869 году выступаетъ съ сочиненіемъ «О самоуправленіи», предлагая въ немъ русскому обществу «сравнительный обзоръ русскихъ и иностранныхъ земскихъ и общественныхъ учрежденій». Этимъ обширнымъ трудомъ Александръ Илларіоновичъ на 50 году своей жизни на-

чинаетъ свое литературное и публицистическое поприще. Фактъ этотъ знаменателенъ самъ по себѣ и, намъ кажется, что профессоръ Градовскій совершенно правъ, говоря, что Александръ Илларіоновичъ былъ привлеченъ на литературное дѣло двумя великими реформами: крестьянскою и земскою; что не совершись этихъ преобразованій — публицистическій талантъ Александра Илларіоновича заглохъ-бы въ деревенскомъ уединеніи; что перспектива новой общественной дѣятельности пробудила энергію Александра Илларіоновича и онъ началъ работу въ такіе годы, когда другіе уже предаются отдыху; что въ такіе годы человѣкъ не выходитъ на литературное поприще, не посвящаетъ всего своего досуга на научныя изысканія безъ серьезныхъ побужденій, безъ сильныхъ убѣжденій, которыя должно высказать*).

«Самоуправленіе» Александра Илларіоновича встрѣчено было обществомъ весьма сочувственно и менѣе чѣмъ въ два года разошлось въ двухъ изданіяхъ,—такова была потребность въ обществѣ уяснить себѣ земское дѣло, имѣть руководящую нить въ новомъ положеніи, въ какое общество поставлено было земскою реформою. Сочиненіе Александра Илларіоновича стало настольною книгою каждаго образованнаго земца, который получалъ возможность, если не изучать по ней основы земскаго дѣла, то во всякомъ случаѣ пользоваться обильными, сведенными въ систему, указаніями практики разныхъ народовъ по удовлетворенію разнообразныхъ общественныхъ потребностей. Имя автора «самоуправленія» стало сразу популярно; въ земскихъ собраніяхъ и въ соображеніяхъ управъ зачастую цитировались страницы «самоуправленія», и эти указанія свидѣтельствуютъ, что въ то время въ нашей литературѣ не было ничего удовлетворяющаго потребности общества по уясненію себѣ вопросовъ самоуправленія. Впослѣдствіи, когда практика земскихъ учрежденій дала обильный матеріалъ, наша литература обогатилась особымъ критическимъ отдѣломъ по земскимъ вопросамъ; появились даже особыя, объясняемыя только потребностью времени, изданія разныхъ руководствъ для земскихъ людей и всевозможныхъ сборниковъ разъясненій и толкованій земскаго «положенія», изданія не разъясняющія, а

*) «Недѣля» 1881 г., № 41. См. приложеніе въ концѣ книги.

запутывающія смыслъ не только «положенія», но и самаго принципа самоуправленія; появилась, наконецъ, переводная литература; но мы думаемъ, что сочиненіе Александра Илларіоновича остается до сихъ поръ единственнымъ въ земской литературѣ и оригинальнымъ въ полномъ смыслѣ слова трудомъ. Можетъ казаться, что злоба дня и отмѣченная нами «разъяснительная» земская литература, имѣющая обязательное потребленіе въ средѣ земцевъ, сдали сочиненіе Александра Илларіоновича въ архивъ; но земское дѣло не рѣшенное дѣло и если ему суждено быть скоро поставленнымъ на очередь, то трудъ Александра Илларіоновича навѣрное придется вытащить изъ архива и снова пересмотрѣть его съ большою пользою для дѣла. Ниже мы подробнѣе остановимся на сочиненіи «о самоуправленіи» и напомнимъ — какъ авторъ понималъ и ставилъ земскій вопросъ.

Пока же обратимся къ брошюрѣ Александра Илларіоновича, написанной имъ не задолго до выхода въ свѣтъ «Самоуправленія».

Брошюра «Русскій администраторъ новѣйшей школы» издана была «по независѣвшимъ отъ автора обстоятельствамъ» въ Берлинѣ (въ 1868 г.) и заключаетъ въ себѣ «отвѣтъ на записку бывшаго псковскаго губернатора Обухова», разсылавшуюся въ то время въ печатномъ видѣ отъ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ всѣмъ высокопоставленнымъ лицамъ и начальникамъ губерній. Познакомившись съ запискою г. Обухова, Ю. Ф. Самаринъ, чутко относившійся къ общественному дѣлу, желалъ написать самъ разборъ записки и напечатать его вмѣстѣ съ запискою, но, «не будучи знакомъ съ мѣстными условіями Псковской губерніи, не могъ позволить себѣ сужденіе о вѣрности заключеній автора къ ней относящихся», а потому Ю. Ф. и предложилъ другу своему Александру Илларіоновичу написать свое мнѣніе о запискѣ. Такъ объясняется въ предисловіи къ брошюрѣ, написанномъ Ю. Ф. Самаринымъ, появленіе ея въ свѣтъ. Тамъ же говорится о запискѣ и мотивахъ къ разбору ея слѣдующее: «вся она

(т. е. записка) состоитъ изъ общихъ, очень свысока брошенныхъ взглядовъ на наши современные, повсемѣстно встрѣчающіеся, порядки и безпорядки, притомъ взглядовъ очень не новыхъ»; далѣе говорится, что объ ней не стоило бы и говорить, еслибъ она не разсылалась при особомъ письмѣ, циркулярѣ, въ которомъ записка «рекомендовалась не какъ поучительное предостереженіе отъ пустозвонства, до котораго администраторъ новѣйшей школы можетъ быть доведенъ модною страстью примѣшивать высшіе политическіе взгляды къ самымъ простымъ предметамъ, а, напротивъ, какъ трудъ образцовый по своей дѣльности и какъ мастерское воспроизведеніе, въ примѣненіи къ одной губерніи, воззрѣнія, повидимому, патронируемаго министерствомъ». Относясь къ запискѣ не какъ къ личнымъ взглядамъ, а какъ къ понятіямъ «признаннымъ и усвоеннымъ, конечно, не тою властью, которая сочла своевременнымъ даровать Россіи освобожденіе крестьянъ съ землею, земскія учрежденія и гласный судъ, а того вѣдомства, попеченію котораго ввѣрены наши общественныя и сословныя учрежденія»,—авторъ предисловія говоритъ: «Мнѣ кажется, что именно теперь, когда всѣ русскіе люди, сколько нибудь способные работать, привлекаются къ участію въ великихъ мѣропріятіяхъ верховной власти по устройству самоуправленія, для насъ всѣхъ не только не безполезно, но даже необходимо пользоваться всякою возможностью знакомиться съ общими видами и съ мнѣніями о нашей посильной общественной дѣятельности именно того вѣдомства, которое, по преимуществу, призвано направлять ее». Видя въ запискѣ случай къ такому ознакомленію, авторъ предисловія и рѣшился напечатать записку вмѣстѣ съ отвѣтомъ на нее Александра Илларіоновича. О самой запискѣ г. Обухова намъ, конечно, говорить нѣтъ надобности; къ тому же сущность ея будетъ видна изъ «отвѣта», съ которымъ мы и познакомимъ читателей, едва ли имѣвшихъ возможность въ свое время, т. е. почти 14 лѣтъ тому назадъ, прочитать это мнѣніе одного изъ лучшихъ и благороднѣйшихъ своихъ соотечественниковъ, возражавшаго, насколько это было возможно, лжетолкователямъ реформъ великаго царствованія. Кумиры того времени пали, а многіе изъ нихъ даже и умерли, а потому и можно быть вѣрнымъ истинѣ хотя-бы «заднимъ числомъ»; наконецъ, брошюра настолько вылежалась, хотя и не заплѣсневѣла,

что даже была перепечатана въ «Русской Старинѣ» (1881 г. № 1). «Отвѣтъ» свой Александръ Илларіоновичъ начиналъ такъ: «Мы предпринимаемъ тяжелый и неблагодарный трудъ отвѣчать такому губернатору, который 9 мѣсяцевъ управлялъ губерніей, посвятилъ ея изученію большую часть лѣта, посѣтилъ лично изъ 164—124 волости и вникъ вездѣ въ экономическій бытъ населенія, въ общественную его дѣятельность и вообще во всѣ обстоятельства, обусловливающія его матеріальное, умственное и нравственное развитіе. Возражать на результаты оффиціальныхъ наблюденій такого объема и такой глубины мы бы и не посмѣли, еслибъ намъ не казалось, что девятимѣсячный срокъ слишкомъ кратокъ для вниканія въ экономическія условія быта населенія». Затѣмъ говорится, что схваченная на лету картина быта населенія представлена въ запискѣ мрачною и имѣющею два плана:

«На переднемъ—написана яркими красками, мастерскою кистью живописца, умѣющаго угождать прихотливому вкусу меценатовъ, заказывающихъ и оплачивающихъ его посильные труды, написана, говоримъ, картина всѣхъ бѣдствій, постигшихъ и продолжающихъ постигать псковскую губернію». «На заднемъ планѣ, въ легкихъ очеркахъ, въ полусвѣтѣ, представлена перспектива спасенія, очерчены проэкты и мѣры излеченія тяжкаго недуга и проложенъ или, лучше сказать, намѣченъ путь, ведущій къ чудесному обновленію губерніи, ко спасенію всей Россіи отъ язвъ гласности, самоуправленія и свободы».

Созерцаніе такой картины вызвало въ авторѣ «отвѣта» слѣдующее разсужденіе: «Все это, говоритъ онъ, было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно! Все это не заслуживало бы опроверженія, если бы подъ этими намеками второстепенныхъ агентовъ не скрывались замыслы первостатейныхъ дѣятелей, подготовляющихъ, подъ предлогомъ невозможной реакціи, очень возможное разложеніе всѣхъ живыхъ силъ нашего отечества. Программа, представленная г. псковскимъ губернаторомъ, полная; она сводитъ въ краткую записку всѣ аргументы, разсѣянные въ умахъ и рѣчахъ той партіи или, лучше сказать, того кружка, который вступилъ въ борьбу съ реформами».

Останавливаясь на главныхъ положеніяхъ записки, попирающей и народный бытъ, и самоуправленіе, Александръ Илла-

ріоновичъ силою фактовъ, добытыхъ путемъ личнаго знакомства его съ губерніею, разбиваетъ всѣ эти положенія и выводы, что называется, «наголову». Обращаясь затѣмъ къ предлагаемымъ въ запискѣ средствамъ спасенія, авторъ «отвѣта» резюмируетъ ихъ слѣдующимъ образомъ:

«Учрежденіе поземельнаго кредита;

«Замѣна общиннаго владѣнія участковымъ;

«Необходимость вмѣшательства администраціи во всѣ виды общественной дѣятельности;

«Рѣшительное устраненіе администраціи во всѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло идетъ объ интересахъ самаго общества;

«Для понужденія населенія къ образованію, вступленіе въ бракъ подчинить непремѣнному условію грамотности;

«Централизовать губернскую администрацію и опредѣлить ея отношенія къ прокурорскому надзору;

«Наконецъ: собрать и соединить консервативные элементы».

Не входя въ подробности фактическихъ возраженій Александра Илларіоновича на каждую изъ этихъ спасительныхъ мѣръ, предлагавшихся въ запискѣ, остановимся лишь на существенныхъ возраженіяхъ сдѣланныхъ противъ централизаціи административной власти.—Въ самой запискѣ программа централизаціи намѣчена въ слѣдующихъ докторальныхъ выраженіяхъ, по замѣчанію Александра Илларіоновича «попадающихъ въ самый тонъ и угождающихъ одновременно двумъ противуположнымъ вкусамъ — бюрократическому и аристократическому». — Въ запискѣ говорилось, «вмѣшательство администраціи во всѣ виды общественной дѣятельности необходимо; а именно: по всѣмъ предметамъ, гдѣ общественная дѣятельность соприкасается съ администраціей, указывать ей самомалѣйшія ошибки, настойчиво требовать исполненія всего, что относится до повинностей государству, непреклонно указывать земству предѣлъ его дѣятельности. Но вмѣстѣ съ тѣмъ (эта черта самая рельефная во всей запискѣ—замѣчаетъ авторъ отвѣта) неумолимо отказывать въ участіи правительства земскимъ и общественнымъ учрежденіямъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда они обратятся къ нему съ ходатайствомъ выручить ихъ изъ затрудненій, въ которыя они впали, какъ бы ни были тяжелы временныя послѣдствія этого отказа для общества.»

Останавливаясь на послѣднемъ совѣтѣ и видя въ немъ «ключъ и настоящій смыслъ не только разбираемой записки, но и цѣлой системы, послѣдовательно развиваемой въ извѣстномъ административномъ и великосвѣтскомъ кружкѣ»,—Александръ Илларіоновичъ комментировалъ этотъ совѣтъ слѣдующимъ образомъ: «закрыть земскія учрежденія послѣ трехлѣтняго ихъ существованія было бы, съ одной стороны, неловко, съ другой и не нужно; не ловко потому, что частыя законодательныя перемѣны были бы приняты нашими недоброжелателями какъ признакъ слабости и колебаній. Не нужно потому, что въ ту же рамку можно вставить, вмѣсто общества и земства, крупное землевладѣніе и такимъ образомъ, не упраздняя самыхъ учрежденій, измѣнить ихъ внутренній смыслъ и незамѣтно, исподоволь, поясненіями и дополненіями по указаніямъ опыта, достичь желаемаго, прежде чѣмъ нежелающіе догадаются о чемъ идетъ темная, иносказательная рѣчь; для этого нужно прежде всего, чтобы производимый земскими учрежденіями опытъ управленія былъ обставленъ такими невыгодными условіями, которыя привели бы ихъ неминуемо къ безуспѣшности дѣйствій.»—Александръ Илларіоновичъ находилъ, что для достиженія этого авторомъ записки предлагаются средства— вмѣшательство администраціи во всѣ виды общественной дѣятельности и неумолимый отказъ въ содѣйствіи во всѣхъ затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ новыми учрежденіями,—что оба эти средства вполнѣ радикальны. «Теорія отказа, поясняетъ онъ, не представляетъ ничего насильственнаго, она не производитъ взрыва, не предполагаетъ ломки; она только подкапывается подъ основы нововведеннаго порядка управленія и колеблетъ ихъ, не разрушая самого зданія, въ ожиданіи, что оно разрушится само собою».—Но что же будетъ, если развивать такую систему далѣе? и къ чему приведетъ она?—Пытаясь заглянуть въ это неизвѣстное будущее, Александръ Илларіоновичъ говорилъ: «мы придемъ къ тому, что народъ, видя безсиліе новыхъ учрежденій, получая чрезъ выборныхъ своихъ людей постоянные отказы во всѣхъ своихъ нуждахъ и пользахъ, непремѣнно обвинитъ ихъ въ неуспѣхѣ, припишетъ ихъ неудачи нерадѣнію и неумѣнью угождать начальнику, свалитъ на нихъ вину за возвышеніе расходовъ, вводимыхъ по непоколебимымъ требованіямъ администраціи, и постепенно придетъ къ тому убѣж-

денію, что онъ неспособенъ собою управлять, и долженъ сложить власть, ему временно, въ видѣ опыта, дарованную, въ руки прежнихъ своихъ властителей: чиновниковъ и помѣщиковъ.»

Касаясь затѣмъ сужденій записки о народномъ образованіи, которое можно поднять чрезъ запрещеніе неграмотнымъ вступать въ бракъ, авторъ «отвѣта» говоритъ, что эти сужденія интересны только въ смыслѣ уясненія пріема, употребляемаго нашими реакціонерами, пріема «не лишеннаго нѣкоторой ловкости» и заключающагося въ слѣдующемъ: «коль скоро дѣло заходитъ о преобразованіяхъ, которыя имъ не по сердцу, они (реакціонеры) прибѣгаютъ къ аргументу о неразвитости нашего населенія и предлагаютъ предварительно заняться обученіемъ народа, подготовленіемъ общества, разсчитывая довольно вѣрно, что эти предварительныя занятія займутъ цѣлыя поколѣнія и отстрочутъ надолго ненавистныя имъ реформы». Характеризуя такимъ образомъ пріемъ реакціонеровъ, авторъ заключаетъ свое сужденіе объ этомъ слѣдующими словами: «мы не беремся доказывать имъ (реакціонерамъ), что народъ воспитывается не въ однѣхъ школахъ, но гораздо болѣе и дѣйствительнѣе въ гласныхъ судахъ и открытыхъ собраніяхъ, что самоуправленіе, точно такъ, какъ и грамотность, составляетъ элементарное образованіе народа... они это знаютъ, и потому опасаются этого всенароднаго движенія».

Останавливаясь на указываемой въ запискѣ «необходимости собрать и соединить консервативные элементы», авторъ «отвѣта» замѣчаетъ, что о русскомъ консерватизмѣ весьма трудно составить понятіе, «потому что всѣ партіи у насъ называютъ себя охранительными и, дѣйствительно, каждая изъ нихъ охраняетъ различные интересы русской земли «по своему усмотрѣнію». «Но тотъ консерватизмъ, который заявляетъ себя въ запискѣ, имѣетъ нѣкоторыя особенныя черты, по коимъ можно очень легко отличить его отъ прочихъ оттѣнковъ той же партіи, и отъ всѣхъ убѣжденій, мыслей и чувствъ всѣхъ слоевъ нашего русскаго общества».

Записка Обухова заканчивается общею характеристикою населенія Псковской губерніи; дѣля населеніе на три группы: 1) фермеровъ, выходцевъ изъ Остзейскаго края 2) лицъ польскаго происхожденія и 3) туземное населеніе,—авторъ записки

высказывается о каждой группѣ такимъ образомъ: «фермеры отличаются слѣдующими качествами: трудолюбіемъ, привычкой къ порядку и дисциплинѣ; усиленіе этого элемента, по мнѣнію автора, желательно для благотворнаго содѣйствія матеріальному развитію губерніи; поляки безвредны и среди нихъ нѣтъ никакой общности, не проявляется никакого стремленія къ пропагандѣ»; что же касается туземнаго населенія, народной массы, то о ней говорится слѣдующее: «она находится въ хаотическомъ состояніи; отъ послѣднихъ реформъ она не успѣла еще опомниться, ждетъ полнаго и яснаго проявленія результатовъ этихъ реформъ, колеблется, недоумѣваетъ и уподобляется стихійной силѣ, которая должна быть воспитана въ политическомъ отношеніи».

Останавливаясь на такой характеристикѣ народа хорошо знакомой ему мѣстности, Александръ Илларіоновичъ говоритъ: «Итакъ мы русскіе—стихія въ глазахъ консерваторовъ. Силу нашу они признаютъ и потому называютъ насъ стихійною силой. Но болѣе ничего въ насъ не видятъ кромѣ стихіи, которою надо воспользоваться какъ весьма просторнымъ, привольнымъ поприщемъ для всякаго рода эксплуатацій. На этой стихіи можно поселить Остзейскихъ фермеровъ, на ней же можно водворить польскихъ переселенцевъ, расторгнуть коренной сельскій бытъ замѣной общиннаго владѣнія участковымъ, ввести фермерство, крупное землевладѣніе, запретить вступленіе въ бракъ всѣмъ неграмотнымъ простолюдинамъ; все это можно, потому что, какъ сказано, русскій народъ составляетъ въ настоящее время только стихійную силу, а по непреложнымъ законамъ науки, стихія есть только матеріальная сила, которую направляютъ другія силы разумныя, умственныя, денежныя, остзейскіе фермеры, польскіе выходцы и русскіе консерваторы».

«Отвѣтъ» свой на принципы, изложенные въ запискѣ «псковскаго Макіавелли», Александръ Илларіоновичъ заканчиваетъ слѣдующею ироніею: «одно явленіе во всемъ этомъ намъ кажется утѣшительнымъ: для проведенія этихъ, такъ называемыхъ консервативныхъ, въ дѣйствительности революціонныхъ въ Россіи ученій, послѣдователи ихъ не разсчитываютъ на воспріимчивость и сочувствіе русскаго общества, ищутъ союзниковъ извнѣ, вызываютъ нѣмцевъ, приглашаютъ поляковъ, и,

такимъ образомъ, сами сознаютъ, что въ чисто русской средѣ они безсильны, даже въ той, которую они называютъ охранительнымъ элементомъ».

«Отвѣтъ», съ которымъ мы познакомили сейчасъ, такъ симпатично обрисовывающій нравственную личность Александра Илларіоновича, конечно, не могъ бы найти себѣ въ то время, когда онъ писался, мѣста ни въ одномъ нашемъ органѣ печати, которую реакціонеры держали болѣе чѣмъ въ ежовыхъ рукавицахъ. Прочитавши этотъ патріотическій отвѣтъ, нынѣ не болѣе, какъ историческій матеріалъ, не трудно согласиться въ томъ, какъ близко стоялъ Александръ Илларіоновичъ къ біенію пульса нашей внутренней политики, и какъ въ то же время участіе въ общественномъ дѣлѣ было для него невозможно.

Переходя теперь къ сочиненію «о самоуправленіи», мы прежде всего отмѣтимъ, въ какое время и при какихъ условіяхъ писалось сочиненіе.

Въ предисловіи ко второму изданію самъ авторъ заявляетъ, что «самоуправленіе» онъ началъ писать въ то время, когда принципъ «самоуправленія» вовсе еще не пользовался той популярностью, которую онъ пріобрѣлъ нынѣ, когда Франція въ полномъ цвѣтѣ своего могущества, основаннаго на строжайшей административной централизаціи, признавалась всѣми друзьями порядка представительницею высокихъ началъ личнаго авторитета, полицейскаго благоустройства и военной дисциплины, — когда Пруссія всѣми силами сдерживала порывы нѣмецкой націи къ самоуправленію и отвергала послѣдовательно, систематически всякіе проэкты о реформѣ своихъ общественныхъ учрежденій», и когда «въ Россіи производились первые опыты самоуправленія, возбуждавшіе столько же преувеличенныхъ ожиданій, сколько и ложныхъ опасеній». Моментъ «опытовъ» Александръ Илларіоновичъ характеризовалъ слѣдующими чертами: «обстоятельства внутреннія и внѣшнія, говоритъ онъ, были крайне неблагопріятны для предпринятаго испытанія: внутри страны никто—ни правительство, ни общество, за исключеніемъ немногихъ провинціальныхъ дѣятелей, не принимали этого дѣла за

серьезную, сознательно предначертанную реформу. Высшія, свѣтскія сословія, русская интеллигенція во всѣхъ своихъ видахъ ожидала отъ земства болѣе, чѣмъ оно могло дать; администрація же не давала ему и того, что по разуму закона ему слѣдовало и принадлежало». Въ то же время, въ другихъ государствахъ, «во всей средней Европѣ торжествовалъ и праздновалъ свои побѣды другой, противоположный принципъ, принципъ личнаго авторитета, верховными представителями коего признавались правители Франціи и Пруссіи. Вездѣ министры продолжали истолковывать и дополнять законы «по указаніямъ опыта», вездѣ должностныя лица преслѣдовались «административнымъ порядкомъ», вездѣ нарушались законныя права, въ виду «государственной пользы» (I, 513, 515)*).

При такомъ состояніи внутренней политики континентальныхъ государствъ Европы и выяснявшихся результатовъ первыхъ «опытовъ» съ самоуправленіемъ у насъ, авторъ «для объясненія духа и разума самоуправленія» въ сочиненіи своемъ и ссылается исключительно на Англію.

Приведенная характеристика самимъ авторомъ времени и условій, когда онъ писалъ свою книгу, представляется весьма интересною не съ одной только біографической стороны.

Крестьянская реформа разрушила цѣпи рабства, а земская должна была снять съ народа лишнюю тяжесть административной опеки. Но провозглашеніе принциповъ освобожденія и самоуправленія сразу же не могло быть связано съ представленіемъ о фактически осуществившихся—свободѣ и самоуправленіи. Вчерашній рабъ не могъ конечно вдругъ стать полноправнымъ гражданиномъ; сдѣлаться таковымъ онъ могъ только въ теченіе извѣстнаго времени и подъ вліяніемъ такихъ условій, которыя закрѣпляли бы за нимъ его права, гарантировали провозглашенныя верховною властью принципы. Явился вопросъ: что же нужно сдѣлать, чтобъ получить условія, при которыхъ народъ былъ бы въ состояніи осуществлять полученныя имъ права? Александръ Илларіоновичъ взялся за рѣшеніе этого вопроса посредствомъ отвѣта на другой вопросъ, а именно: какъ живутъ другіе народы, какъ они осуществляютъ свои права, какъ они, эти другіе народы, пользуются самоуправленіемъ?

Авторъ прослѣдилъ за исторіею самоуправленія въ другихъ

*) Всѣ ссылки сдѣланы по второму изданію, С.-Петербургъ. 1872 г.

государствахъ и пришелъ къ своеобразнымъ положеніямъ; онъ смотрѣлъ на самоуправленіе не какъ на орудіе для введенія и поддержанія различныхъ политическихъ вліяній, но какъ на особый порядокъ, вовсе чуждый политики, имѣющій свою особую цѣль и свою отдѣльную область дѣйствій, именно цѣлый разрядъ дѣлъ домашнихъ, мѣстныхъ, съ политикою не имѣющихъ большой связи, дѣлъ земскихъ. Объясняя «духъ и разумъ» самоуправленія, авторъ говоритъ, что «оно означаетъ участіе народа въ мѣстномъ внутреннемъ управленіи своего отечества; это участіе въ извѣстномъ размѣрѣ допускается во всѣхъ государственныхъ организаціяхъ, и при самыхъ централизованныхъ формахъ правленія мѣстнымъ жителямъ представляется все-таки весьма обширный и многосложный кругъ дѣйствій, преимущественно по тѣмъ предметамъ вѣдомства, которые могли бы обременить центральную администрацію чрезмѣрными расходами и заботами управленія» (I, введ.).

Допуская «самоуправленіе» при самыхъ централизованныхъ государственныхъ организаціяхъ, авторъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «мы видимъ, говоритъ онъ, что одинъ изъ обыкновеннѣйшихъ пріемовъ современныхъ правительствъ состоитъ въ томъ, что они расширяютъ и усложняютъ кругъ вѣдомства властей мѣстныхъ учрежденій, но вмѣстѣ съ тѣмъ стѣсняютъ ихъ самостоятельность и такимъ образомъ пользуются обязательной ихъ службой по наряду и личными ихъ повинностями для того только, чтобы сократить государственный бюджетъ и утаить некоторую часть расходовъ и повинностей, переводя ихъ изъ оффиціальной государственной росписи въ негласныя смѣты отдѣльныхъ обществъ и провинцій» (I, введ.). И тамъ, гдѣ управленіе поступаетъ такимъ образомъ, «возлагая на мѣстныхъ обывателей всѣ тягости управленія безъ соотвѣтствующихъ правъ — тамъ, гдѣ практикуется подобная система, эта система не заслуживаетъ названія самоуправленія». Оно, говоритъ авторъ, «получаетъ свое значеніе только съ той поры, когда мѣстные жители получаютъ дѣйствительное вліяніе на ходъ дѣлъ и хотя бы кругъ, въ которомъ это вліяніе обнаруживается, и оставался тѣснымъ и ограниченнымъ, но общественная самостоятельность скорѣе выигрываетъ отъ такого стѣсненія, чѣмъ отъ чрезмѣрнаго расширенія своей инициативы и усложненія предметовъ вѣдомства» (I, введ.).

Прежде, чѣмъ опредѣлить кругъ дѣйствій самоуправленія, авторъ, въ видѣ исторической справки предлагаетъ слѣдующее разсужденіе: «тѣ народы, которые достигли дѣйствительной самостоятельности и истинной свободы, начали свое политическое поприще съ того, что закрѣпили за собой нѣсколько простыхъ, но существенныхъ правъ и преимуществъ и, не увлекаясь общечеловѣческими соображеніями и политическими притязаніями, старались утвердить свою независимость въ тѣсной средѣ мѣстныхъ интересовъ». Далѣе авторъ говоритъ, «что первый шагъ народовъ къ самостоятельности былъ направленъ къ тому, чтобы налоги и повинности, устанавливаемые центральною властью, раскладывались на мѣстахъ, по собственнымъ соображеніямъ обывателей, по платежнымъ ихъ средствамъ, по цѣнности и доходности ихъ имуществъ; второй періодъ развитія общественной самостоятельности заключается въ томъ, что самое расходованіе суммъ на мѣстныя нужды поручается мѣстнымъ собраніямъ или сходкамъ мѣстныхъ податныхъ обывателей; наконецъ, третій періодъ движенія народа къ самостоятельности выразился въ томъ, что дѣйствія мѣстныхъ учрежденій и властей по раскладкѣ повинностей и расходованію суммъ были изъяты изъ вѣдѣнія правительственныхъ агентовъ и поручены мѣстнымъ властямъ, къ коимъ перешли и функціи мѣстнаго суда, принявшія названіе мирового института» (I, 3). Этимъ послѣднимъ правомъ, по мнѣнію автора, «завершено было постепенное развитіе общественной самостоятельности». Отсюда-то авторъ и пришелъ къ заключенію, «что полное понятіе о самоуправленіи у тѣхъ народовъ, гдѣ оно дѣйствительно существуетъ, сложилось изъ трехъ простыхъ и непосредственныхъ дѣйствій: раскладки податей, расходованія земскихъ сборовъ и мѣстныхъ суда и расправы» (I, 3). И въ этихъ «дѣйствіяхъ» онъ находилъ существо того порядка внутренняго управленія, которое въ Англіи и Америкѣ называется selfgovernment, и это самоуправленіе, по мнѣнію автора, строго различается «отъ народнаго представительства, гдѣ народъ участвуетъ въ верховномъ правленіи, въ законодательной и финансовой власти».

Останавливаясь на англійскомъ selfgovernment'ѣ и находя въ немъ «спокойный, ненарушаемый ходъ текущихъ дѣлъ мѣстнаго самоуправленія, независимый ни отъ личныхъ козней на-

чальствующихъ лицъ, ни отъ смутъ политическихъ партій и собраній», авторъ задавался вопросомъ: «могутъ ли быть эти начала, позаимствованныя изъ страны аристократической, съ крупнымъ землевладѣніемъ, наемной милиціей, приспособлены къ обществамъ демократическимъ, съ общиннымъ землевладѣнемъ, съ обязательной военной повинностью», т. е. могутъ ли эти начала быть приспособлены въ Россіи?

Разсматривая русскій поземельный строй, онъ нашелъ, что на поставленный вопросъ можно отвѣчать утвердительно, такъ какъ «отъ мѣстнаго устройства міра, общины зависитъ и весь складъ нашей русской общественной жизни, и большимъ или меньшимъ развитіемъ мірского элемента, его самостоятельностью, многолюдствомъ, внутренней силой обусловливается не только въ нравственномъ, но и матеріальномъ, хозяйственномъ отношеніи, развитіе земскихъ и общественныхъ учрежденій въ Россіи.» (II, закл.) Указывая на примѣнимость началъ англійскаго «самоуправленія» къ Россіи и сопоставляя ихъ съ «земствомъ», авторъ находилъ, что оно «есть одинъ изъ многоразличныхъ видовъ всенароднаго движенія, влекущаго нашъ вѣкъ къ уравненію правъ, и что оно существенно различается отъ демагогическихъ стремленій другихъ странъ тѣмъ, что признаетъ основными своими началами не личную свободу, не политическое равенство, не соціальное братство, а земское уравненіе, т. е. право на землю, на извѣстный меньшій размѣръ надѣла и обязанность держать землю или владѣть недвижимымъ имуществомъ для того, чтобы пользоваться политическими правами. И эти начала и права хотя и не были оффиціально признаны, но силою вещей, безъ умысла и намѣреній, вошли и легли въ основаніе нашихъ законоположеній о крестьянствѣ и земствѣ» (II, закл.).

Находя, что право на землю и сельская община составляютъ главныя отличительныя черты нашего общественнаго быта отъ быта другихъ народовъ, авторъ приходилъ къ заключенію, что и учрежденія самоуправленія вытекаютъ у насъ изъ земскаго права и повинностей, основанныхъ на землевладѣніи. Такимъ образомъ, по мнѣнію автора, «земство въ Россіи выражаетъ принципъ самоуправленія въ тѣсномъ неразрывномъ сліяніи съ русской землей и что никакое угодье не можетъ быть исключено изъ земскаго представительства безъ нарушенія самаго прин-

ципа, состоящаго преимущественно въ уравнительной раскладкѣ всѣхъ податей и повинностей по землѣ». Значеніе же, «главное и высшее», земскаго самоуправленія, по мнѣнію автора, «заключается въ томъ именно, что оно учреждаетъ законный порядокъ для обсужденія такъ-называемыхъ соціальныхъ вопросовъ, обсужденія недоступнаго для центральнаго правительства, въ какую бы форму, самодержавную или представительную, оно не облекалось, и возможно только въ мѣстныхъ собраніяхъ и сходкахъ, при участіи всѣхъ обывателей». Въ развитіи этой формы управленія «выражающаго правильное взаимнодѣйствіе народной воли и мѣстныхъ властей въ предѣлахъ закона и подъ сѣнью суда», въ просторѣ, какой будетъ данъ земскимъ и общественнымъ совѣщаніямъ, въ степени вниманія, какое посвящено будетъ вопросамъ народнаго благосостоянія, — Александръ Илларіоновичъ видѣлъ утвержденіе правъ освобожденнаго народа, «рѣшеніе будущей судьбы не только русскаго и всѣхъ прочихъ современныхъ обществъ, но и разрѣшеніе грозной задачи—должны ли народныя массы окончательно подпасть подъ руководство революціонныхъ партій и народныхъ агитаторовъ, эксплоатирующихъ ихъ нужды для своихъ властолюбивыхъ цѣлей, или же могутъ ожидать отъ содѣйствія образованныхъ классовъ, при правильной организаціи мѣстнаго самоуправленія, постепеннаго разрѣшенія вопросовъ: о начальномъ образованіи, народномъ кредитѣ, объ уравненіи податей и повинностей» (II, 536). Въ нашемъ же общественномъ быту, авторъ находилъ преимущественныя данныя и для разрѣшенія слѣдующихъ задачъ «земскаго, т. е. соціальнаго благосостоянія»:

а) пересмотра законовъ о вольномъ переходѣ изъ обществъ;

б) введенія широкой системы колонизаціи и надѣла землями изъ государственныхъ имуществъ для сельскихъ обывателей, вытѣсняемыхъ изъ своихъ мѣстъ жительства густотой населенія и малоземельемъ;

в) преобразованія волости въ общесословное учрежденіе;

г) правильнаго распредѣленія субсидій изъ казенныхъ и земскихъ суммъ для устройства и содержанія народныхъ школъ и передачи земству извѣстной части казенныхъ земель и угодій, въ видѣ неприкосновеннаго фонда для начальнаго образованія;

д) устройства кредитныхъ товариществъ, рабочихъ и производительныхъ артелей, съ ссудою основного капитала отъ казны и земства;

е) введенія обязательнаго взаимнаго страхованія отъ огня и падежей скота для всѣхъ сословій и имуществъ;

ж) преобразованія прямыхъ податей и земскихъ сборовъ въ подоходный налогъ, съ правомъ разверстки всѣхъ таковыхъ налоговъ по оцѣнкѣ податныхъ сословій» (II, 544).

По мнѣнію автора, «русская земля представляетъ для развитія самоуправленія почву болѣе привольную, чѣмъ среднеевропейскія страны; она имѣетъ въ сельской общинѣ и въ рабочей артели первобытный очеркъ той системы ассоціацій, которая выработывается нынѣ на западѣ съ неимовѣрнымъ трудомъ и составляетъ основу народной самодѣятельности; она имѣетъ обильный запасъ земельныхъ и лѣсныхъ угодій, съ помощью коихъ можетъ порѣшить мирно и безъ нарушенія права собственности главный вопросъ будущности, вопросъ аграрный». (II, 543).

Останавливаясь на преимуществахъ нашего поземельнаго строя, авторъ констатируетъ фактъ—«чрезмѣрнаго, всепоглощающаго преобладанія крестьянскаго элемента», фактъ не только не извѣстный въ Европѣ, но и знаменующій собою то, что «чувство земскаго уравненія въ Россіи соотвѣтствуетъ чувству личнаго равенства, провозглашеннаго французской революціей въ Европѣ». Авторъ даже говоритъ, что «понятіе о равенствѣ лицъ столько же чуждо русскому быту, сколько сродно ему понятіе объ уравненіи земельныхъ надѣловъ и земскихъ тягостей»; и «что въ Россіи аристократія и демократія сливаются въ землевладѣніи и въ земскихъ, изъ него вытекающихъ, интересахъ такъ тѣсно, что никакой ясной, правильной черты различія между ними провести нельзя». Разсуждая о «преобладаніи крестьянства», онъ въ видѣ тезиса говоритъ: «крестьянство въ Россіи занимаетъ первенствующее мѣсто въ общественномъ и земскомъ строѣ, первенствующее не только по своей многочисленности, пространству владѣній, общей доходности и цѣнности имуществъ, но и потому, что оно организовано лучше, полнѣе, самостоятельнѣе, чѣмъ прочія сословія, тѣснѣе связано, и среди всякихъ внѣшнихъ, выше исходящихъ, притѣсненій и невзгодъ окрѣпло во внутреннемъ,

униженномъ своемъ составѣ» (I, введ.). Не дѣлая себѣ изъ «окрѣпшей въ униженномъ составѣ» массы полнаго кумира, авторъ дѣлаетъ однако оговорку относительно будущаго, если въ немъ еще болѣе усилится крестьянское землевладѣніе; онъ говоритъ, — «что въ чрезмѣрномъ преобладаніи крестьянства кроется явная осязательная опасность для нравственнаго прогресса и цивилизаціи нашего отечества, и въ общинномъ землевладѣніи главнѣйшее препятствіе къ улучшенію земледѣльческой культуры». Находя, что съ такимъ неудобствомъ необходимо помириться, не надо разстраивать «этотъ вѣковой ходъ нашего общественнаго строя», такъ какъ препятствія эти не непреодолимы, и что указанныя неудобства скорѣе могутъ быть исправлены, чѣмъ другіе неизлѣчимые недуги, какими болѣютъ другія общества» (I, введ.), авторъ однако «дальнѣйшее преуспѣяніе ставилъ въ зависимость «отъ той степени умственнаго и нравственнаго образованія, до котораго возвысится у насъ низшій классъ народа». Обусловливая преуспѣяніе образованіемъ, авторъ очевидно былъ близокъ къ той глубокой истинѣ, какую недавно высказалъ одинъ изъ нашихъ ученыхъ знатоковъ обычнаго права, проф. Сергѣевичъ, а именно: «мысль народа можетъ имѣть готовые отвѣты только на вопросы, которые постоянно возникаютъ въ практикѣ его собственной жизни и вѣдѣніе которыхъ принадлежитъ ему. Къ рѣшенію всѣхъ остальныхъ вопросовъ народъ подготовленъ гораздо менѣе чѣмъ люди интеллигенціи. Лишенный просвѣщенія и не причастный къ отправленіямъ государственной жизни, онъ можетъ подойти къ самымъ важнымъ политическимъ задачамъ только съ мѣркою своей узкой жизни. До тѣхъ поръ, пока народъ будетъ лишенъ собственнаго опыта и просвѣщенія, онъ по необходимости останется подъ руководствомъ людей опыта и просвѣщенія *)». Александръ Илларіоновичъ находилъ, что, не нарушая вѣкового строя народной жизни, вѣковой опытъ, народный кругозоръ надо расширять путемъ образованія.

По его мнѣнію «для образованія народныхъ массъ представляются два пути: учебный, т. е. умственно-нравственное воспитаніе въ народныхъ школахъ—и практическій», т. е. участіе народа въ мѣстномъ самоуправленіи». «Обученіе

*) «Наблюдатель». Январь 1882 г., стр. 96.

грамотѣ и участіе въ мѣстныхъ совѣщаніяхъ и судахъ, по его мнѣнію, и составляютъ полную школу начальнаго народнаго образованія». Требуя свободнаго доступа въ эти школы, онъ выставлялъ «принципъ открытаго и безплатнаго обученія и гласныхъ совѣщаній и судовъ».—Въ обезпеченіе успѣховъ самоуправленія и суда, считалъ необходимымъ образовательный цензъ, почему и находилъ, что «главными органами самоуправленія должны быть: народное училище, земское собраніе и мировой судъ»—Трактуя школу, какъ «органъ» самоуправленія, онъ не даромъ выставлялъ условіе, чтобъ въ государственномъ бюджетѣ на народную начальную школу стояла цифра въ 12.600,000 руб. (I, 478). Высчитывая эту наименьшую сумму, авторъ спрашивалъ: «найдемъ ли мы ихъ?», и говорилъ, что «средства навѣрное найдутся» и трудно повѣрить, чтобы Россія не нашла въ своемъ бюджетѣ «благоразумныхъ сбереженій или новыхъ источниковъ на эту сумму»; авторъ вѣрилъ что средства найдутся, если найдутся убѣжденные люди, которые заявятъ «высшимъ властямъ, что народное образованіе есть вопросъ жизни или смерти для народовъ нашего вѣка и что величіе современныхъ державъ зависитъ еще болѣе отъ числа грамотныхъ, чѣмъ отъ числа солдатъ» (I, 449). Онъ также былъ убѣжденъ въ томъ, что энергичные люди поборются съ «приказными», которые «не находя своихъ выгодъ въ сокращеніи расходовъ, поступающихъ въ ихъ пользу въ видѣ жалованій, пенсій, арендъ, отстаиваютъ съ неодолимымъ упорствомъ громадныя смѣты расходовъ, предназначаемыхъ почти исключительно на содержаніе и награжденіе гражданскихъ и военныхъ чиновъ» (I, 449). Но взывая къ дѣятельнымъ людямъ, чтобъ они отстаивали народную школу какъ основу самоуправленія, даже какъ «органъ» его, авторъ, по опыту своего личнаго служенія земству, зналъ, что съ «приказными» не легко поладить, не даромъ же онъ и сказалъ, что при первыхъ опытахъ «самоуправленія» «самоуправство нѣкоторыхъ управъ и собраній прямо встрѣтилось съ самовластіемъ отдѣльныхъ начальниковъ и все это вмѣстѣ приняло названіе самоуправленія».—Это-то столкновеніе и привело автора чисто практическимъ путемъ къ тому заключенію «что нельзя идти далѣе по этому скользкому пути, не изслѣдовавъ почвы и направленія, по коимъ пролагается новая до-

рога».—Все сочиненіе свое онъ и посвятилъ тому, «чтобы найти тѣ черты, схватить ту нить, которая могла бы насъ вывесть на путь общественнаго устроенія». А авторъ былъ глубоко убѣжденъ въ томъ, «что Россіи нѣтъ другого исхода, какъ примѣненіе и развитіе началъ, провозглашенныхъ въ началѣ царствованія императора Александра II».—Опредѣляя съ большою подробностью кругъ дѣйствій мѣстнаго «самоуправленія», онъ выставлялъ для правильнаго его развитія одну гарантію именно непоколебимое «положеніе», что земскія учрежденія «покоряются только одному закону, и въ предѣлахъ закона пользуются независимостью» (I, 28).

Мы уже указали выше, какъ авторъ находилъ, что «самоуправленіе» можетъ развиваться и при централизованной формѣ правленія, разумѣя подъ первымъ «кругъ домашнихъ дѣлъ, земскихъ», и обособляя эти дѣла отъ политическихъ. Но, разсматривая отношеніе народнаго представительства къ мѣстному самоуправленію, (III, 24), приводя различныя мнѣнія, возражая противъ взглядовъ «будто самоуправленіе немыслимо безъ всенароднаго представительства», авторъ высказалъ слѣдующее свое мнѣніе: «справедливо и вѣрно, что самоуправленіе, при постепенномъ и благоразумномъ развитіи, ведетъ неминуемо къ народному представительству; и какъ ручьи, слѣдуя естественному склону почвы, сливаются въ рѣки и моря, такъ отдѣльныя мѣстныя учрежденія, слѣдуя естественному ходу событій, стекаются въ общія представительныя собранія. Народы, пользующіеся самостоятельными правами во внутреннемъ управленіи, очень легло достигаютъ и политическихъ правъ; сила вещей и ходъ событій, указывая всѣмъ и каждому на необходимость соглашенія, приводятъ ихъ къ желанной цѣли—къ той формѣ правленія, которая соглашаетъ отдѣльныя мѣстныя потребности съ пользами всего государства, т. е. къ народному представительству» (I, 24).

Таковы взгляды Александра Илларіоновича на «самоуправленіе», взгляды выработавшіеся не столько изъ теоретическаго изученія общаго, такъ сказать «правового» порядка, сколько продиктованные настоящимъ состояніемъ общественной жизни.

Не научный широкій юридическій взглядъ легъ въ основу сочиненія автора «самоуправленія», а созерцаніе даннаго состоянія «черныхъ людей», искренняя вѣра въ добрые инстинкты

«образованныхъ классовъ», которые явятся просвѣщать народъ въ практической школѣ самоуправленія, подъ «сѣнью закона и суда»; сильная вѣра въ то, что выше этой «сѣни» не посмѣетъ встать никто, кромѣ законной верховной власти, что «приказные» не посмѣютъ противопоставить дарованному этою властью русскому народу «самоуправленію»—свое «самовластіе»!... Одушевленный такою вѣрою, самъ лично руководившійся только чистыми, честными побужденіями, и думавшій, что есть и еще много такихъ же безкорыстныхъ людей, Александръ Илларіоновичъ не замѣчалъ того громаднаго пространства, которое лежитъ между народомъ и верховною властью, и что на этомъ пространствѣ проводниками народной воли, народной нужды могутъ оказаться и такіе дѣятели, для которыхъ «своя рубашка, ближе къ тѣлу» и которые могутъ эксплоатировать народныя нужды въ свою пользу.—Онъ полагалъ, что «не свобода личности, огражденная твердымъ закономъ, даетъ жизнь и твердую опору самоуправленію, а, напротивъ, самоуправленіе создаетъ и свободу личности и твердый законъ», что народъ съ успѣхомъ можетъ развиваться въ народной школѣ и въ участіи по завѣдыванію своими пользами и нуждами. Какъ ни горекъ будетъ корень такого ученія, какъ ни трудно будетъ ему проходить такую школу, Александръ Илларіоновичъ думалъ, что «обученіе» пойдетъ успѣшно при содѣйствіи «образованныхъ классовъ».—На сколько вѣрны такіе взгляды—это другой вопросъ, по которому и высказалась критика «Самоуправленія» *), но ясно одно, что Александръ Илларіоновичъ не смотрѣлъ на «черныхъ людей» съ той точки зрѣнія, съ которой смотрятъ на нихъ мнимые ихъ друзья. Онъ не желалъ для народа поворота въ тьму кромѣшную, чуть не до-исторической старины, обособленности и варварства; онъ не льстилъ грубымъ народнымъ инстинктамъ, не видѣлъ въ нихъ высшей мудрости, съ которою масса могла бы прямо подойти къ рѣшенію самыхъ сложныхъ вопросовъ общественной жизни, напротивъ, онъ горячо желалъ замѣны инстинктовъ, смутныхъ представленій, знаніемъ, чтобъ народъ сознательно, въ тѣсномъ союзѣ съ «образованными классами», устраивалъ

*) Обстоятельные разборы см. въ «Отеч. зап.» 1869 г. № 12; «С.-Пбург. Вѣдом.» 1869 г. № 911 и 1871 г. №№ 6—8.

свои общественныя дѣла. Эти классы онъ приглашалъ быть наставниками и руководителями народа, и хотя руководительство онъ обставлялъ оригинальными, мало обезпечивающими дѣло условіями, въ чемъ въ послѣдствіи и самъ убѣдился, но во всемъ томъ, что онъ писалъ, не найдется проповѣди приниженія интеллигенціи предъ народною мудростью. Отъ интеллигенціи онъ желалъ только, чтобъ она въ руководительствѣ народа, въ просвѣщеніи его, не радикальничала, не ломала тѣхъ народныхъ воззрѣній, которыя выразились въ «общинѣ», въ «артели»—этихъ, какъ онъ говорилъ—«первообразахъ нынѣ нарождающихся «ассоціацій»,—а старалась, напротивъ, совершенствовать эти «первообразы», не давать имъ застывать въ мертвой неподвижности, чего такъ желаютъ теперь не друзья народа, а темныя силы, такъ недавно выдумавшія тенденціозный терминъ «господчины», болѣе всего подходящій къ выдумавшимъ его,чѣмъ къ дѣйствительной интеллигенціи.—Не отграниченіе «черныхъ людей» отъ «образованныхъ классовъ», какъ чистаго источника всякихъ добродѣтелей отъ гнилого болота, не «абсентеизмъ» этихъ классовъ проповѣдывалъ онъ, а солидарность, общность интересовъ въ достиженіи общей цѣли прогрессивнаго движенія Россіи, въ слѣдованіи ея вмѣстѣ съ другими народами къ высшему развитію, при условіи неповторенія въ своей жизни тѣхъ отрицательныхъ фактовъ, которые уже освѣщены опытомъ другихъ народовъ.

Работая надъ «самоуправленіемъ», Александръ Илларіоновичъ не допускалъ мысли, «чтобы при поверхностномъ образованіи, которое дано было и дается по нынѣ (1868 г.) среднимъ и высшимъ классамъ въ Россіи, при ихъ легкомысленномъ отчужденіи отъ народнаго быта, непониманіи существенныхъ интересовъ страны и народа, администрація, въ смыслѣ французской centralisation или прусской gutsherrlichkeit, могла бы когда либо осуществить въ Россіи тѣ ожиданія, которыя возлагаютъ на нее приверженцы старыхъ порядковъ для возстановленія административнаго самовластія и помѣщичьяго управленія» (I, 323). Но мы видѣли, какъ твердость такого убѣжденія была значительно поколеблена въ авторѣ, когда ему вскорѣ затѣмъ пришлось отвѣчать на записку «администратора новѣйшей школы»,—это первое и довольно осязательное résumé не-

добрыхъ инстинктовъ, которымъ сочувствовали люди и изъ тѣхъ «классовъ», которыхъ авторъ не признавалъ способными къ захвату въ свои руки «самовластія».

Взглядъ Александра Илларіоновича на необходимость широкой постановки народнаго образованія, возможно большаго увеличенія числа народныхъ школъ, былъ конечно не новъ: онъ высказывался и защищался всѣми лучшими дѣятелями въ земствѣ, не говоря уже о печати. На первыхъ же порахъ своей дѣятельности земство старалось лучше обставить народную школу; оно дѣлало на нея значительныя затраты, устраивало учительскія семинаріи, строило школьныя зданія и вообще чрезъ своихъ представителей принимало ближайшее участіе въ судьбѣ своихъ школъ не въ хозяйственномъ только, но и въ педагогическомъ отношеніи. Но мало по малу реакціонерное движеніе стало подкапываться подъ земскую дѣятельность и въ этомъ направленіи; начались ограниченія земства въ дѣлѣ народнаго образованія, доходившія до того, что роль земства въ его же школахъ сводилась къ «хозяйственнымъ» заботамъ, т. е. къ простой ассигновкѣ денегъ. Вторженіе администраціи въ народную школу происходило одновременно съ преобразованіемъ средняго и высшаго образованія. Была объявлена «система», такъ называемая «классическая», съ пріуроченною ей неумолимою строгостью, съ обязательными «учебными планами», со всѣмъ тѣмъ, что повергло общество въ недоумѣніе и даже страхъ и дало впослѣдствіи столько жертвъ, отмѣченныхъ правда лишь въ скорбящихъ сердцахъ отцовъ и матерей, да въ уголовной статистикѣ... Понимавшіе «суть системы» не могли печатно разоблачать ея дѣйствительнаго значенія; вопросъ о народномъ образованіи сдѣлался монополіею «Московскихъ Вѣдомостей», которыя только и могли говорить то, что было нужно творцамъ системы. Время насажденія классицизма было тяжолое; къ тому же значенія его большая часть общества не понимала; она только страдала подъ давленіемъ конкретныхъ фактовъ бичеванія юношества древними языками. Въ эту то трудную эпоху нашей жизни, при

полной задавленности «законной печати», Александръ Илларіоновичъ, близко принимавшій къ сердцу дѣло народнаго образованія, и понимавшій значеніе проводимой «системы», выступилъ съ открытымъ печатнымъ письмомъ своимъ (напечатаннымъ въ 1875 г. въ Берлинѣ) къ творцу системы графу Толстому. Этимъ письмомъ онъ отвѣтилъ графу за все русское общество. Мы передадимъ въ главныхъ чертахъ содержаніе этого важнаго историческаго документа, такъ какъ онъ не особенно извѣстенъ обществу. Лишь недавно, почти на дняхъ, впервые въ нашей печати появилось указаніе на этотъ документъ *). «Письмо Министру Народнаго Просвѣщенія графу Толстому отъ князя Васильчикова» (таково названіе брошюры) необширное, оно занимаетъ всего 49 страницъ въ 16-ю долю листа. Цѣль своего посланія авторъ мотивировалъ такъ: «адресую я это письмо вамъ и лично вамъ, графъ, потому что все это дѣло, вся эта система лично и прямо отъ васъ исходятъ, вами поддерживаются и безусловно зависятъ отъ большей или меньшей продолжительности вашего служенія въ высокомъ званіи Министра Народнаго Посвѣщенія. Послѣ васъ во всей Россіи едва ли найдется другой сановникъ, который бы рѣшился приводить въ исполненіе ваши предначертанія; такимъ образомъ воспитаніе цѣлаго поколѣнія нашего юношества поставлено въ зависимость отъ вашего существованія, вашего здоровья, вашихъ домашнихъ обстоятельствъ, однимъ словомъ отъ того неопредѣленнаго срока, какой вамъ суждено прожить, предполагая, что до конца жизни вы не оставите высокаго поста, вами занимаемаго. Поэтому, желая вамъ всякихъ благъ, вожделеннаго здравія и «многія лѣта», я отъ васъ одного и ожидаю спасенія, т. е. прекращенія опыта, который вы производите in anima vili нашихъ дѣтей». Другимъ мотивомъ обращенія къ графу авторъ письма выставлялъ и то, что считалъ его за человѣка образованнаго, «нѣжнаго отца семейства»; онъ говорилъ: «не могу повѣрить, хотя это и говорятъ, чтобы политическія увлеченія и властолюбіе заглушили въ васъ, до полнаго притупленія, чувство сострадания ко многимъ тысячамъ другихъ семействъ, которыхъ ваша система воспитанія поставила внезапно въ безвыходное положеніе».

*) См. Наблюдатель 1882 г. № 1., статья г. Стоюнина. Статья эта въ извлеченіи помѣщена въ приложеніи къ нашей книгѣ.

Считая такимъ образомъ «систему» личнымъ дѣломъ графа, Александръ Илларіоновичъ обращался къ нему съ слѣдующими прекрасными по своей простотѣ словами, продиктованными ему не личнымъ конечно чувствомъ, а сознаніемъ общественнаго долга; онъ писалъ: «ни вы, графъ Толстой, ни я, князь Васильчиковъ, не можемъ судить по себѣ объ этомъ положеніи: мы съ вами принадлежимъ къ тому разряду счастливцевъ, которые могутъ выдержать безъ разстройства всякія испытанія, преодолѣть всякія трудности и пожертвовать большими суммами для воспитанія нашихъ дѣтей, не причиняя себѣ никакихъ стѣсненій. Но насъ немного, тысячи полторы или двѣ семействъ въ Россіи; для всѣхъ же прочихъ, для людей не только бѣднаго, но и средняго состоянія, для всего провинціальнаго дворянства, для большей части купечества и всѣхъ разночинцевъ, задача, вами предложенная для воспитанія, не разрѣшима и невыносима».

Какъ же понималъ авторъ письма значеніе системы, въ чемъ видѣлъ ея «невыносимость», и насколько въ высказанномъ имъ можно признавать глубокое знаніе среды, гдѣ система дѣйствовала, пониманіе скрытыхъ пружинъ, замаскированныхъ «классицизмомъ»? Указывая на то, что введенію классицизма не предшествовало принятіе предварительныхъ мѣръ къ усиленію образовательныхъ средствъ и вспоминая то прошлое, которое имъ самимъ прожито, онъ говорилъ: «въ теченіи 30 лѣтъ классическое и вообще высшее образованіе состояло въ опалѣ и вдругъ дѣлается обязательнымъ обученіе такимъ предметамъ, для коихъ нѣтъ предподавателей; филологія находилась въ пренебреженіи, и въ мое время разсказывали какъ о чудѣ Петербургскаго университета, что въ одинъ изъ выпусковъ были два студента-филолога (Гедеоновъ и Раденъ), переводившіе à livre ouvert съ греческаго языка на латинскій. Но и эти знатоки оказалось не посвятили себя скромному званію преподавателей древнихъ языковъ и ихъ блистательные успѣхи не оплодотворили тощей почвы русской филологіи». Не возражая ничего противъ «филологіи», противъ возвышенія общаго уровня гимназическаго и университетскаго образованія согласно требованіямъ педагогики, принятой «въ другихъ странахъ высшей культуры» и указывая на невозможность перестраивать образованіе не имѣя педагоговъ, авторъ оговаривался, что такія

соображенія не могли не быть извѣстны и самому графу, такъ круто повернувшему школьную реформу, а потому и полагалъ, что въ переворотѣ кроются особыя причины; онъ говорилъ: «если вы рѣшились ударить тревогу и, пренебрегая всякими подготовительными средствами, прямо, обязательно ввести классическія ученія безъ учителей, то вы должны имѣть другія побужденія, передовыя или заднія мысли, государственныя или политическія соображенія, которыя заставили васъ пожертвовать послѣдовательностью и постепенностью въ виду какой либо угрожающей опасности, пожертвовать настоящимъ поколѣніемъ сыновей, чтобы спасти грядущія поколѣнія, спасти отечество». Ставя вопросъ—«отъ чего спасать»? и не думая, что графъ удостоитъ его отвѣтомъ, авторъ самъ отвѣчалъ на этотъ вопросъ, «руководствуясь тѣми мнѣніями, которыя неоднократно высказывали люди и писатели, выдающіе сами себя за органы Министерства Народнаго Просвѣщенія и признаваемые таковыми въ нашей русской публикѣ». По мнѣнію автора оказывается, что «первое и главное побужденіе» къ ускоренію реформы учебныхъ заведеній было — «опасеніе антисоціальныхъ ученій, проникшихъ во многія изъ нихъ подъ страшнымъ знаменемъ нигилизма». Соглашаясь, что борьба съ тлетворными ученіями необходима, авторъ не признавалъ избраннаго пути серьезнымъ, къ тому же мѣры графа онъ находилъ и запоздавшими, такъ какъ въ то время, говорилъ онъ, когда «вы вступали въ управленіе министерствомъ и начали сочинять проекты реформъ, главная опасность миновала и такъ называему нигилизму были нанесены первые, но самые чувствительные удары и не правительствомъ, не жандармами и цензурой, а свободой печати, которою въ этотъ краткій промежутокъ времени пользовалась (правда въ очень тѣсныхъ предѣлахъ) наша вольноотпущенная пресса». Указывая на благотворность полемики, раскрывшей глаза родителямъ «на безразсудныя ученія», какъ эта полемика заглушала «возмутительные голоса нашихъ эмигрантовъ», авторъ припоминалъ графу, что эта полемика была искусственно остановлена «съ появленіемъ графа на горизонтѣ», когда посыпались «предостереженія» и «запрещенія». Не приписывая этихъ мѣръ графу, авторъ свидѣтельствовалъ, что« онѣ были приняты лицами, съ которыми однако графъ шелъ рука объ руку». Если

бы такой союзъ графа былъ заключенъ съ цѣлью только парализовать нигилизмъ, то, по мнѣнію автора, графъ долженъ бы былъ «поддерживать тѣ органы русскаго слова, которые служили единственнымъ имъ противоядіемъ». Слѣдовательно «умыселъ другой тутъ былъ» и вотъ какъ Александръ Илларіоновичъ объяснялъ этотъ умыселъ; не видя логичности въ измышленной связи между введеніемъ классическаго образованія и противодѣйствіемъ нигилизму и соціализму, авторъ письма говорилъ: «намъ, напротивъ, сдается, что никакое другое ученіе не затемняетъ въ такой степени, какъ исторія древняго міра, нравственныя, общественныя и религіозныя понятія учащейся молодежи. Правда, въ древнихъ литературахъ можно найти зародыши всѣхъ человѣческихъ знаній, всякихъ ученій и теорій..., но общее впечатлѣніе древней исторіи, окончательное нравоученіе, вытекающее изъ исторіи греко-римской гражданственности, едва ли можетъ имѣть благопріятное дѣйствіе на развитіе въ юношествѣ чувства уваженія къ старшимъ, довѣрія къ авторитетамъ. Лѣтописи Греціи и Рима представляютъ, напротивъ, самое печальное зрѣлище растлѣнія нравовъ, распущенности управленія, угнетенія низшихъ классовъ, развращенія высшихъ и продажности государственныхъ сановниковъ, каковыя язвы совпадали съ процвѣтаніемъ наукъ и художествъ и усиливались по мѣрѣ развитія цивилизаціи и укрѣпленія монархической власти;—такъ что главное поученіе которое невольно, помимо всякихъ комментаріевъ, истекаетъ изъ изученія классической древности есть то, что высшая культура совпадала въ Греціи и Римѣ съ высшимъ развратомъ». Не отвергая нравоучительнаго значенія въ изученіи классической древности, онъ находилъ, что и этого значенія «съ точки зрѣнія охранительной политики, воспитанія въ духѣ дисциплины, повиновенія» нельзя признать, такъ какъ «въ незрѣлыхъ умахъ учениковъ» разовьется скорѣе духъ скептицизма, «сомнѣнія въ благости науки и учрежденій».

Въ виду такихъ соображеній авторъ приходилъ къ тому заключенію, что «аргументъ, часто приводимый въ защиту того, будто классицизмъ охраняетъ юные умы отъ духа отрицанія, отъ колебаній и сомнѣній, — есть чистый вымыселъ, придуманный pour besoins de la cause». Авторъ высказывалъ даже сомнѣніе и въ томъ, что въ такой аргументъ вѣрилъ самъ

графъ Толстой, обращаясь къ которому онъ говорилъ «вы вѣроятно сами подсмѣиваетесь, радуясь успѣху ловкаго учебнаго маневра». А маневръ съ доводами придуманъ для того, «чтобы склонить въ свою пользу всѣхъ людей, не читавшихъ древнихъ авторовъ, запуганныхъ нигилизмомъ и коммунизмомъ и ухватившихся съ простодушнымъ восторгомъ за соломенку которую имъ показывали чрезъ увеличительное стекло, въ видѣ якоря спасенія». Но объясняя себѣ появленіе «системы» и въ силу такихъ соображеній, авторъ скромно говорилъ далѣе: «я не считаю себя въ правѣ приписывать вамъ такіе умыслы, которые не выдерживаютъ исторической критики» Предполагая такимъ образомъ существованіе въ пользу системы еще какихъ либо доводовъ и побужденій, «заставившихъ такого просвѣщеннаго человѣка (какъ графъ) замутить народное образованіе въ Россіи преждевременными легкомысленными мѣропріятіями»,—авторъ старался выяснить себѣ эти доводы и побужденія.

Первымъ побужденіемъ къ классицизму, авторъ считалъ стремленіе къ «англоманіи», «къ упроченію аристократическаго элемента». Признавая, что для «англоманіи» есть почва въ великосвѣтскомъ обществѣ, авторъ говорилъ: «не слѣдуетъ воображать, что гимнастика тѣла, называемая по англійски спортомъ, и другая гимнастика ума, именуемая классицизмомъ, были достаточны для того, чтобы создать твердый слой аристократическаго общества, по примѣру англійскаго, и въ этомъ отношеніи, графъ, вы точно также ошибаетесь, какъ ошибаются другіе, думая найти въ латинскихъ и греческихъ авторахъ противодѣйствіе антисоціальнымъ и демагогическимъ ученіямъ». Въ примѣрѣ Англіи авторъ видѣлъ, что тамъ «предложеніе обусловливалось запросомъ, тою ролью, какую тамошняя аристократія играетъ въ управленіи страною, тогда какъ въ Россіи высшему дворянству нѣтъ возможности употребить свои «классическія знанія въ дѣло,—такъ какъ оно большею частью посвящаетъ себя военной службѣ». Считая самую мысль,—«заявляемую нѣкоторыми нашими государственными людьми и проводимую въ печати,—будто бы высшее и классическое образованіе должно быть сосредоточено въ высшихъ слояхъ общества,—фальшивою нотою», авторъ задавался вопросомъ: «ужь неимѣлось ли въ виду открытіе для высшаго

дворянства новой карьеры, въ видѣ правительственной службы съ палатами перовъ и депутатовъ, съ правомъ голоса по имуществу и безмездными должностями?» И въ вводимой системѣ авторъ признавалъ одинъ смыслъ, отвѣчающій на поставленный вопросъ; смыслъ этотъ—«стремленіе образовать въ Россіи ядро правительственныхъ классовъ изъ людей богатыхъ и обусловить высшее образованіе такими взыскательными требованіями, чтобы оно было доступно только высшему разряду имущественныхъ классовъ». Классическая система, читаемъ далѣе, «не можетъ имѣть другого исхода, какъ устраненіе отъ высшаго образованія большей части дѣтей провинціальнаго дворянства, сельскихъ священниковъ, купцовъ и промышленниковъ, и вообще всѣхъ сельскихъ и городскихъ жителей, не имѣющихъ ни возможности найти учителей въ уѣздахъ, ни средствъ для переѣзда и проживанія въ губернскихъ и столичныхъ городахъ». Вникая глубже въ мотивы аристократизаціи высшаго образованія, авторъ говорилъ: «Въ послѣднее время разошлось по правительственнымъ сферамъ мнѣніе, что ограниченіе и упраздненіе помѣщичьей власти—съ одной стороны, и стѣсненія, причиняемыя дворянамъ земскими и судебными учрежденіями—съ другой, удаляютъ людей образованныхъ изъ деревень и помѣстьевъ, что они не находятъ пищи для своей дѣятельности, поприща достойнаго ихъ просвѣщенной инипіативы, и что лучшимъ средствомъ для привлеченія ихъ къ сельской жизни было бы расширеніе имущественныхъ, вотчинныхъ правъ, дающихъ землевладѣльцу опредѣленный, независимый отъ избранія кругъ дѣйствій,—такъ говорятъ и пишутъ люди, преданные консервативнымъ началамъ».

Не оспаривая пользы привлеченія образованныхъ и самостоятельныхъ по своему положенію людей къ сельскому быту, «коснѣющему у насъ въ вѣковомъ непробудномъ застоѣ», авторъ не неходилъ, чтобъ «системою» графа можно было привлечь такихъ людей и, оспаривая ходячее мнѣніе о причинахъ, заставляющихъ удаляться образованный классъ изъ сельской среды, говорилъ: «упраздненіе помѣщичьихъ правъ, введеніе земскаго самоуправленія и новаго судопроизводства, оскорбило, правда, многихъ дворянъ, но не образованнѣйшихъ изъ нихъ, а другихъ, малограмотныхъ и властолюбивыхъ, отставныхъ ге-

нераловъ, отслужившихъ чиновниковъ, людей стараго вѣка. Первые, напротивъ, люди молодые и способные, были всѣ разобраны на расхватъ новыми учрежденіями и если многіе изъ нихъ впослѣдствіи охладѣли къ дѣлу, бросили службу, то это послѣдовало отъ тѣхъ стѣсненій, отъ того пренебреженія, которыя оказывали имъ не низшіе классы, а высшее правительство и мѣстные начальники». Причины эмиграціи изъ деревень помѣстнаго сословія авторъ видѣлъ и «въ заботѣ объ умственномъ и физическомъ воспитаніи дѣтей», которое почти недостижимо для сельскихъ обитателей. Родители принуждены отъѣзжать въ города и тратить на образованіе дѣтей такія средства, сумма которыхъ составляетъ чуть не половину доходовъ семьи средняго достатка. Все это приводило Александра Илларіоновича къ заключенію, «что система обученія, принятая въ гимназіяхъ и другихъ заведеніяхъ, не вполнѣ согласуется съ видами правительства — усиленія помѣстнаго элемента на мѣстахъ жительства въ провинціи, и что такъ называемый «культурный слой» черезъ это еще болѣе отчуждается отъ самой почвы, которую онъ долженъ оплодотворять.

Разобравъ, такимъ образомъ, не только скрытыя пружины, выдвинувшія классическую «систему», но и тѣ тяжелыя послѣдствія, какія она сразу же принесла, обращаясь къ творцу «системы», авторъ говорилъ: «Вы, графъ, при вашихъ преобразованіяхъ не дали себѣ труда вникнуть въ дѣйствительные и, къ сожалѣнію, очень многочисленные недостатки нашего воспитанія и не хотѣли изслѣдовать настоящихъ нуждъ и пользъ народнаго просвѣщенія въ Россіи». По мнѣнію автора не только надо было подождать съ введеніемъ классицизма, такъ какъ «сомнительно—была ли въ томъ дѣйствительная потребность, нужно ли было, посреди общей безграмотности народныхъ массъ и полуграмотности среднихъ классовъ, избрать древніе языки для усиленія нашихъ культурныхъ средствъ»? Защищать «систему», по мнѣнію Александра Илларіоновича, можно лишь въ томъ случаѣ, если предположить, «что вообще полезно имѣть въ государствѣ немноголюдный классъ высокообразованныхъ гражданъ и подъ ними народныя массы по возможности наименѣе образованныя; тогда, разумѣется, культурный слой будетъ всемогущъ».

Останавливаясь далѣе на той сторонѣ «системы», которая

не имѣетъ ничего общаго съ педагогическими цѣлями, и которая выразилась въ томъ, что надзоръ за народною школою переводился съ земскихъ учрежденій на дворянство, авторъ задавался вопросомъ, чего имѣлось въ виду достигнуть такими мѣрами: «подавить меньшинство большинствомъ и устранить тѣхъ немногихъ дѣятелей, которые составляютъ лучшую связь между высшими и низшими классами? — Это ли была ваша цѣль»? Не сомнѣваясь, что такая цѣль можетъ быть достигнута, Александръ Илларіоновичъ говорилъ: «преисполненные благихъ намѣреній къ поддержанію власти и порядка, вы (графъ), какъ и другіе сановники вашей же школы, каждый въ своемъ вѣдомствѣ, работаете усердно, неутомимо надъ потрясеніемъ всякой власти, и гдѣ только послѣдовало нѣкоторое сближеніе между сословіями, вы бросаетесь между ними, чтобы ихъ разъединить, какъ будто опасаясь, чтобы первое дѣйствіе ихъ соглашенія не былъ заговоръ противъ васъ».

Въ заключеніе своихъ объясненій «системы» и ея вѣроятныхъ послѣдствій для русской жизни, авторъ письма обращался къ графу Толстому съ такими словами: «мнѣ остается только извиниться, графъ, что я, можетъ быть, приписалъ вамъ нѣсколько такихъ дальнихъ видовъ и глубокихъ умысловъ, коихъ у васъ не было. Вы можете ото всѣхъ отречься и сказать коротко и ясно, что вы усилили программу обученія только для пользы самой науки и ввели древніе языки для упражненія воспитанниковъ. Это послѣднее есть та оффиціальная формула, въ которую обыкновенно облекаются всѣ аргументы въ пользу классическаго образованія, и она столько разъ была заявлена и оспорена, что я ничего новаго ни pro ни contra сказать не умѣю».

Не смотря на такое скромное заявленіе о своей не компетентности въ учебномъ дѣлѣ, авторъ однако въ своемъ заключеніи высказывалъ замѣчательно вѣрныя мысли. Онъ «позволялъ себѣ обратить вниманіе на то, какъ онъ выражался, психологическое явленіе, которое онъ постоянно подмѣчалъ въ жизни, на индивидуальное различіе натуръ, которое не можетъ быть никоимъ образомъ нивеллировано, вставлено въ шаблонныя рамки. Если есть натуры, для которыхъ «классическое» образованіе есть вмѣстѣ и потребность и лучшее упражненіе ихъ умственныхъ способностей, то есть и натуры, для

которыхъ необходимо образованіе «реальное». Оба эти направленія, говорилъ онъ, «мы признаемъ не только равноправными, но и прирожденными человѣчеству». Соглашаясь съ тѣмъ, что могутъ быть «широкія натуры, способныя вмѣстить въ себѣ всякія премудрости, хотя такія натуры составляютъ лишь рѣдкія исключенія, авторъ высказывался противъ исключительности классицизма слѣдующимъ образомъ: «большею частью съ молодыхъ лѣтъ проявляется преобладаніе тѣхъ или другихъ способностей; 15-ти-лѣтній мальчикъ, если онъ не тупъ отъ природы, непремѣнно обнаружитъ или особую любовь къ поэзіи, словесности, художествамъ или способность къ вычисленіямъ, техническимъ познаніямъ, реальнымъ наукамъ. Вотъ въ этотъ то моментъ вы (графъ) его и берете, чтобы сказать ему отъ имени начальства, что если онъ хочетъ быть вполнѣ образованнымъ человѣкомъ, то онъ не долженъ слѣдовать влеченію своихъ вкусовъ и наклонностей; что реальное образованіе не приведетъ его къ высшимъ степенямъ просвѣщенія; что онъ можетъ, пожалуй, идти и по этому проселочному пути воспитанія, но что главный трактъ, ведущій къ высшимъ школамъ, для него закрытъ, если онъ не одаренъ тѣми спеціальными способностями, которыя требуются программами и уставами». «Такого то, заявлялъ авторъ, права сортировать нашихъ дѣтей по предвзятымъ соображеніямъ очень небольшаго кружка педагоговъ мы за вами и не признаемъ. Да не признаетъ его и никто въ Россіи кромѣ той группы истыхъ консерваторовъ, которыхъ вы успѣли убѣдить не въ пользѣ классицизма, а въ необходимости затруднить доступъ въ университеты». Указывая, что изъ 100—90 семействъ «горько сѣтуютъ» на систему, и тѣмъ естественно деморализуютъ и дѣтей, что если и въ средѣ педагоговъ не замѣтно открытаго протеста, то только потому, что они воздерживаются отъ этого, по нуждѣ, для сохраненія своего жалованья, — авторъ, заявлялъ, что для проведенія «системы», если она имѣетъ педагогическое значеніе «ненужно было насиловать убѣжденій: давъ классическимъ и реальнымъ школамъ равное мѣсто, правительство, указаніемъ опыта, убѣдило бы и родителей и дѣтей въ относительномъ достоинствѣ тѣхъ и другихъ. Но навязывать насильно цѣлому поколѣнію свою систему и требовать, чтобы оно изъ предосторожности притаило свои возраженія, изъ опасенія возмутить дѣтей не

касалось самаго вопроса, интересующаго всѣхъ и каждаго, обвинять прессу въ томъ, что она служила вѣрнымъ отголоскомъ мнѣній огромнѣйшаго большинства отцовъ и матерей—это несправедливо». Если послышался ропотъ и раздались осужденія мѣропріятій министерства, то все это, говорилъ авторъ, «есть неизбѣжное послѣдствіе политики, исповѣдуемой нашими современными администраторами, т. е. полнѣйшаго ихъ пренебреженія къ общественному мнѣнію».

Беря на себя защиту общественнаго мнѣнія, авторъ просилъ у графа не дѣлать ломки въ учебномъ уставѣ, а только «снять съ реальныхъ школъ опалу, которую онъ на нихъ наложилъ, и открыть для нихъ, наравнѣ съ классическими гимназіями, свободный доступъ въ высшія учебныя заведенія». Удовлетвореніе такой просьбы и послужило бы къ примиренію съ обществомъ, и авторъ заявлялъ, что при такомъ условіи можно бы даже оставить заведенные графомъ порядки; онъ говорилъ: «пусть дворянство останется на стражѣ народнаго образованія,—ни добра, ни зла оно не причинитъ, пусть въ гимназіяхъ, такъ называемыхъ классическихъ, продолжаютъ упражнять учениковъ въ изученіи древнихъ міровъ и мертвыхъ языковъ—вы сами увидите необходимость постепенно умѣрять излишнія требованія и возвратитесь къ прежнимъ порядкамъ безъ шума, безъ волненія».—Идя на такой компромиссъ, въ которомъ скорѣе выражается иронія, Александръ Иллар іоновичъ обращался къ графу съ слѣдующими словами: «одного только нельзя допустить:—это той власти которую вы себѣ графъ приписали—указывать нашимъ дѣтямъ, помимо воли родителей, на перекоръ общественному мнѣнію, одинъ исключительный и единственный будто бы путь для высшаго образованія, между тѣмъ какъ ихъ много и всѣ они равны. Откажитесь отъ этого чрезмѣрнаго права, которое вы себѣ присвоили самовластно, допустите что вы можете ошибаться, и только». «Вы примете, графъ, на вашу душу тяжкій грѣхъ, котораго вамъ не простятъ грядущія поколѣнія вашихъ соотечественниковъ, если не выступите на тотъ путь примиренія, который мы позволили себѣ указать. Напрасно ваши безсмѣнные кліенты, редакторы Московскихъ Вѣдомостей, видятъ въ противодѣйствіи министерству народнаго просвѣщенія интригу, заговоръ антисоціальныхъ и антирелигіозныхъ партій, подкрѣ-

пляемыхъ соучастіемъ простодушныхъ отцовъ семейства, которые не вѣдаютъ, что творятъ. Мы вѣдаемъ, что вы творите испытаніе, котораго русское общество не выдерживаетъ». Пусть будутъ высшія школы взыскательны и разборчивы, но онѣ, говорилъ авторъ, не имѣютъ права заграждать къ себѣ доступъ молодымъ людямъ достаточно подготовленнымъ, подъ предлогомъ, что они учились не по программѣ, оффиціально утвержденной; не имѣютъ права запирать двери своихъ аудиторій передъ учениками, изучившими глубже, основательнѣе одинъ предметъ чѣмъ другой.

Переданное нами, въ подробномъ извлеченіи, содержаніе письма Александра Илларіоновича заканчиваются слѣдующимъ обращеніемъ къ неумолимому въ то время графу: «устройте же какъ можно лучше и полнѣе подготовительное среднее образованіе,—классическія, реальныя, военныя и духовныя училища,—это ваше дѣло. Предоставьте лучшимъ ученикамъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній равный доступъ въ высшія школы,—это наше право! Мы только этого у васъ и просимъ».

На сколько Александръ Илларіоновичъ былъ правъ, объяснивъ значеніе «системы», вскрывъ истинный смыслъ ея — показало время; время же выяснило, что экспериментъ графа надъ молодымъ поколѣніемъ былъ не педагогическій.—Графъ сошелъ со сцены не самъ, а былъ удаленъ верховною властью и это удаленіе было сдѣлано для удовлетворенія общественнаго мнѣнія, требованія котораго старался еще въ 1875 г. разюмировать Александръ Илларіоновичъ. Теперь идетъ та тихая, незамѣтная ликвидація «системы», которую предлагалъ Александръ Илларіоновичъ, но графъ не воспользовался благимъ совѣтомъ; онъ былъ даже глубоко возмущенъ «письмомъ». Мы имѣемъ свидѣтельство одного лица, слышавшаго лично отъ графа крайне раздражительное замѣчаніе его по поводу не только письма, но и личности его автора. Не передавая подробностей желчной филиппики, замѣтимъ, что она была видимо вызвана неожиданностью появленія такого письма. Графъ, привыкшій къ молчанію нашей прессы по вопросамъ народнаго образованія, вѣроятно не предвидѣлъ возможности появленія печатнаго противъ него слова.

Но слово было написано мягко, крайне вѣжливо, безъ вся-

каго задора, и изящно издано въ Берлинѣ, откуда конечно дошло въ тѣ слои общества, которые графъ такъ тщательно оберегалъ отъ появленія въ нихъ критики на его систему. Желчные отзывы графа показываютъ только—какъ мѣтко, въ самую цѣль, попало письмо Александра Илларіоновича; оно составляетъ тѣмъ болѣе дорогую услугу обществу, что принадлежитъ человѣку не заинтересованному лично въ дѣлѣ классицизма и выступившему съ возраженіемъ единственно въ силу благородства чувства и мысли, оскорбленныхъ покушеніемъ на нравственную свободу общества.

Хотя между первымъ и вторымъ изданіемъ «самоуправленія» прошло не много болѣе двухъ лѣтъ, но въ этотъ короткій періодъ времени очень многое измѣнилось. Въ Европѣ произошли событія, выразившіяся въ франко-прусской войнѣ, вслѣдъ за которою настала новая эра во внутренней жизни обѣихъ націй; у насъ же «земство» выдержало много испытаній и въ общественномъ мнѣніи усиливалась реакція подъ вліяніемъ экономическихъ неурядицъ. Выпуская въ свѣтъ второе изданіе «самоуправленія», Александръ Илларіоновичъ заявлялъ, что, «хотя и вошло въ моду приписывать всѣ неудачи французской политикѣ, недостатку самодѣятельности въ народѣ и всѣ успѣхи Пруссіи—энергической иниціативѣ германской націи», но онъ не раздѣлялъ этихъ воззрѣній «основанныхъ на совершившихся фактахъ, на авторитетѣ торжества и пораженія, успѣховъ и неудачъ». Хотя событія и измѣнили мнѣнія «о спасительной силѣ централизованной администраціи съ цезаризмомъ во главѣ и съ тайной полиціей въ подножьи *), но авторъ «самоуправленія» оставался въ новомъ изданіи при «прежнемъ изложеніи, не дѣлая преждевременныхъ выводовъ изъ только-что совершившихся событій и придерживаясь правила не превозносить безусловно порядки, мгновенно восторжествовавшіе надъ другими, и подражать имъ потому только, что они торжествуютъ».

---

*) Самоупр. Т. I., предисл. Спб. 1872.

Но относясь скептически къ происшедшимъ событіямъ въ Европѣ, Александръ Илларіоновичъ, въ силу внутреннихъ событій, за которыми онъ слѣдилъ съ особымъ вниманіемъ, сталъ также сомнѣваться и относительно высказанныхъ имъ положеній о развитіи земскихъ учрежденій, о будущности нашего «самоуправленія».

Во время оставленія имъ обязанностей земскаго гласнаго общее положеніе дѣлъ было таково: «положеніе» о земствѣ было уже значительно урѣзано и въ большинствѣ земствъ дѣлами стали заправлять люди, вовсе не думавшіе заботиться объ общественныхъ пользахъ и нуждахъ; дальнѣйшее распространеніе «положенія» пріостановилось, такъ что рядомъ съ губерніями, гдѣ было введено «самоуправленіе», оставались губерніи съ старыми порядками; поземельное устройство крестьянъ также не двигалось далѣе: на ряду съ крестьянами «собственниками» существовали «временно-обязанные» крестьяне; податная реформа продолжала оставаться лишь въ проэктѣ; введеніе судебной реформы тоже подвигалось медленно, къ тому же «судебные уставы» были въ значительной степени переработаны въ смыслѣ наибольшаго вторженія въ дѣло правосудія бюрократическаго и административнаго элементовъ; наконецъ «временныя правила» о печати оставались временными, представлявшими мало гарантіи для свободнаго слова отъ наложенія на него административнаго veto.—Во внутренней политикѣ не было опредѣленнаго плана, а во мнѣніи общества усиливался разладъ, раздавался призывъ къ скорѣйшей постановкѣ «точки» къ реформамъ... Въ тоже время начали съ особою яркостью выступать отрицательные факты въ народной жизни; начали обнаруживаться недостатки въ проводившихся реформахъ и въ особенности по устройству быта крестьянъ.—Въ обществѣ, печати и правительственныхъ сферахъ былъ открыто поставленъ вопросъ объ упадкѣ сельскаго и преимущественно крестьянскаго хозяйства. — Александръ Илларіоновичъ видѣлъ, что для народа при данныхъ условіяхъ не только нѣтъ возможности проходить съ успѣхомъ практическую школу «въ учрежденіяхъ самоуправленія», но есть основаніе опасаться, что въ эту школу при главномъ, выставленномъ авторомъ «самоуправленія», условіи обладанія «наименьшимъ надѣломъ, нельзя будетъ и совсѣмъ попасть. А видѣв-

ши все это во очію, видѣвши, что «дѣла общественныя не встаютъ во всей ихъ истинной простотѣ и торжествующей правдѣ», Александръ Илларіоновичъ не могъ не испытать нѣкотораго разочарованія въ исполнимости своихъ надеждъ, оригинально обусловленныхъ имъ въ его «самоуправленіи».— Онъ собиралъ факты изъ народной жизни и задумалъ обработать ихъ въ новомъ своемъ сочиненіи. Но прежде, чѣмъ обратимся къ этому сочиненію, остановимся на публичномъ заявленіи Александра Илларіоновича о значеніи этихъ фактовъ.

Въ концѣ 1872 года была учреждена «коммисія для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи».—Въ эту коммисію приглашены были исключительно представители крупнаго землевладѣнія; участвовалъ въ коммисіи и Александръ Илларіоновичъ.—Какъ ни односторонни были заявленія опрошенныхъ въ коммисіи лицъ, какъ нѣкоторые изъ нихъ ни старались свалить всѣ причины упадка сельскаго хозяйства на счетъ крестьянской реформы и происшедшаго будто бы отсюда пониженія нравственнаго уровня крестьянъ; но въ общемъ выводѣ и даже по одностороннимъ заявленіямъ категорически подтверждался фактъ почти повсемѣстнаго разстройства и помѣщичьихъ и крестьянскихъ хозяйствъ. По этимъ же заявленіямъ можно было выяснить и дѣйствительныя причины упадка тѣхъ и другихъ хозяйствъ.—Александръ Илларіоновичъ, прежде чѣмъ отвѣчать на предлагавшіеся ему въ коммисіи вопросы, выразилъ «сомнѣніе въ томъ, чтобы можно было путемъ собиранія свѣдѣній отъ однихъ частныхъ лицъ и самихъ хозяевъ по такимъ общимъ вопросамъ, какъ напр. о положеніи и степени благосостоянія сельскихъ хозяевъ, дойти до положительныхъ заключеній».—Вмѣстѣ съ выраженіемъ своего «сомнѣнія» онъ оговаривался, что мѣстность, о которой онъ будетъ говорить «находится въ нѣсколько исключительныхъ условіяхъ сравнительно съ смежными уѣздами той же губерніи (Новгородской) и отличается лучшей почвой». Объ этой «лучшей» мѣстности Александръ Илларіоновичъ заявлялъ слѣдующее: «въ томъ околодкѣ, гдѣ я живу, и въ сосѣдней, довольно пространной, полосѣ, я замѣтилъ относительно крестьянскихъ хозяйствъ слѣдующій фактъ: въ послѣднее время, особенно послѣ неуро-

жайныхъ 1867 и 1868 годовъ, крестьянскія хозяйства начали очень быстро упадать и этотъ упадокъ обнаружился въ томъ, что многіе домохозяева отказываются отъ земли, т. е. не то, чтобы они вовсе ее бросали, но продаютъ въ годы, уступая свой надѣлъ другимъ крестьянамъ на извѣстный срокъ.—При такихъ сдѣлкахъ представляется обыкновенно слѣдующій фактъ, считаемый мною заслуживающимъ особеннаго вниманія: передавая свои земли, крестьяне выговариваютъ только одно условіе, чтобы новый держатель принялъ на себя уплату податей и повинностей за прежняго хозяина, при чемъ сей послѣдній не оставляетъ себѣ никакой приплаты.—Мнѣ кажется, что это доказываетъ лучше всякихъ статистическихъ выводовъ, что балансъ крестьянскаго хозяйства въ настоящее время сводится такъ: въ приходѣ столько же, сколько и въ расходѣ на уплату податей и повинностей, а въ остаткѣ нуль.—Крестьянскія хозяйства приходятъ въ упадокъ по той, если не единственной, то высшей причинѣ, а именно что—земли, поступившія въ надѣлъ крестьянамъ, обременены налогами выше ихъ доходности.—И это соображеніе я считаю столь существеннымъ и такъ вполнѣ подразумѣвающимъ всѣ прочія причины упадка крестьянскихъ хозяйствъ, что нахожу напраснымъ трудомъ отыскивать другія причины» *). Между прочимъ Александръ Илларіоновичъ заявлялъ коммисіи, что «узелъ вопроса объ улучшеніи сельскаго хозяйства заключается въ податной реформѣ».

Извѣстно, что собранные коммисіею матеріалы были напечатаны, благодаря чему наша періодическая печать дала цѣлый рядъ серьезныхъ и интересныхъ статей. Эти же матеріалы послужили и Александру Илларіоновичу источникомъ для его сочиненія, гдѣ онъ и сдѣлалъ освѣщеніе собранныхъ фактовъ. Но практическаго значенія «труды коммисіи» не имѣли; не было предпринято никакихъ серьезныхъ мѣръ по врачеванію доказанныхъ недуговъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Правда, были попытки мѣропріятій оригинальнаго свойства, но узко-сословное значеніе ихъ было такъ очевидно, что имъ не могло быть дано хода даже тѣми, кто въ тайнѣ и сочувствовалъ имъ...

*) Доклады коммис. для изслѣд. сельск. хозяйства въ Россіи. Т. VI. стр. 196. Спб. 1873 г.

Авторъ «самоуправленія», выступившій на публицистическое поприще съ беззавѣтнымъ чувствомъ искренняго и безпристрастнаго служенія народнымъ интересамъ, ближе чѣмъ кто либо могъ судить о значеніи «случайныхъ» сужденій въ случайныхъ коммисіяхъ о послѣдствіяхъ реформъ и тѣхъ заявленій, какія все чаще и настойчивѣе стали раздаваться изъ лагеря «обиженныхъ». Александръ Илларіоновичъ по личному опыту хорошо зналъ, къ чему могутъ привести заявленія «обиженныхъ». Окружавшія обстоятельства и усиливавшаяся смута въ понятіяхъ, чуждыхъ какой либо пытливости относительно будущаго не только общественнаго, но и личнаго существованія, не могли не волновать дѣятельной натуры Александра Илларіоновича. Въ немъ прогрессивно усиливался интересъ къ тому, на сколько обезпечивалось въ будущемъ стройное теченіе и дальнѣйшее развитіе русской общественной и государственной жизни, провозглашенное реформами, настоящій смыслъ которыхъ начиналъ теряться подъ наслоеніями реакціонерныхъ ухищреній.—Будь Александръ Илларіоновичъ кабинетный ученый, сухой и безстрастный, а не живой человѣкъ, близко принимающій къ сердцу интересы своего времени, онъ конечно нашелъ бы для себя такое кабинетное дѣло, которое безъ остатка поглотило бы всю его умственную энергію. Но такъ какъ онъ былъ живымъ общественнымъ человѣкомъ и при томъ обладавшимъ не дюжиннымъ пониманіемъ окружавшихъ его явленій общественной жизни, то естественно, что онъ отыскивалъ пути и средства, которыя бы дали ему возможность высказаться.—И гдѣ же можно было сдѣлать это, какъ не въ печати,—путь уже испробованный имъ!

Здѣсь умѣстно отмѣтить характерную черту въ Александрѣ Илларіоновичѣ. Всѣ его рѣчи, а ихъ въ теченіи своей жизни онъ произнесъ не мало, носятъ на себѣ слѣды ораторскаго таланта, но когда Александръ Илларіоновичъ публично произносилъ ихъ, то они вовсе не производили того впечатлѣнія, какое могли и должны были бы производить при мастерскомъ ихъ произнесеніи. Тоже самое несоотвѣтствіе между изложеніемъ рѣчи на бумагѣ и устнымъ произнесеніемъ ея отмѣчено было недавно г. Кавелинымъ, *) по отношенію къ дру-

*) Порядокъ 1881 г. № 356. Некрологъ Заблоцкаго—Десятовскаго.

гой личности — А. П. Заблоцкому — Десятовскому. Наблюдавшій лично такое прискорбное явленіе г. Кавелинъ говоритъ: «вотъ какъ переродили прирожденный несомнѣнный ораторскій талантъ въ странѣ, гдѣ умѣютъ молчать или болтать, но не могутъ и не умѣютъ говорить! Къ бумагѣ сводится у насъ все, даже ораторская рѣчь»! Мы отмѣтили значеніе факта «несоотвѣтствія» потому, что не разъ слышали въ залѣ, гдѣ произносилъ Александръ Илларіоновичъ рѣчи, замѣчанія такого рода: «князь мямлитъ, между тѣмъ какъ ему то бы можно было умѣть говорить»... Подобныя замѣчанія характеризуютъ склонность къ «осужденію безъ разсужденія», довольно у насъ распространенную и игнорирующую вопросъ: отчего у насъ мало хорошихъ ораторовъ. Имѣй Александръ Илларіоновичъ возможность часто высказываться пуб, лично и при томъ по вопросамъ близко его интересовавшимъ-безъ сомнѣнія его ораторскій талантъ развился бы и сослужилъ большую пользу обществу.

Въ то время, когда лучшіе дѣятели по крестьянской и земской реформамъ, волей и неволей становились безъучастными свидѣтелями «перекройки» реформъ и когда реакціонное направленіе получало все болѣе и болѣе правъ гражданства, пользуясь для своихъ цѣлей средствами съ нѣкоторымъ успѣхомъ испробованными въ наполеоновской Франціи, Александръ Илларіоновичъ признавалъ для себя постыднымъ малодушіемъ помириться съ ролью безучастнаго свидѣтеля, не призваннаго ни къ чему кромѣ писанія мемуаровъ для будущихъ книжекъ «Русской Старины».—Его глубоко интересовалъ вопросъ, поставленный современнымъ ему поэтомъ, сказавшимъ: «Народъ освобожденъ, но счастливъ ли народъ»?...

Вопросъ жгучій и обширный, разроставшійся съ каждымъ днемъ и выдвигавшій другой вопросъ—при какихъ условіяхъ онъ могъ быть счастливъ? У Александра Илларіоновича выработалось уже особое цѣльное міровоззрѣніе, у него былъ извѣстный планъ для упорядоченія русской жизни, планъ, въ вѣрность основаній котораго онъ глубоко и искренно вѣрилъ, а при такихъ условіяхъ онъ конечно не могъ оставаться не высказавшимся. Все его вниманіе въ началѣ 70-хъ годовъ было поглощено аграрнымъ вопросомъ, изученію котораго онъ отдался съ горячностью и терпѣніемъ, рѣдкими даже въ человѣкѣ съ мо-

лодыми силами.—Проработавъ нѣсколько лѣтъ, Александръ Илларіоновичъ внесъ въ русскую литературу въ 1876 году извѣстное всему нашему мыслящему обществу обширное двухтомное сочиненіе «Землевладѣніе и земледѣліе въ Россіи и другихъ европейскихъ государствахъ».

Значеніе своего новаго труда авторъ опредѣлялъ слѣдующимъ образомъ: «для насъ, въ Россіи, нѣтъ предмета болѣе поучительнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе своевременнаго, какъ изслѣдованіе тѣхъ превратностей, чрезъ которыя прошло землевладѣніе въ Европѣ. Оно своевременно потому, что мы именно вступаемъ съ освобожденіемъ крестьянъ въ тотъ періодъ общественнаго устройства, когда закладываются главныя основы соціальнаго быта. Оно поучительно потому, что въ исторіи европейскаго землевладѣнія можно прослѣдить и длинный рядъ грубѣйшихъ ошибокъ, насильствъ, несправедливостей и правильный ходъ цивилизаціи, достигшей высшей степени культуры» (I введ.). *)

Авторъ принимался за изслѣдованіе «превратностей въ землевладѣніи» съ цѣлью отвѣтить на вопросъ: «можетъ ли таковая же высокая степень цивилизаціи быть достигнута другими путями, могутъ ли быть избѣгнуты ошибки и несправедливости, ознаменовавшія историческій ходъ аграрнаго положенія въ другихъ странахъ?»

Искать отвѣтовъ на этотъ вопросъ главнымъ образомъ въ аграрномъ строѣ, авторъ считалъ необходимымъ потому, что не соглашался съ положеніемъ «многихъ людей и науки и практики, утверждавшихъ, что всѣ человѣческія общества должны пройти чрезъ однѣ и тѣ же превратности».—Напротивъ, Александръ Илларіоновичъ былъ глубоко убѣжденъ въ томъ, «что Россія находится въ аграрномъ отноженіи въ положеніи лучшемъ, чѣмъ другія страны, что имущества у насъ распредѣлены ровнѣе, чѣмъ у другихъ народовъ, и что въ общемъ фондѣ народнаго богатства остается у насъ довольно свободнаго мѣста, свободныхъ имуществъ, чтобы уравнять по возможности соціальныя неровности». Равнымъ образомъ онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что русское общество въ своемъ историческомъ развитіи не перешло еще того рокового рубежа,

*) Всѣ ссылки приведены по первому изданію, Спб. 1876 г.

когда мирныя соглашенія и преобразованія становятся неисполнимыми по той причинѣ, что интересы разныхъ классовъ жителей, соприкасаясь и тѣсня другъ друга, вступили уже между собою въ соперничество и борьру.—Этой борьбы, которую въ Европѣ называютъ антагонизмомъ сословій, рабочимъ вопросомъ, враждой капитала и труда, соціализмомъ и коммунизмомъ—этой борьбы въ Россіи нѣтъ» (I, введ.) И Александръ Илларіоновичъ желалъ, «чтобы мы воспользовались промежуточнымъ періодомъ, когда соціальныя отношенія у насъ еще окончательно неустановились, чтобы порѣшить по правдѣ и справедливости аграрный вопросъ, причинившій столько замѣшательства всѣмъ народамъ древняго и новаго міра». (I, введ.).

Въ своемъ изслѣдованіи аграрнаго вопроса Александръ Илларіоновичъ разсмотрѣлъ двѣ его стороны: а) состояніе земли и ея культуры, порядки владѣнія и пользованія и б) положеніе народа, водвореннаго на этихъ земляхъ и ихъ воздѣлывающаго. На выясненіе этихъ сторонъ при помощи историческихъ и статистическихъ свѣдѣній, авторъ и посвятилъ все свое обширное сочиненіе, пользуясь для него самою разнообразною литературою не исключая и соціалистической и славянофильской. Обращаясь къ самымъ разнообразнымъ источникамъ и неизбѣжно встрѣчаясь съ самыми крайними мнѣніями на счетъ экономическаго настоящаго и вѣроятнаго будущаго европейскихъ обществъ, не думая исключать изъ среды ихъ и русскаго народа, и отыскивая въ различныхъ мнѣніяхъ только одну правду, Александръ Илларіоновичъ провелъ чрезъ все свое сочиненіе свои самостоятельные взгляды на рѣшеніе экономическихъ и соціальныхъ вопросовъ. Оригинальность его взглядовъ заключается въ томъ, что онъ желалъ для своей родины самаго высокаго развитія, до котораго не только дошли но еще могутъ дойти цивилизованные народы, но это развитіе онъ обусловливалъ своевременнымъ рѣшеніемъ аграрнаго вопроса «по правдѣ и справедливости,—строгимъ проведеніемъ крестьянской реформы, долженствующей обезпечить наибольшему числу жителей права на владѣніе землей». Точно также одинъ изъ оригинальныхъ взглядовъ его заключался въ томъ, что основная и главнѣйшая причина, вызывающая въ европейскихъ государствахъ «эмиграцію и соціальныя смуты», заключается въ безземельномъ состояніи народныхъ массъ. Але-

ксандръ Илларіоновичъ не допускалъ примѣненія у насъ политики невмѣшательства государства въ поземельное устройство народа. О такомъ невмѣшательствѣ онъ говорилъ: «нигдѣ въ Европѣ не было принято своевременныхъ мѣръ къ размѣщенію жителей, къ колонизаціи на пустыхъ земляхъ, а, напротивъ, когда при возрастающей густотѣ населенія земли пріобрѣтали высшую цѣнность, люди сильные и богатые разбирали ихъ добровольно и насильственно, покупали, мѣняли, разверстывали между собой, или подъ разными благовидными предлогами, для улучшенія культуры, для поддержанія крестьянскаго сословія въ должномъ порядкѣ, отбирали у слабѣйшихъ хозяевъ ихъ дворы и земли, въ виду общей пользы народнаго хозяйства». Иронизируя надъ принципомъ невмѣшательства, онъ говорилъ о западно-европейскихъ государствахъ слѣдующее: «какъ правители, такъ и люди науки вѣрили и исповѣдывали символъ экономической науки, состоящій изъ двухъ главныхъ членовъ: 1) что освобожденіе поземельнаго владѣнія отъ узъ патримоніальнаго и феодальнаго права и земледѣльцевъ отъ крѣпостной зависимости—есть послѣднее слово прогресса, послѣ коего не остается ничего болѣе ни ожидать, ни желать для благоустройства государствъ и благосостоянія народа и 2) что для поднятія общаго уровня народнаго богатства нужно только предоставить всѣмъ и каждому полную свободу владѣнія и труда, устраняя всѣ преграды, мѣшающія культурѣ, упраздняя крестьянскія хозяйства, если они запущены и, наконецъ, выселяя жителей, если они не способны къ усиленному и улучшенному земледѣльческому труду». (I, введ.) Призывая государство къ вторженію въ экономическую свободу народа, къ обезпеченію труда прилагаемаго къ своей землѣ и къ своему хозяйству, къ охраненію этого труда отъ эксплуатаціи капиталомъ, Александръ Илларіоновичъ тѣмъ самымъ не признавалъ обезпеченною будущность государствъ, гдѣ хотя и существуютъ всякія «политическія вольности», и процвѣтаетъ индустрія, совершенствуется сельско-хозяйственная культура, гдѣ и торговый балансъ хорошо сводится и финансы вполнѣ благоустроены,—не признавалъ и не считалъ такихъ государствъ благоденствующими, такъ какъ въ нихъ лишь меньшинство пользуется и политическими правами и матерьяльнымъ благосостояніемъ. Отношеніе Александра Илларіоновича къ ка-

зовой сторонѣ европейскаго прогресса, хотя и было отрицательное, но оно было совершенно чуждо духа нетерпимости, непризнанія за цивилизаціею никакихъ правъ. Онъ не противопоставлялъ ей «русскихъ началъ», въ которыхъ, по мнѣнію современныхъ славянофиловъ, кроются будто бы свои особыя зачатки цивилизаціи, долженствующей обновить весь одряхлѣвшій западъ. Онъ только желалъ, чтобы добытые человѣчествомъ результаты были общимъ достояніемъ, а не составляли искуственно монополизованное право меньшинства. Александръ Илларіоновичъ изъ изученія дѣйствительности вынесъ рядъ тѣхъ же мучительныхъ вопросовъ, какіе въ 1841 году волновали Бѣлинскаго, писавшаго къ своему другу: «что мнѣ въ томъ, что живетъ общее, когда страдаетъ личность? Что мнѣ въ томъ, что геній на землѣ живетъ въ небѣ, когда толпа валяется въ грязи, что мнѣ въ томъ, что для избранныхъ есть блаженство, когда большая часть и не подозрѣваетъ его возможности»? *) И авторъ «землевладѣнія и земледѣлія» приведенными словами, выражающими отношеніе Бѣлинскаго къ дѣйствительности, имѣлъ полное право отвѣчать всѣмъ своимъ противникамъ, обвинявшимъ его въ ненаучномъ отношеніи къ экономической дѣйствительности европейскаго пролетаріата, въ пользованіи будто бы сомнительною литературою, и въ жалкомъ стремленіи указать настоящіе пути къ лучшему будущему русскаго народа. Не отъ цивилизаціи и провозглашенныхъ жизненныхъ принциповъ отказывался авторъ, а отъ испытанныхъ и дорого стоившихъ средствъ, какими она добывается на западѣ! Онъ желалъ такъ сказать болѣе дешевой покупки русскимъ народомъ экономическихъ благъ, при которыхъ можно было бы идти и за благами моральными; онъ не желалъ для русскаго народа повторенія уже пройденныхъ другими народами тернистыхъ путей, призывая государство въ лицѣ своего высшаго правительства къ своевременному пользованію европейскимъ опытомъ. И это приглашеніе по времени, когда сочиненіе Александра Илларіоновича вышло въ свѣтъ, было выдающимся, имѣвшимъ громадное и глубокое значеніе. О томъ—какъ было встрѣчено «землевладѣніе и земледѣліе» въ разныхъ слояхъ нашего общества и въ литературѣ—мы скажемъ, или вѣрнѣе напомнимъ ниже, а пока остановимся на главныхъ и основныхъ по-

*) Бѣлинскій, его жизнь и переписка, Пыпина. Спб. 1876 г. т. II, стр. 126.

ложеніяхъ автора, на объясненныхъ имъ историческихъ фактахъ въ аграрномъ устроеніи западной Европы и русскаго народа и на тѣхъ практическихъ выводахъ, къ которымъ авторъ пришелъ въ своемъ сочиненіи.

Различая въ аграрномъ вопросѣ двѣ главнѣйшія его стороны—«а) состояніе земли и ея культуры, порядки владѣнія и пользованія и b) положеніе народа, водвореннаго на этихъ земляхъ и ихъ воздѣлывающаго», и разсматривая съ этихъ сторонъ поземельный строй въ Англіи, Германіи и Франціи и сравнивая его съ таковымъ же строемъ въ Россіи, авторъ приходилъ къ слѣдующимъ заключеніямъ.

Хотя Франція и считается типомъ демократическаго землевладѣнія, гдѣ преобладаетъ мелкая поземельная собственность, но эта собственность, судя по среднему размѣру ея, находится исключительно въ рукахъ средняго сословія—буржуазіи, а не крестьянъ, среди которыхъ насчитывается множество безземельныхъ. Ни въ одной странѣ, какъ во Франціи, не происходило стольких волненій народной массы, нигдѣ не дѣлалось стольких попытокъ путемъ революціонныхъ переворотовъ обезпечить благостояніе массы; но, прослѣдивъ за народными движеніями въ этой странѣ, авторъ нашелъ, «что революціи принесли несравненно большую пользу среднимъ классамъ, чѣмъ низшимъ. Революціонныя насилія, экспропріяція крупныхъ собственниковъ, продажа общинныхъ земель, полная свобода владѣнія и раздѣловъ—все это доставило несомнѣнныя выгоды классу мѣщанъ, торговцевъ, поставщиковъ, подрядчиковъ, аферистовъ, а также тѣмъ изъ крестьянъ-промышленниковъ, которые съумѣли въ мутныхъ волнахъ междоусобій и наполеоновскихъ войнъ выловить имущества изъ омута всенароднаго банкротства» (I, 86). «Демократическіе слои общества нижніе классы, крестьяне-хлѣбопашцы менѣе всѣхъ выгадали отъ неограниченной свободы имущественныхъ правъ; экономическая теорія «laisser faire, laisser passer» довела одну половину изъ нихъ до состоянія бобылей, огородниковъ, другую—до положенія пролетаріевъ». Послѣднимъ и предоставленъ «вольный трудъ, на который авторъ смотрѣлъ далеко не дружелюбно, говоря, что наемный трудъ не можетъ считаться вольнымъ, каковымъ только и можетъ быть такой, «который приспособляется къ собственному имуществу рабочаго, изъ коего онъ

извлекаетъ всевозможную доходность и пользуется безъ дѣлежа всѣми произведеніями и прыбылями своей хозяйственной эксплуатаціи». Признавая, что земледѣліе во Франціи процвѣтаетъ, цѣны на землю ростутъ и общій фондъ національнаго богатства увеличивается, авторъ всетаки находилъ, что въ странѣ нѣтъ справедливаго распредѣленія поземельной собственности между массою сельскаго населенія, эксплуатируемаго буржуазіею на ея земляхъ и ея фабрикахъ. — Франція представлялась автору заключающею въ своемъ поземельномъ строѣ противорѣчія, которыя онъ анализировалъ съ цѣлью предохранить отъ нихъ Россію, гдѣ онъ видѣлъ уже образованіе буржуазнаго типа въ лицѣ разныхъ Колупаевыхъ, Разуваевыхъ и Деруновыхъ.

Въ Англіи, странѣ противоположной въ аграрномъ отношеніи Франціи, авторъ указывалъ на поземельный строй, который только и можетъ служить образцомъ нежелательныхъ ни для какой страны порядковъ. Раздѣленіе сельскихъ обывателей на два разряда—крупныхъ землевладѣльцевъ и фермеровъ, ничѣмъ не обезпеченныхъ отъ произвола своихъ владѣльцевъ, представляетъ яркій образецъ несправедливаго распредѣленія земельной собственности. И изъ исторіи аграрныхъ переворотовъ въ Англіи, переворотовъ «происшедшихъ въ средѣ высокообразованной, при полной свободѣ политическихъ правъ, прессы и суда, безъ потрясенія и смуты», авторъ выводилъ заключеніе, что: «1) землевладѣніе не признается болѣе такимъ полнымъ, неприкосновеннымъ правомъ, чтобы оно не подлежало въ извѣстныхъ случаяхъ нѣкоторымъ ограниченіямъ и уступкамъ въ пользу другихъ интересовъ и другихъ сословій, съ полною оплатою таковыхъ уступокъ за счетъ государственной казны, 2) что высшая цѣль, къ коей должно стремиться хозяйственное управленіе въ современныхъ обществахъ, есть пріобрѣтеніе въ собственность фермерами и оброчниками тѣхъ земель, на коихъ они нынѣ водворены на условныхъ и срочныхъ правахъ владѣнія» (I, 150). Изслѣдуя фактъ поглощенія въ Англіи мелкаго крестьянскаго землевладѣнія крупнымъ помѣщичьимъ, авторъ находилъ, что поглощеніе «произошло само собой, силою вещей и естественнымъ подавленіемъ бѣдныхъ сельскихъ обывателей знатными и богатыми собственниками. Мелкіе подворные участ-

ки были поглощены крупными помѣстьями не насильственно, а посредствомъ добровольныхъ уступокъ и продажи, вынужденныхъ крайнею бѣдностью продавцевъ и громаднымъ богатствомъ покупателей». — Уничтоженіе мелкой земельной собственности предпринималось съ благовидными цѣлями «разверстанія, прочистки, округленія дачъ».—Хотя на крупныхъ земельныхъ участкахъ и ввелась мелкая земледѣльческая культура, насаждаемая и улучшаемая трудомъ фермеровъ, хотя производительность страны и усилилась, но увеличивающіеся доходы способствуютъ не улучшенію быта народной массы, а создаютъ рядомъ съ поземельною еще и другую аристократію— денежную. — Фермеры бѣднѣютъ, бросаютъ земледѣльческіе промыслы и увеличиваютъ рабочій пролетаріатъ, угрожающій всему государственному строю. Наконецъ лучшая часть производительнаго рабочаго населенія массами покидаетъ свое отечество, эмигрируя въ другія страны.—Таковъ современный аграрный строй Англіи, не внушавшій автору желанія видѣть въ немъ примѣръ, которому можно было бы слѣдовать. Положеніе сельскаго населенія мало подкупало его даже въ пользу политическаго строя въ этой странѣ, хотя къ этому строю онъ и относился сочувственно въ особенности въ первомъ своемъ сочиненіи.

Германскаго аграрнаго строя авторъ касался съ особою подробностью, находя его заслуживающимъ внимательнаго изученія, такъ какъ германскій поземельный строй служитъ во первыхъ типомъ земельной организаціи во всей средней Европѣ, образцомъ, коему слѣдовали или старались слѣдовать помѣстныя сословія прочихъ странъ, начиная отъ Даніи до Польши и нашихъ Остзейскихъ провинцій; во вторыхъ строй этотъ нигдѣ не былъ изслѣдованъ, исторически изложенъ съ такою подробностью, глубокою и даже мелочною ученостью; въ третьихъ—германскій строй для русскаго изслѣдователя представляется особенно интереснымъ въ томъ отношеніи, что по этнографическому расположенію нѣмецкаго и славянскаго племени отношенія между ними болѣе близкія, вліяніе германской культуры болѣе сильное. Авторъ находилъ даже, «что строй германскихъ обществъ повліялъ и можетъ еще далѣе повліять на наше соціальное развитіе» (I, 177). Изученіе нѣмецкаго поземельнаго строя привело автора также къ отрицательнымъ выводамъ. Въ позднѣйшей исторіи регу-

лированія поземельнаго владѣнія въ Германіи авторъ отмѣтилъ слѣдующіе моменты: «регулированіе началось съ того, говоритъ онъ, что помѣстному сословію предоставлено было право сноса и своза крестьянскихъ дворовъ, затѣмъ было приступлено къ разверстанію общественныхъ земель на подворные участки и, наконецъ, было произведено спеціальное размежеваніе съ отводомъ и обмѣномъ земель въ однѣ сплошныя дачи. Первая изъ этихъ мѣръ была насильственная, вторая — принудительная, третья—полюбовная, рѣшенная по большинству голосовъ» (I, 226). Отъ этого «регулированія» получились важные результаты въ сельско-хозяйственномъ отношеніи; земли оказались въ рукахъ зажиточнаго населенія, за то масса народа лишилась собственности. Процессъ регулированія шелъ одновременно съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, реформою начавшеюся въ началѣ XVIII и продолжавшеюся до конца XIX столѣтія. Въ этотъ длинный періодъ времени «руководителями реформы, начальниками сельскихъ обществъ, судьями и администраторами крестьянъ въ поземельныхъ искахъ и тяжбахъ были и оставались владѣльцы рыцарскихъ имѣній, т. е. одна изъ сторонъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ» (I, 234). Весь процессъ освобожденія крестьянъ совершился въ Германіи безъ пособій отъ правительства, на собственный коштъ крестьянъ, по произвольной оцѣнкѣ, безъ всякихъ нормъ для капитализаціи оброка и барщины. Принципъ «добровольныхъ соглашеній», невмѣшательства правительства, безполезности кредита и выкупныхъ ссудъ нѣмецкіе рыцари отстаивали упорно и систематически. И рыцари достигли того, что реформа закончилась къ исключительной выгодѣ помѣстнаго сословія; крестьянство же раздѣлилось на два разряда: съ одной стороны образовалась крестьянская аристократія, или сословіе мелкопомѣстныхъ землевладѣльцевъ, а съ другой — немногіе владѣльцы одной усадебной осѣдлости, а остальные — бездомные чернорабочіе. И эти результаты, главнымъ образомъ, достигнуты были двумя способами: «поддержаніемъ вотчинной власти и патримоніальнаго суда во все время, покуда продолжалось регулированіе землевладѣнія и освобожденія крестьянъ и отказомъ въ кредитѣ и въ правительственныхъ пособіяхъ, которыя были дарованы крестьянству только тогда, когда уже переворотъ совершился и большая часть имуществъ перешла

въ руки помѣстнаго сословія» (I, 235). «Въ агрономическомъ и экономическомъ отношеніи обезземеленье большей части сельскихъ обывателей принесло пользу; но въ соціальномъ отношеніи оно породило большія опасности: рознь сословій, антагонизмъ между собственниками и рабочими нигдѣ не поставлены въ такія непримиримыя условія, какъ въ нѣмецкихъ земляхъ; нигдѣ они не пустили такихъ глубокихъ и широкихъ корней». Таковъ выводъ, къ которому пришелъ авторъ послѣ разсмотрѣнія поземельнаго устройства въ Германіи.

Не найдя, такимъ образомъ, ни въ одномъ изъ изслѣдованныхъ имъ государствъ разрѣшенія аграрнаго вопроса «по правдѣ и справедливости», и не встрѣтивши тамъ высшей государственной власти, которая стояла бы на высотѣ своего призванія по урегулированію какъ поземельныхъ, такъ и соціальныхъ отношеній въ интересахъ всего населенія, авторъ обратился къ прошлому и настоящему русскаго землевладѣнія, чтобы исторически вывести ходъ реформъ, указать пути, какими онѣ были проведены. Въ отношеніи исторіи землевладѣнія въ Россіи авторъ, на основаніи разныхъ изслѣдованій, далъ впервые отчетливую картину вѣками совершившагося «собиранія» земель и ихъ распредѣленія между населеніемъ, со времени, когда русская государственная власть была еще слаба, когда процессъ «собиранія земель» и удержанія ихъ за собою составляли главную заботу власти, стоявшую выше «устроенія» земель и упорядоченія отношеній между народами, на землѣ обитавшими. Главы о землевладѣніи и земледѣліи въ Россіи, написанныя Александромъ Илларіоновичемъ, могутъ считаться до настоящаго времени первымъ и единственнымъ по этому вопросу публицистическимъ трудомъ въ нашей литературѣ. Хотя мы и не бѣдны разными историческими работами, извѣстными однако болѣе въ кругу спеціалистовъ, но для большинства читающей образованной части нашего общества не было въ литературѣ ничего, похожаго на то, что сдѣлалъ авторъ «землевладѣнія и земледѣлія». Онъ далъ, можно сказать безъ преувеличенія, блестящую популяризацію историческаго прошлаго нашихъ поземельныхъ порядковъ, поучительную въ томъ отношеніи, чтобы эти порядки не забывались при мѣропріятіяхъ, въ которыхъ такъ часто отсутствуетъ правильно установленная историческая точка зрѣнія. А из-

вѣстно, какъ не глубоки познанія по исторіи даже въ той части нашего общества, которая болѣе всѣхъ прибѣгаетъ къ указаніямъ на «историческую правду», «историческія традиціи», на «историческое призваніе» и т. п. Не будетъ парадоксомъ, если мы скажемъ, что у насъ болѣе всего злоупотребляютъ по части исторіи и менѣе всего знаютъ эту исторію. Для присяжнаго ученаго въ работѣ Александра Илларіоновича мало найдется новаго, но въ талантливомъ, связномъ и цѣльномъ пересказѣ уже добытаго разновременными изслѣдованіями заинтересована образованная часть публики и ей то пришелъ на помощь Александръ Илларіоновичъ, проведя чрезъ все свое изложеніе одну мысль, и не увлекшись въ сторону какого либо отдѣльнаго мнѣнія.

Свой историческій очеркъ землевладѣнія въ Россіи, авторъ раздѣлилъ на три отдѣла: первый онъ называлъ періодомъ вольнаго перехода, идущимъ до начала XVII вѣка; второй— со времени указовъ о закрѣпленіи крестьянъ, и третій отъ смерти Петра Великаго до 1861 г.—періодъ «вольности дворянства и полной неволи крестьянъ» (I, 301).

Изъ разсмотрѣнія историческаго прошлаго въ первомъ періодѣ, авторъ приходилъ къ слѣдующему заключенію: «судьбы русскаго народа тѣмъ отличаются отъ другихъ европейскихъ обществъ, что весь длинный періодъ среднихъ вѣковъ и даже начало новѣйшихъ прошелъ для него среди грубой, дикой, но не ограниченной свободы, между тѣмъ какъ въ Западной Европѣ это было время порабощенія крестьянъ феодальными владыками. Тамъ основой землевладѣнія было завоеваніе, отбираніе и захватъ земель у туземцевъ, и изъ этихъ отрѣзныхъ земель образовалась помѣстная собственность высшаго сословія. Въ Россіи таковой же основой было занятіе земель (jus primi occupantis), водвореніе распашка полей, расчистка лѣса; а такъ какъ эти работы исполнялись простымъ народомъ, то онъ пріобрѣлъ на земли неотъемлемое право владѣнія» (I, 343).

Во второмъ періодѣ въ землевладѣніи установились новые порядки: явилось «верстанье помѣстьями» и образовался особый классъ «сильныхъ людей»; «власть и сила употреблялись собственно на то, чтобы обходить законъ и противодѣйствовать верховной власти» (I, 388); наконецъ реформы Петра Великаго, перевернувшія весь строй русской жизни, отразились

и на землевладѣніи. О проведеніи этихъ реформъ авторъ говоритъ: «правительство, устроивъ наружные порядки, какъ будто закрыло глаза на домашній, хозяйственный и земельный бытъ крестьянъ, и, закрѣпивъ ихъ къ землѣ, предоставивъ ихъ попеченію дворянства, установивъ счетъ по душамъ, отреклось отъ всѣхъ прочихъ заботъ управленія, предоставляя народу жить, какъ онъ хочетъ и знаетъ, внутри сельскихъ обществъ, въ семействѣ, во дворѣ, безъ закона, безъ права, безъ какихъ либо узаконеній семейныхъ, родственныхъ, гражданскихъ и земельныхъ, какъ вздумается міру и какъ разсудитъ помѣщикъ (I, 407). Но указывая на проведеніе Петровскихъ реформъ, называемыхъ нынѣ съ изумительною серьезностью «чуждыми намъ доктринами», авторъ говорилъ: «но не Петру слѣдуетъ приписать послѣдующій ходъ земельнаго устроенія въ Россіи, развитіе крѣпостного права, обращеніе крестьянъ въ рабство, увольненіе дворянства отъ службы, введеніе сословныхъ правъ и преимуществъ. Его система управленія, его политическіе виды были прямо противоположны той организаціи, которую допустили его преемники. Онъ признавалъ всѣ классы жителей, начиная отъ знатнѣйшаго боярина до послѣдняго бобыля, одинаково повинными служить своему отечеству... При введеніи подушнаго оклада, онъ положительно имѣлъ въ виду не обложеніе лицъ и людей самихъ по себѣ, а только тѣхъ изъ нихъ, которые пашутъ землю и требовалъ только, чтобы кромѣ земель были переписаны и обыватели поименно» (I, 408).

Въ третьемъ періодѣ, когда «высшее знатное дворянство было всемогуще и воспользовалось этимъ могуществомъ для приведенія крестьянъ въ полное рабство», (I, 421) авторъ разсмотрѣлъ скорбную лѣтопись уклада поземельныхъ отношеній, исправленіе которыхъ тянется по сіе время. Собранный авторомъ въ этой главѣ историческій матеріалъ обширенъ и прекрасно характеризуетъ уклоненіе государственной власти отъ обязательныхъ для нея высшихъ заботъ по охраненію всенародныхъ интересовъ, ниспаденіе этой власти до практикованія системы «пожалованія земли и людей» привиллегированному классу...

Характеризуя затѣмъ настоящее положеніе землевладѣнія въ Россіи, положеніе созданное освобожденіемъ крестьянъ съ надѣленіемъ ихъ землею, авторъ останавливался на слѣдую-

щихъ фактахъ: 1) хотя въ общемъ итогѣ выкупленныя земли помѣщичьихъ крестьянъ почти и равняются среднему числу десятинъ, бывшихъ въ пользованіи крѣпостныхъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьяне поддались соблазну дарового надѣла,—средній надѣлъ представляется ничтожнымъ (I, 495); 2) удѣльные и государственные крестьяне удержали за собой все количество угодій, состоявшихъ въ ихъ пользованіи, безъ отрѣзки (I, 496); 3) по числу домохозяевъ и по пространству и цѣнности владѣній крестьянскій элементъ является преобладающимъ во всѣхъ коренныхъ русскихъ земляхъ (I, 497). Но общіе итоги не подкупали автора и онъ, разобравшись въ данныхъ для различныхъ мѣстностей, нашелъ, что въ частностяхъ поземельное устройство оставляетъ желать многаго. Подмѣчая фактъ «совершающагося перехода недвижимыхъ имуществъ изъ владѣнія прежнихъ дворянскихъ и помѣщичьихъ родовъ къ другимъ собственникамъ», и останавливаясь на томъ явленіи, что «между владѣльцами и крестьянами стали повсемѣстно посредники, оптовые съемщики изъ купцовъ, которые арендуютъ отъ удѣловъ и помѣщиковъ обширныя дачи и переоброчиваютъ ихъ крестьянамъ отдѣльными участками» (I, 511), авторъ указывалъ на другое, «очень знаменательное и крайне прискорбное явленіе—это зарожденіе въ Россіи сельскаго пролетаріата» (I, 539). По поводу этого явленія онъ говорилъ, что «несмотря на мѣры, принятыя для обезпеченія крестьянъ поземельною собственностью, для закрѣпленія за ними надѣловъ, число безземельныхъ крестьянъ начало въ послѣднее время сильно прибывать» (I, 539). И это явленіе онъ связывалъ съ другимъ «знаменательнымъ и плачевнымъ фактомъ—что платежи сельскихъ податныхъ сословій въ Россіи въ большей части губерній почти равняются доходности ихъ хозяйствъ, въ нѣкоторыхъ ихъ превышаютъ и въ общемъ среднемъ итогѣ не оставляютъ ни одной копѣйки съ валового дохода десятины въ сбереженіе домохозяина» (I, 544).

Но, выдѣляя всѣ печальныя явленія въ крестьянскомъ быту, авторъ особенно настойчиво указывалъ на тотъ повсемѣстный фактъ, что «коренное, дѣйствительное землевладѣніе все-таки остается и усиливается въ рукахъ крестьянъ» (I, 550); что, съ уничтоженіемъ крѣпостного права и съ прекращеніемъ такихъ порядковъ какъ «верстанье помѣстьями» и «пожалова-

ніе ими», «возстановилось прежнее теченіе нашего экономическаго быта — земли начали переходить изъ частнаго владѣнія въ мірское, отъ помѣщиковъ и вотчинниковъ къ крестьянамъ-хлѣбопашцамъ и къ сельскимъ обществамъ» (I, 551). Такой переходъ земель авторъ находилъ неизбѣжнымъ и естественнымъ послѣдствіемъ нашего общественнаго строя и признавалъ, что государству слѣдуетъ «регулировать его, содѣйствовать ему, лишь бы онъ совершился мирнымъ путемъ, безъ насилій и нарушеній правъ частныхъ лицъ и сельскихъ обществъ» (I, 552). Указанію путей къ содѣйствію и регулированію перехода земель непосредственно къ крестьянамъ, авторомъ и посвящена большая часть второго тома его сочиненія.

Рассматривая земледѣліе въ Европѣ и въ Россіи, авторъ исходилъ изъ того положенія, «что человѣческій трудъ тогда можетъ быть признанъ вполнѣ производительнымъ и вполнѣ вольнымъ, когда онъ примѣняется къ собственному имуществу или къ личнымъ способностямъ самаго рабочаго». Отсюда авторъ и выводилъ различіе между трудомъ «хозяйственнымъ» и «наемнымъ». Мы не будемъ здѣсь подробно касаться разработки авторомъ вопроса о значеніи того и другого вида труда для самаго рабочаго, о положеніи рабочихъ на западѣ и у насъ, а ограничимся лишь указаніемъ того вывода, къ которому пришелъ авторъ. А выводъ тотъ, что «рабочій вопросъ тѣсно, неразрывно связанъ съ аграрнымъ» (II, 582), что хотя положеніе нѣкоторыхъ разрядовъ рабочихъ на западѣ и лучше положенія русскихъ рабочихъ, но «вздорожаніе разныхъ предметовъ перваго потребленія въ новѣйшее время идетъ параллельно возвышенію рабочей платы и не много отъ него отстаетъ» (II, 598); при такомъ соотношеніи цѣнъ на предметы потребленія къ заработной платѣ, авторъ и приходилъ къ заключенію, что «европейскій наемникъ никогда не можетъ имѣть даже малѣйшей надежды пріобрѣсти въ собственность участокъ земли, достаточный для хозяйственнаго своего содержанія» (II, 612). Дѣлая обзоръ состоянію земледѣлія въ разныхъ полосахъ Россіи, авторъ не находилъ «въ недостаточности надѣловъ» главную причину стѣсненій въ крестьянскомъ быту (II, 629), но отъ такого мнѣнія онъ впослѣдствіи значительно отступилъ, подавъ хорошій примѣръ сознанія ошибочности выводовъ, коль скоро такая ошибочность подтверждается фактами.

Но считая для большинства мѣсностей надѣлы достаточными, авторъ признавалъ для подобныхъ мѣстностей необходимость такихъ мѣръ, какъ «ограниченіе произвола сельскихъ обществъ по разверстанію угодій и передѣламъ и регулированіе арендованія въ видахъ охраненія производительности почвы» (П, 685). Въ отношеніи къ общинному мірскому владѣнію, авторъ былъ того мнѣнія, что «мірское землевладѣніе есть учрежденіе своеобразное и исключительно свойственное великороссійскому племени» (П, 705). Насколько авторъ былъ правъ, признавая этотъ порядокъ владѣнія исключительно свойственнымъ одному великорусскому племени, это другой вопросъ, который, благодаря новѣйшимъ розысканіямъ нѣкоторыхъ изслѣдователей *), рѣшается иначе и даже далеко не въ пользу нашего самобытнаго преимущества; но сужденія автора о необходимости удержать эту форму владѣнія и внести въ народный обычай болѣе правовыхъ отношеній—представляютъ живой интересъ, касаясь существенныхъ и больныхъ сторонъ нашего крестьянскаго быта. Въ своихъ отношеніяхъ къ общинѣ Александръ Илларіоновичъ, по нашему мнѣнію, сохранилъ трезвый взглядъ; онъ не преклонялся слѣпо предъ народнымъ обычаемъ, потому только, что онъ народный; онъ находилъ на этомъ обычаѣ не мало искуственныхъ наслоеній и желалъ, чтобъ дальнѣйшее подавленіе ими обычая было парализовано и чтобъ разными цѣлесообразными мѣрами этому обычаю дана была возможность совершенствоваться. Не находя въ порядкахъ землевладѣнія и въ общей обстановкѣ труда въ европейскихъ государствахъ условій, обезпечивающихъ существованіе массы населенія, и разсматривая такія явленія какъ эмиграція и колонизація, авторъ находилъ въ этихъ явленіяхъ ненормальность и убыточность ихъ для государства, такъ какъ эмигрируютъ лучшія силы и осаждаются въ чужихъ странахъ и на чужихъ земляхъ. Но считая эмиграціонное движеніе неизбѣжнымъ для большей части европейскихъ государствъ, а систему колонизаціи для нихъ какъ единственный выходъ изъ невыгоднаго экономическаго и соціальнаго положенія, онъ находилъ преимущества на нашей сторонѣ и говорилъ: «колонизація въ Европѣ имѣетъ болѣе

*) Въ томъ числѣ и русскаго профессора Ковалевскаго, изслѣдовавшаго общинное владѣніе и причины распаденія его въ одномъ изъ кантоновъ Швейцаріи.

характеръ эмиграціи, т. е. выхода, которому соотвѣтствуетъ въ Америкѣ и въ Австраліи имиграція, т. е. водвореніе, поселеніе, а въ Россіи переселенія были издревле и остаются до сихъ поръ явленіемъ ввутренняго народнаго быта, имѣющимъ значеніе простого перехода изъ однихъ мѣстъ жительства въ другія и при томъ не представляющія большой разницы съ климатомъ и почвой коренныхъ областей» (II, 924).—«Казалось бы, говоритъ далѣе авторъ, что при такихъ условіяхъ, имѣя съ одной стороны, въ серединѣ государства довольно густо населенныя мѣстности, гдѣ при сильномъ развитіи помѣщичьяго элемента крестьяне издавна стѣсняются малоземельемъ, а съ другой—громадныя пространства пустыхъ и дикихъ земель, русское правительство должно было находить прямыя выгоды въ перемѣщеніи жителей изъ центра страны на ея окраины. Но, стѣсняемое крѣпостнымъ правомъ и паспортно-податной системой, оно не могло дѣйствовать на этомъ поприщѣ послѣдовательно и систематически» (II, 924). Хотя и были попытки къ устройству у насъ колонизаціи даже съ вызовомъ на казенныя земли иностранцевъ, и предлагались земли казеннымъ крестьянамъ въ Сибири, но, какъ только переходы на новыя земли усиливались, «возникали опасенія, большею частью съ полицейской и фискальной точки зрѣнія, и благія начинанія прекращались». Но если правительство прежде не обращало вниманія на колонизацію, то, по мнѣнію автора, нынѣ «пришло время обсудить и вводить правильную систему колонизаціи, такъ какъ эта мѣра является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ тѣхъ началъ, которыя приняты въ основаніе крестьянской реформы» (II, 925). Своевременность и неотложность устройства правильной системы колонизаціи авторъ доказывалъ тѣмъ, что съ увеличеніемъ населенія поземельный надѣлъ, все равно, подворный, подушный или тягловый, соразмѣряемый только съ наличнымъ числомъ душъ одного поколѣнія, будетъ всегда недостаточнымъ въ ближайшемъ будущемъ. Указывая на запасъ свободныхъ земель, онъ однако, какъ бы предостерегая, говорилъ: «но этотъ запасъ народнаго хозяйства бысто расхищается частными владѣльцами (что и обнаружилось впослѣдствіи по отношенію къ башкирскимъ землямъ) и еще быстрѣе грубыми культурами. Общая масса русскаго крестьянства еще живетъ осѣдло, хозяйственно на собственныхъ земляхъ, но уже по-

являются и на Руси отдѣльныя личности и цѣлыя группы сельскихъ жителей, бросающихъ земли; сельскій пролетаріатъ уже зарождается въ однихъ полосахъ имперіи и въ тоже время въ другихъ цѣлые уѣзды и области лежатъ впустѣ, ожидая и вызывая переселенцевъ, которымъ не даютъ выхода наши полицейскіе и фискальные законы» (II, 1003).

Итакъ неотложное устройство правильной колонизаціи — вотъ выводъ, къ которому приходилъ авторъ, чтобъ предупредить увеличеніе сельскаго пролетаріата. Онъ находилъ, что государство должно придти на помощь земледѣльческому классу, указывая ему пути для переселеній и снабжая его необходимыми средствами, облегчая податныя тяжести этого населенія. Выводы автора отличаются своею практичностью и исходятъ изъ жизненныхъ потребностей нашего земледѣльческаго класса; онъ пришелъ къ нимъ не теоретическимъ путемъ, а въ силу близкаго знакомства съ народною жизнью, въ силу правильной оцѣнки наблюдаемыхъ имъ фактовъ. Многіе изъ предложенныхъ авторомъ въ 1876 г., требующихъ неотложнаго рѣшенія, вопросовъ въ позднѣйшее время признаны и правительствомъ очередными, но заслуга первой постановки ихъ безспорно принадлежитъ Александру Илларіоновичу, выступившему съ своими предложеніями о дальнѣйшемъ развитіи экономическихъ реформъ въ то время, когда во вліятельныхъ сферахъ болѣе всего пользовались сочувствіемъ предложенія о «точкѣ» къ реформамъ, о невмѣшательствѣ государства въ дальнѣйшее устройство крестьянъ. Время было тяжелое; ни въ обществѣ ни въ печати не слышно было энергичнаго голоса, который бы сказалъ вѣское слово въ защиту народныхъ интересовъ. И въ это то время Александръ Илларіоновичъ явился съ своимъ сочиненіемъ, полнымъ фактовъ и убѣдительныхъ доводовъ. Нечего, да и нѣкогда было перебирать ученые архивы, затрачивать на это цѣлые годы и вновь обработывать тѣ матеріалы, которые уже достаточно были обработаны другими. Онъ взялъ въ архивахъ науки то, что было необходимо и спѣшилъ отозваться на жгучіе вопросы жизни. Мы думаемъ, что въ желаніи его вовремя освѣтить неудобство исповѣдыванія принципа «невмѣшательства», надо искать и причины, почему онъ съузилъ свои выводы сравнительно съ посылками. Въ работѣ его немало промаховъ и даже ошибокъ, но иначе и быть не

могло; такова судьба, какъ справедливо замѣтилъ проф. Градовскій, людей начинающихъ какое нибудь дѣло: «имъ приходится быть и каменьщиками и архитекторами». Но каковы бы ни были промахи и ошибки автора, сочиненіе его, какъ первый опытъ систематическаго и сравнительно историческаго изслѣдованія аграрнаго вопроса и указаніе ближайшихъ путей къ рѣшенію этого вопроса въ Россіи, остается до сихъ поръ единственнымъ въ нашей литературѣ.

Появленіе его въ свѣтъ было почти событіемъ, оно было замѣчено даже въ иностранной литературѣ. Напомнимъ въ нѣсколькихъ чертахъ, какъ оно было встрѣчено въ обществѣ и печати.

Какое впечатлѣніе произвело «Землевладѣніе и земледѣліе» въ такъ называемыхъ высшихъ, аристократическихъ слояхъ общества — мы не знаемъ, но въ той части этихъ сферъ, которая называется служебною, къ нему отнеслись съ особымъ интересомъ: сторонники дальнѣйшаго и безостановочнаго развитія реформъ видѣли въ немъ много полезныхъ и убѣдительныхъ для дѣла аргументовъ, къ тому же исходившихъ отъ независимаго по убѣжденіямъ и положенію человѣка, каковымъ признавался авторъ; сторонники же реакціи были огорчены и недовольны сочиненіемъ и опасались, что оно можетъ принести значительный вредъ ихъ планамъ. Въ числѣ лицъ этой второй категоріи оказались и такія, которыя съ извѣстнаго рода настойчивостью заявляли, что авторъ въ своемъ сочиненіи прозрачно выступилъ съ коммунистическими идеями, и называли его «краснымъ»... Это было высказано и на страницахъ «Journal de St.-Petersbourg», гдѣ указывалось, «что сочиненіе отзывается пресловутыми теоріями европейскихъ соціалистовъ». — Что касается того, какъ сочиненіе встрѣчено было нашею печатью, то въ этомъ отношеніи получился рядъ эпизодовъ, болѣе всего интересныхъ съ точки зрѣнія нашихъ нравовъ.

Вслѣдъ за выходомъ въ свѣтъ книги, почти во всѣхъ газетахъ появились рецензіи, заключавшія въ себѣ исключительно одни лестные для автора отзывы. Объ этихъ рецензіяхъ мы говорить не будемъ, такъ какъ въ нихъ, по самому свойству газетныхъ статей, не было, да и не могло быть, подробнаго разбора сочиненія. Исключеніе составляетъ газета «Недѣля», гдѣ былъ рядъ обстоятельныхъ статей. Мы укажемъ

лишь на журналы, гдѣ были спеціальныя статьи, посвященныя сочиненію. Первые отзывы дали «Отечественныя Записки», напечатавшія три объемистыя статьи *). Въ первой изъ статей былъ произнесенъ такой приговоръ: первая половина сочиненія, теоретическая, признана «прекрасною», а другая, практическая, — «никуда не годною». Въ рецензіи заявлялось, что «сочиненіе прочли съ большимъ удовольствіемъ, но «въ устроители русской земли, какъ бы въ ней ни мало было порядка, автора не пригласили бы потому, что неизвѣстно — какому богу онъ поклоняется и что будетъ не говорить, а дѣлать». Въ заключеніе отзыва даже приводилось къ свѣдѣнію автора «Землевладѣнія и земледѣлія» изрѣченіе изъ премудростей Іисуса сына Сирахова. Главнѣйшими недостатками въ сочиненіи рецензентъ признавалъ выводы автора о нормальной величинѣ надѣловъ и предложенія объ устройствѣ кредита для покупки земель у помѣщиковъ. Въ этой же рецензіи ставилось автору въ упрекъ стремленіе его въ своихъ практическихъ указаніяхъ къ крайнему «компромиссу», въ силу чего авторъ будто бы «дѣйствуетъ въ пользу реакціи и старается ей угодить». Если исключить изъ указанной рецензіи шутовски-балаганныя мѣста, обнаруживающія желаніе посмѣяться надъ титулованнымъ авторомъ, то въ ней все-таки найдется достаточно серьезныхъ возраженій.

Въ другой статьѣ, въ томъ же журналѣ, подписанной г. Головачевымъ, сочиненіе признавалось замѣчательнымъ, имѣющимъ европейское значеніе; но эта статья, не смотря на ея громадный объемъ, далеко не была обстоятельнымъ разборомъ сочиненія и ее слѣдуетъ отнести къ разряду тѣхъ критическихъ статей, въ которыхъ болѣе говорится не «о сочиненіи», а по поводу его. Г. Головачевъ видимо старался не столько возражать автору, сколько развивать общія его положенія; въ концѣ же концовъ и онъ упрекнулъ автора въ «компромиссѣ».

На эти рецензіи Александръ Илларіоновичъ далъ своимъ критикамъ отвѣтъ **), въ которомъ заявлялъ, что онъ имѣлъ въ виду «не устроеніе» земли русской, а ея изслѣдованіе.— Любопытно въ этомъ отвѣтѣ замѣчаніе автора по поводу сдѣ-

*) «Отечеств. Записки» 1877 г. Т. 4 и 5 и 1878 г. Т. 2.
**) «Вѣстникъ Европы» 1878 г. № 2.

ланныхъ ему упрековъ въ допущенiи имъ «компромиссовъ»; онъ говорилъ, что допуская компромиссы и тѣмъ какъ бы отрекаясь отъ примѣнимости на практикѣ здравыхъ началъ, имъ же самимъ въ принципѣ признаваемыхъ и защищаемыхъ, онъ сознаетъ, что въ этомъ заключается «дѣйствительно слабая сторона его сочиненiя въ научномъ отношенiи». Но шелъ онъ на компромиссъ потому, что встрѣчался съ вопросомъ: «какая можетъ быть польза провозглашать принципы, которые никакъ безусловно проведены быть не могутъ?» Ставя вопросъ «хорошо ли поступаютъ люди науки, провозглашая принципы, которые сами же они признаютъ не примѣнимыми или затруднительными при настоящихъ обстоятельствахъ?», онъ говорилъ «не лучше ли, указывая такiе принципы, какъ высшую, идеальную цѣль, объяснять непосредственно непреодолимыя препятствiя, которыя мѣшаютъ ихъ примѣненiю».

Вопросъ, поднятый критиками сочиненiя Александра Илларiоновича и его разъясненiя на счетъ «компромиссовъ» въ данномъ случаѣ, былъ не новъ и сами критики изъ всей русской жизни, да и изъ своей литературной практики отлично безъ сомнѣнiя видѣли и знали, на сколько у насъ въ общественной и частной жизни большинство главнѣйшихъ отношенiй складывается не по принципу, а путемъ компромисса.—Какую бы сферу общественной жизни мы не взяли, не исключая и литературной, мы повсюду и во всемъ найдемъ компромиссъ. Правда, есть у насъ наука, не признающая конечно компромиссовъ, но представители ея, при столкновенiи съ практическимъ служенiемъ интересамъ родины, также склоняются въ пользу уступокъ, и очень часто высказываютъ сомнѣнiя, подобныя тому, какое недавно было высказано однимъ изъ представителей науки по поводу полезности занятiй «политическою астрологiею». Было высказано опасенiе, что, пока будутъ заниматься такою астрологiею, «Гг. Катковы преспокойно вытащатъ у спорящихъ «свободу жизни, духа и слова», какъ вытаскиваютъ носовой платокъ у зазѣвавшагося «звѣздочета».—Указывая на безцѣльность такого занятiя, тотъ же представитель науки говорилъ: «не пора ли признать, что въ настоящее время (въ 1881 г.) задача каждаго одареннаго Богомъ человѣка состоитъ въ спасенiи той небольшой доли цивилизацiи, свободы и духовной жизни, которую удалось накопить въ Россiи благо-

даря совокупнымъ усиліямъ государства и народа? Немногочисленны эти блага, невеликъ и сосудъ, ихъ вмѣщающій; но честь и слава будутъ тому, чья мужественная рука бодро понесетъ этотъ сосудъ на встрѣчу грядущему, не страшась никакихъ опасностей» *).

Въ приведенной выдержкѣ безъ сомнѣнія находится типичное уклоненіе въ сторону компромисса, которому принесено такъ много жертвъ русскими людьми мысли и практическаго служенія обществу; много русскихъ недюжинныхъ людей, видя страшную пропасть между теоріею и практикою, хваталось за компромиссъ, сомнѣваясь даже въ томъ, что время когда либо приблизитъ непригляднуювую дѣйствительность къ лучшему; шли на компромиссъ и потому, что онъ представлялся въ критическую минуту особаго рода средствомъ, охраняющимъ хотя бы физическое существованіе... Поступился въ пользу компромисса и Александръ Илларіоновичъ, опасавшійся подъ вліяніемъ обстоятельствъ, чтобъ у русскаго народа не вытащили, не носовой конечно платокъ, котораго онъ не имѣетъ,—а послѣднія средства къ существованію. Коснулись мы факта упрека автору «Землевладѣнія и земледѣлія» въ податливости къ компромиссамъ не потому конечно, чтобъ защищать автора въ этомъ отношеніи, а единственно потому, чтобъ отмѣтить—насколько авторъ былъ въ этомъ случаѣ типичнымъ представителемъ мыслителя своего времени, мыслителя подавляемаго условіями окружающей обстановки. Теперь начинаютъ уже строже относиться къ пріобрѣтеніямъ путемъ компромисса: въ будущемъ, надо надѣяться, компромиссы сдѣлаются достояніемъ исторіи, но грядущія поколѣнія признаютъ заслугу и за тѣми, кто хоть путемъ компромисса старался умалять силу подавляющихъ обстоятельствъ, кто имѣлъ хоть одну «каплю общую съ народомъ»...

Послѣ отвѣта Александра Илларіоновича своимъ рецензентамъ, въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1878, т. 2.) была напечатана новая статья, третья, г. Костычева—«Нѣсколько замѣчаній на книгу кн. Васильчикова «Землевладѣніе и земледѣліе и его отвѣтъ критикамъ и рецензентамъ». Статья эта посвящена была исключительно анализу выводовъ и сообра-

*) «Голосъ» 1881 г. № 159, фельетонъ А. Градовскаго.

женій Александра Илларіоновича о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ, при чемъ оспаривалась правильность тѣхъ выводовъ, что малоземельные крестьяне—исключеніе. Возраженія этой статьи въ большинствѣ случаевъ были вполнѣ справедливы, съ чѣмъ впослѣдствіи и согласился авторъ, признавъ неосновательность категоричности нѣкоторыхъ своихъ выводовъ.

Таковы были главнѣйшія, болѣе или менѣе дѣльныя статьи въ нашихъ журналахъ, вызванныя сочиненіемъ Александра Илларіоновича въ первое время по выходѣ его въ свѣтъ. Нужно отдать справедливость редакціи «Отечественныхъ Записокъ», серьезно отнесшейся къ поставленнымъ авторомъ вопросамъ, хотя въ напечатанныхъ ею статьяхъ оставлены безъ обсужденія многія изъ предложеній автора.

Спустя два года послѣ выхода въ свѣтъ «Землевладѣнія и земледѣлія», послѣ обмѣна возраженіями между критиками и авторомъ, неожиданно выступили гг. Герье и Чичеринъ, профессора московскаго университета (первый—по каѳедрѣ исторіи, а второй — государственнаго права) съ своею книгою — «Русскій дилеттантизмъ и общинное землевладѣніе. Разборъ книги князя А. Васильчикова «Землевладѣніе и земледѣліе». Москва. 1878 г.»—Эти почтенные ученые съ энергіею, достойною лучшаго назначенія, взяли на себя трудъ не только разбора книги, но и рѣшенія вопроса—«имѣетъ ли авторъ аттестатъ зрѣлости или обладаетъ ли онъ тѣми свѣдѣніями, которыя составляютъ предметъ обученія въ гимназическомъ курсѣ?» Книга гг. Герье и Чичерина, заключавшая въ себѣ выходки, въ родѣ упрека даже въ преднамѣренной будто бы дешевизнѣ изданія, «разсчитанной на то, чтобы доставить ему возможность распространенія въ самыхъ широкихъ размѣрахъ», — справедливо была признана плодомъ «ученаго невѣжества» *), «учено-полицейскимъ розыскомъ» **). Розыскатели истины, гг. Герье и Чичеринъ, болѣе чѣмъ на 15 печатныхъ листахъ, старались доказать, что авторъ не только человѣкъ не научно образованный, но просто безграмотный и что только такіе же невѣжды, какъ авторъ, могли признать за сочиненіемъ князя какія-либо достоинства. Возражая противъ практическихъ вы-

*) «Слово» 1878 № 7 и 8, статья г. Головачова.
**) «Недѣля» 1878 № 35, статья подъ этимъ названіемъ.

водовъ автора, розыскатели, обнаружившіе въ своей критикѣ инстинкты далеко не соотвѣтствующіе понятію о профессорскомъ званіи, ссылались на принципъ «свободы» и говорили: «подъ предлогомъ заботливаго охраненія производительныхъ силъ страны, экономическое развитіе поражается (предложеніями Александра Илларіоновича) въ самомъ корнѣ. Свобода сдѣлокъ уничтожается; возможность выгодъ хозяйственныхъ операцій сокращается. Вмѣсто личнаго интереса, главнымъ двигателемъ народнаго хозяйства, высшимъ судьею выгодности или невыгодности предпріятій становится правительство, которое во все вмѣшивается, все регламентируетъ и все направляетъ сообразно съ своими теоретическими цѣлями». Вмѣшательство правительства въ поземельныя отношенія, вмѣшательство, къ которому взывалъ Александръ Илларіоновичъ, ученые критики признавали «неслыханными, вопіющими, нарушающими коренныя основы всякой образованной гражданственности». Приведенная нами изъ книги гг. Герье и Чичерина выдержка, которою мы и ограничимся, доказываетъ—насколько высоко стоитъ у насъ наука, не спускающаяся съ своихъ высотъ къ интересамъ дѣйствительной жизни, насколько эта академическая наука, въ лицѣ московскихъ профессоровъ-критиковъ, кстати сказать, такихъ же «дилеттантовъ» въ экономическихъ вопросахъ, какъ и Александръ Илларіоновичъ, если дилеттантизмъ объяснять такъ, какъ объясняютъ гг. Герье и Чичеринъ,—стоитъ выше какихъ бы то ни было «компромиссовъ». Но названные ученые выступили съ книгою вовсе не въ интересахъ охраненія науки отъ нападенія на нее такихъ невѣждъ, какимъ они признали Александра Илларіоновича, не съ цѣлью доказать преимущества «чистой науки» предъ «компромиссомъ»,—нѣтъ, ученые сошли съ своего мнимаго олимпа потому, и это видно изъ раздражительности тона, въ которомъ ихъ книга написана, что ихъ прекрасный сонъ съ грезами, навѣянными усталостью послѣ занятій «первоисточниками» и исторіею временъ, когда не было ни времени, ни пространства,— былъ внезапно прерванъ ломившеюся въ дверь злобою дня, тѣмъ разговоромъ, который пошелъ въ нашей литературѣ вслѣдъ за выходомъ въ свѣтъ книги Александра Илларіоновича, неимѣвшаго чести принадлежать къ числу присяжныхъ ученыхъ. Гг. Герье и Чичеринъ книгою своею хотѣли сдѣ-

лать просто скандалъ автору «Землевладѣнія и земледѣлія», скомпрометировать его въ глазахъ общества, показать обществу, что нѣтъ въ отечествѣ пророковъ, кромѣ чиновныхъ ученыхъ, которыхъ общество только и должно слушать, только ихъ предложенія принимать къ руководству. Еслибы гг. Герье и Чичеринъ преслѣдовали другія, болѣе честныя побужденія, еслибы они имѣли въ виду только разъяснить автору и читателямъ ошибки и заблужденія, то въ такомъ случаѣ имъ вовсе не понадобился бы цѣлый арсеналъ пошлыхъ выраженій, до крайности отталкивающихъ плоскихъ шутокъ, какими изобилуетъ ихъ книга. Гг. Герье и Чичеринъ издѣвались надъ трудомъ Александра Илларіоновича, какъ надъ «великосвѣтскимъ спортомъ», «княжескою забавою», «побрякушками», «оперныыъ маскарадомъ» и т. п. и всѣ эти «ученыя» возраженія приправлялись какими-то «швабскими легендами». Еслибъ московскіе профессора, говоримъ мы, не пасквиль писали, а дѣльный критическій серьезный разборъ сочиненія, то они безъ сомнѣнія оказали бы большую услугу обществу, не компрометировали бы университета, не потворствовали бы грубымъ инстинктамъ, — будто во имя научной истины можно оскорблять человѣка. А гг. ученые оскорбили въ лицѣ Александра Илларіоновича человѣческое достоинство и онъ вправѣ былъ повторить имъ сказанное однимъ изъ русскихъ публицистовъ, въ отвѣтъ на адресованныя къ нему ругательства: «если я сказалъ неправду, докажи, что я сказалъ неправду, но зачѣмъ же ты бьешь меня»...

Значеніе большинства научныхъ истинъ и въ особенности экономическихъ, въ которыхъ гг. Герье и Чичеринъ оказались компетентными не болѣе автора «Землевладѣнія и земледѣлія», — были оцѣнены по достоинству г. Головачевымъ въ «Словѣ» (1878 г. № 7 и 8) и въ «Недѣлѣ» (1878 г. № 35), куда мы и обращаемъ желающихъ ознакомиться съ значеніемъ труда самозваныхъ поборниковъ экономической науки. Что касается замѣчаній ихъ по исторіи, какъ спеціалистовъ, то нѣкоторыя изъ ихъ замѣчаній дѣйствительно справедливы, съ чѣмъ соглашался потомъ Александръ Илларіоновичъ. Съ книгой гг. Герье и Чичерина произошелъ оригинальный курьезъ, о которомъ не лишне упомянуть. Такъ, «Русскій Вѣстникъ», въ свое время не обратилъ на «Землевладѣніе и земледѣліе»

никакого вниманія; но вскорѣ, послѣ выхода въ свѣтъ книги ученыхъ критиковъ, въ названномъ журналѣ (іюль 1878 г.), въ нарочито отведенномъ по этому случаю отдѣлѣ—«Новости литературы», появилась длинная статья, въ которой сугубо посрамлялся авторъ «Землевладѣнія и земледѣлія». По поводу этой статьи однимъ изъ журнальныхъ обозрѣвателей было замѣчено слѣдующее: «получилось дѣйствительно интересное отраженіе либеральныхъ ученыхъ въ зеркалѣ чисто московскаго органа». *) Тотъ же авторъ, предлагая ученымъ критикамъ повнимательнѣе вникнуть въ тѣ цѣли, орудіемъ которыхъ несомнѣнно сталъ ихъ полемическій трудъ, справедливо замѣтилъ: «гг. Герье и Чичеринъ взяли на себя миссію доканать на всѣхъ пунктахъ князя Васильчикова за то, что этотъ непризванный, великосвѣтскій князь, дилеттантъ, неимѣющій степени магистра, не только доктора, осмѣлился изучать вопросы внутренняго устройства своей родины и приподнесть плоды этого изученія своимъ согражданамъ не въ той формѣ, не потому шаблону, и главное не того синевато-сѣренькаго цвѣта, какого требуютъ эти неумолимые господа ученаго цеха. Князь является живымъ гражданиномъ своего общества, страдаетъ и волнуется живыми вопросами, отъ которыхъ зависитъ дѣйствительное благополучіе этого общества, силится уяснить себѣ и другимъ эти вопросы съ помощью своего знакомства съ ихъ прошлымъ и настоящимъ, чтобъ на дѣлѣ приблизиться къ ихъ разрѣшенію, наиболѣе удобному для общества». Справедливо отыскивая истинный мотивъ злой критики, г. Марковъ объяснялъ этотъ мотивъ тѣмъ, что «гордость цехового ученаго оскорблена вторженіемъ непосвященнаго въ таинственные мраки ученаго капища и наглымъ восхищеніемъ рукою мірянина обязанности оффиціальнаго авгура науки». Обращаясь къ г. Чичерину, онъ говорилъ: «его самолюбіе могло быть задѣто тѣмъ обстоятельствомъ, что его собственныя изслѣдованія приняты были публикою только какъ почтенный теоретическій трудъ, неговорившій въ сущности ни да ни нѣтъ, не давшій никакого практическаго выхода для насущныхъ вопросовъ общественной жизни». Характеризуя возмутительность факта «не признанія отечественными факультетскими жрецами своимъ собратомъ по оружію

*) «Голосъ» 1878 г. № 206, фельетонъ Маркова.

писателя мірянина, предпочитающаго библіофильству живые выводы», г. Марковъ заключилъ свой фельетонъ слѣдующими словами: «Грустно и стыдно за интеллигенцію. Вотъ среди нашего соннаго, невѣжественнаго, апатичнаго общества, среди аристократіи, прозябающей внѣшнею и искуственною жизнью гостиныхъ, является человѣкъ, который имѣетъ досугъ, средства и добрую волю посвятить себя безпристрастному изслѣдованію общественнаго быта въ самыхъ насущныхъ его потребностяхъ; этотъ человѣкъ создаетъ рѣдкій въ нашемъ обществѣ, особенно въ нашей аристократіи, прецедентъ полезнаго гражданскаго дѣла, вмѣсто того, чтобъ праздно сорить свои тысячи. Князь и богатый человѣкъ не подавляютъ въ немъ совѣсти гражданина и онъ вопреки своимъ сословнымъ интересамъ, вопреки своему сословному суевѣрію, честно указываетъ на гибельныя язвы общества, честно совѣтуетъ исцѣлять ихъ. И что же? надъ его трудомъ издѣваются»!

Книга гг. Герье и Чичерина прекрасно характеризуетъ тѣ лишнія затрудненія, которыми иногда само же наше общество обставляетъ пути къ упорядоченію общественной жизни. Мы упомянули объ ней только для характеристики прискорбныхъ фактовъ, съ которыми приходилось считаться Александру Илларіоновичу. «Разборъ» профессоровъ навѣрное огорчилъ Александра Илларіоновича, но и послѣ нападенія ученыхъ онъ не бросалъ пера до самой своей смерти, хотя подобный экзаменъ, испытанный подъ старость, могъ показаться на столько лишнимъ бременемъ въ жизни, что въ испытуемомъ легко могло явиться желаніе уйти въ сторону, удалиться съ публицистической арены. Въ другой странѣ, гдѣ ученый и обыкновенный смертный считаютъ для себя обязательнымъ, не ожидая особаго призванія и испытанія въ зрѣлости, устно и печатно высказываться по вопросамъ общественной жизни, представляются немыслимыми такія выходки, на какія способны и тароваты у насъ. Гг. же Герье и Чичеринъ, знающіе, конечно, хорошо европейскую науку и нравы, наглядно доказали, что они у себя дома смотрятъ на дѣло иначе и не допускаютъ, чтобы «мірянинъ», не цеховой ученый смѣлъ свое сужденіе имѣть по вопросамъ общественной жизни, не терпящимъ отлагательства.

Трудъ Александра Илларіоновича, не смотря на всѣ свои

погрѣшности, такъ обязательно указанныя учеными критиками, все-таки сослужилъ большую службу даже и въ томъ отношеніи, что разбудилъ ученый олимпъ и указалъ его обитателямъ, что настоящая наука не должна ограничиваться выясненіемъ давно прошедшихъ временъ, а обязана являться вовремя и кстати съ анализомъ живыхъ явленій, съ рѣшеніемъ неотложныхъ задачъ. Профессоръ А. Градовскій, въ посвященной памяти автора «Землевладѣнія и земледѣлія» статьѣ *), замѣтилъ, что «многое и многое можно сказать относительно выполненія Васильчиковымъ задуманныхъ имъ трудовъ. Но самая придирчивая, самая ѣдкая критика частностей не устранитъ имъ поставленнаго вопроса: должны ли мы перейти чрезъ западныя экономическія формы, или должны избрать иной путь для сохраненія въ цѣлости и здравіи того, что составляетъ фундаментъ нашего государства, — крестьянскаго сословія? Пусть, говоритъ г. Градовскій, другіе возьмутъ въ руки его дѣло, работаютъ въ томъ же духѣ и направленіи. Но, къ сожалѣнію, другихъ оказывается мало и «мы только и дѣлаемъ, что хоронимъ»; — пусть, прибавимъ мы, гг. Герье и Чичеринъ попробуютъ взять на себя роль этихъ «другихъ» и тѣмъ докажутъ, что они способны не на одни только обличенія, далеко не похвальнаго свойства.

Критическій подвигъ гг. Герье и Чичерина останется неразрывно связаннымъ съ именемъ автора «Землевладѣнія и земледѣлія» и будетъ служить упрекомъ ученой критикѣ, не съумѣвшей остаться не только на высотѣ объективнаго отношенія въ защиту научныхъ истинъ, но и обязательнаго для образованнаго человѣка уваженія къ личности противника въ мнѣніяхъ.

Насколько впослѣдствіи сами гг. ученые были довольны выходками въ своей книгѣ, можно судить по тому, какъ г. Чичеринъ на замѣченную однимъ изъ близкихъ къ Александру Илларіоновичу лицомъ «неблаговидность» полемическаго пріема, сослался на своего собрата по критикѣ и сказалъ, что всѣ рѣзкости и проч. принадлежатъ не ему, а г. Герье. Эта ссылка сама за себя говоритъ...

Въ иностранной литературѣ, по поводу «землевладѣнія и земледѣлія», на сколько намъ извѣстно, въ «Revue des Deux

*) См. приложеніе въ концѣ книги.

ный опытъ примѣненія этой формы въ дѣлѣ организаціи народнаго кредита въ Костромской губерніи. «Эти сочиненія подали намъ, нѣкоторымъ земскимъ гласнымъ разныхъ губерній, случайно съѣхавшимся въ Петербургъ, мысль обратиться спеціально къ изученію вопроса»—такъ разсказывалъ самъ Александръ Илларіоновичъ о происхожденіи того кружка, который поставилъ себѣ цѣлью распространеніе въ Россіи ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Но говорившій это скромно умалчивалъ о той роли, которую онъ самъ игралъ въ «возникавшей мысли». Много, безъ сомнѣнія, возникаетъ хорошихъ мыслей въ головахъ русскихъ людей, но много этихъ мыслей и погибаетъ совершенно безплодно, вслѣдствіе разрозненности и отсутствія средствъ сближенія людей одномыслящихъ. Александръ Илларіоновичъ, убѣжденный въ важномъ значеніи устройства народнаго кредита, далъ возможность первой практической въ этомъ дѣлѣ мысли не пропасть даромъ; онъ сдѣлалъ это, собравъ вокругъ себя людей, стремившихся къ одной цѣли, сдѣлался душой энергично взявшагося за дѣло небольшого кружка. Задавшись мыслью примѣнить начала «товарищества» къ развитію въ народѣ кредитныхъ учрежденій, ему предстояла трудная задача избрать путь для достиженія цѣли. Вопросъ этотъ въ настоящее время быть можетъ и праздный, но въ то время далеко не былъ такимъ: почти всѣ пути были дискредитованы... Безкорыстная частная иниціатива образованныхъ лицъ въ дѣлахъ, касающихся интересовъ простого народа, заподозрѣвалась въ неблагонадежности; самое слово «артель» было тогда запретнымъ и опаснымъ. Въ то самое время, какъ бы въ подтвержденіе безуспѣшности частной иниціативы, первый продуктъ ея—«потребительныя общества» терпѣли неудачу и ликвидировали дѣла свои. Частная иниціатива личнаго интереса, проявлявшаяся въ то время въ страстныхъ учредительскихъ увлеченіяхъ, только что вынесла первый погромъ и возстановляла противъ себя общество. Земство, возбуждавшее сначала столько надеждъ, какъ разъ въ то же время стискивалось въ тѣ рамки, которыя отталкивали отъ него лучшихъ людей. Наконецъ, несостоятельность казенныхъ учрежденій, гдѣ форма и безучастіе подавляли всякое проявленіе живыхъ элементовъ общества, было уже достаточно доказано опытомъ. Не смотря на все это Александръ Илларіоновичъ для осуще-

ствленія своей мысли рѣшился выступить съ вопросомъ о народномъ кредитѣ и проводить его тѣми путями, гдѣ неизбѣжно могли встрѣтиться всевозможныя затрудненія. На первое время нужно было, такъ сказать, акклиматизировать идею артельнаго кредита въ средѣ общества и привлечь къ ней вниманіе правительства. Соединивъ около себя знающихъ и сочувствующихъ лицъ и выработавъ коллективно первыя и главныя основанія для организаціи сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществъ, Александръ Илларіоновичъ занялся прежде всего пропагандою дѣла. Въ январѣ 1870 г. въ С.-петербургскомъ собраніи сельскихъ хозяевъ былъ сдѣланъ цѣлый рядъ докладовъ, съ цѣлью вызвать обсужденіе вопроса: «возможно ли у насъ и при какихъ условіяхъ примѣненіе кооперативныхъ банковъ»? Въ числѣ докладчиковъ былъ и Александръ Илларіоновичъ. Доклады эти имѣли послѣдствіемъ то, что вызвали вниманіе къ вопросу и сблизили между собою лицъ также сочувствовавшихъ дѣлу. Въ тоже время мысль объ устройствѣ товариществъ, Александръ Илларіоновичъ, въ качествѣ гласнаго, проводилъ и въ новгородскомъ земствѣ, которое и сдѣлало въ этомъ отношеніи едва-ли не болѣе другихъ земствъ. Для болѣе широкаго распространенія идеи о народномъ кредитѣ необходимо было пользоваться хотя какимъ нибудь правомъ на какую либо аудиторію. И вотъ въ концѣ 1870 г. съ нѣкоторыми лицами своего частнаго кружка Александръ Илларіоновичъ ѣдетъ въ Москву, на бывшій въ то время съѣздъ сельскихъ хозяевъ и дѣлаетъ особый докладъ, въ которомъ и указываетъ на то, что «земства, ссудою товариществамъ первоначальнаго капитала, могутъ значительно способствовать ихъ образованію». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обращалъ вниманіе съѣзда на то, чтобъ частная инниціатива, столь существенная въ новомъ дѣлѣ, получила для своей дѣятельности легальное основаніе. Доклады и предложенія были встрѣчены на съѣздѣ сочувственно; съѣздъ избралъ особую коммисію для разработки программы предположеннаго къ учрежденію особаго комитета о ссудныхъ товариществахъ. Этотъ комитетъ былъ пріуроченъ къ Московскому обществу сельскаго хозяйства и въ 1871 г. утвержденъ правительствомъ, послѣ чего въ январѣ 1872 г. открылось въ С.-Петербургѣ его отдѣленіе, въ которомъ Александръ Илларіоновичъ и предсѣдательствовалъ до самой

своей смерти. Примкнувъ, такимъ образомъ, къ московскому обществу, кружокъ Александра Илларіоновича нашелъ болѣе удобный путь для дѣятельности по народному кредиту. На первыхъ порахъ эта дѣятельность была сочувственно встрѣчена земствомъ и литературою, а правительство, въ лицѣ министерства финансовъ, явилось даже съ матерьяльною поддержкою. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, «дѣятелямъ» пришлось встрѣтиться съ недовѣріемъ, насмѣшками и «независящими обстоятельствами», о коихъ нынѣ, полагаемъ, можно сказать, что они доходили до смѣшныхъ и въ то же время вредныхъ для дѣла проявленій. Такъ, члены комитета были заподозрѣны въ «неблагонадежности»; существовавшее въ то время и извѣстное по своей печальной дѣятельности учрежденіе требовало отъ комитета ежегоднаго представленія списка лицъ, входившихъ въ составъ комитета; въ брошюрахъ, издававшихся комитетомъ, усматривался «соціализмъ». «Независящія обстоятельства» доходили до того, что въ 1872 году во время политехнической выставки въ Москвѣ произошелъ слѣдующій характерный эпизодъ: комитетъ пожелалъ устроить на выставкѣ особую витрину для продажи своихъ изданій по народному кредиту. Исполненіе желанія комитета встрѣтило цѣлый рядъ затрудненій, начиная съ того, что для витрины отведено было неудобное мѣсто въ отдѣлѣ дѣйствовавшихъ машинъ, такъ сказать, въ тѣни; когда витрина была поставлена и снабжена вывѣской, то полиція усомнилась въ легальности комитета, и несмотря на представленные документы, доказывающіе, что комитетъ получаетъ даже правительственную субсидію на распространеніе свѣдѣній о товариществахъ,—настояла на томъ, чтобы вывѣски не было.—Въ день посѣщенія выставки бывшимъ Министромъ Финансовъ М. Х. Рейтерномъ, вывѣска однакоже была повѣшена снова, вопреки запрещеніямъ полиціи. Обходившій выставку М. Х. Рейтернъ обратилъ свое особенное вниманіе на затерявшуюся среди машинъ маленькую витрину съ брошюрами о товариществахъ, разспрашивалъ о ходѣ дѣла, отзывался о пользѣ дѣятельности извѣстнаго ему небольшого кружка и пожелалъ успѣха возможно большему распространенію свѣдѣній о товариществахъ. Послѣ такого отзыва министра сопровождавшій его синклитъ всего управленія выставки, въ томъ числѣ и представители полиціи, конечно перемѣнили мнѣ-

ніе, вывѣска осталась и «соціалистическая» литература въ видѣ брошюръ: «О томъ, какъ можно бы избавиться отъ ростовщиковъ», «Артели рабочихъ», «Какъ завелись у насъ правильныя артели?», «Гдѣ и какъ дешево добыть денегъ?», «Образцовый уставъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ» и т. п. пагубныя вещи свободно продавались на выставкѣ желающимъ.

Какъ въ послѣдствіи дѣйствовалъ и продолжаетъ дѣйствовать комитетъ, обязанный своимъ существованіемъ нравственной и отчасти матеріальной поддержкѣ Александра Илларіоновича, объ этомъ, конечно, намъ говорить нѣтъ надобности, такъ какъ по этому вопросу существуетъ цѣлая спеціальная литература. Мы коснемся дальнѣйшей дѣятельности Александра Илларіоновича по народному кредиту не какъ предсѣдателя с.-петербургскаго отдѣленія комитета, какъ учрежденія осуществлявшаго, такъ сказать, идеи Александра Илларіоновича, а какъ мыслителя, работавшаго надъ вопросомъ о кредитѣ, съ помощью котораго можно было бы, на сколько это достижимо усиліями частныхъ лицъ и земства, удовлетворить хотя бы одну изъ насущныхъ потребностей крестьянскаго населенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы также укажемъ и на то, какъ относились въ обществѣ и нѣкоторыхъ органахъ печати къ высказывавшимся Александромъ Илларіоновичемъ взглядамъ на народный кредитъ.

Въ 1872 г. Александръ Илларіоновичъ прочиталъ въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ особый докладъ о ссудныхъ товариществахъ *), въ которомъ онъ высказалъ свои взгляды на это дѣло. Указывая въ докладѣ на то, что мелкія кредитныя общества, въ родѣ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, должны существовать для проведенія кредита изъ центральныхъ банковъ—государственнаго и частныхъ—въ низшіе слои народа, Александръ Илларіоновичъ высказывалъ мнѣніе, что народный кредитъ «долженъ быть мѣстнымъ, личнымъ (безъ залога) и мелкимъ». Останавливаясь на вопросахъ: 1) будетъ ли кредитъ, открываемый ссудными товариществами доступенъ бѣднѣйшему классу крестьянскаго населенія и 2) достигнутъ ли эти учрежденія предполагаемой цѣли, — оказать помощь и кредитъ массѣ народа?—онъ находилъ, что на первый вопросъ не

*) Сборникъ «Недѣли»: «Русскіе общественные вопросы». Спб. 1872 г. стр. 305.

избѣжно слѣдуетъ дать отрицательный, а на второй—утвердительный отвѣты.—Онъ писалъ: «хотя мы не можемъ утѣшаться надеждой, что товарищества помогутъ и спасутъ отъ бѣдности все сельское населеніе Россіи, но смѣло можемъ расчитывать на то, что они оставятъ въ сторонѣ незначительное меньшинство», но при условіяхъ, о которыхъ Александръ Илларіоновичъ и говорилъ: «вопросъ о народномъ кредитѣ тѣсно, неразрывно связанъ съ другими вопросами и составляетъ только одну изъ вѣтвей общаго ассоціаціоннаго вопроса. Народный бытъ едва ли улучшится, народное хозяйство едва ли достигнетъ процвѣтанія при помощи одного «кредита»; самый кредитъ не можетъ утвердиться на прочномъ основаніи, если рядомъ не будетъ дано помощи и труду, производительности. Товарищества, какъ и другія артели и ассоціаціи не могутъ обойтись безъ посторонней помощи, которая и должна идти отъ частныхъ лицъ, земства и правительства».—Высказывая свое убѣжденіе, резюмированное имъ самимъ слѣдующими словами—«отказывать народнымъ массамъ въ кредитѣ составляетъ такое же общественное преступленіе, какъ отказывать народу въ правосудіи»—Александръ Илларіоновичъ вызывалъ къ дѣятельности по народному кредиту частную инициативу и земство, и этимъ вызовомъ онъ старался парализовать укоренявшееся убѣжденіе въ спасительности принципа невмѣшательства.—Оставляя право помощи бѣднѣйшей части народной массы за правительствомъ, онъ показывалъ примѣръ частной инициативы по развитію «самопомощи».

Пропагандируя необходимость организаціи народнаго кредита, защищая это дѣло то личными объясненіями съ правительственными лицами, то публичными сообщеніями въ ученыхъ обществахъ, Александръ Илларіоновичъ достигъ того, что дѣломъ этимъ занялись многія земства, а правительство признало серьезную и полезную сторону въ демократизаціи кредита. Первыя учреждали товарищества, давали имъ ссуды, а послѣднее открывало кредитъ товариществамъ въ Государственномъ банкѣ и вообще сочувственно относилось къ дѣятельности комитета. Не за долго до смерти Александру Илларіоновичу объявлена была Царская благодарность за дѣятельность по народному кредиту, краснорѣчиво свидѣтельствующая о томъ, на сколько эта дѣятельность была «соціалистическою», како-

вою желали признать ее слишкомъ усердные «не по разуму» поборники порядка, эти настоящія темныя, вредоносныя силы Россіи...

Мысль о помощи народу кредитомъ въ формѣ ссудо-сберегательныхъ товариществъ не оставалась въ Александрѣ Илларіоновичѣ въ застыломъ, неподвижномъ состояніи. Слѣдя за практическимъ осуществленіемъ ея въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, наблюдая непосредственно за экономическими потребностями сельскаго населенія, онъ развивалъ эту мысль далѣе и разъяснялъ роль кредита въ ряду другихъ мѣропріятій, указывалъ на связь и систему въ такихъ мѣропріятіяхъ, предостерегая отъ преувеличенныхъ и неосновательныхъ надеждъ, возлагавшихся на кредитъ, осуществившійся въ предложенной имъ формѣ. Такъ въ 1875 г., въ докладѣ своемъ Московскому обществу сельскаго хозяйства онъ говорилъ, что кредитъ въ формѣ ссудо-сберегательныхъ товариществъ далеко не обнимаетъ всей задачи, что онъ «составляетъ только первую черту общей организаціи народнаго кредита, который надо постепенно расширять въ виду наростающихъ нуждъ сельскаго хозяйства». А въ слѣдующемъ, 1876 г., Александръ Илларіоновичъ въ вышеназванной брошюрѣ ставилъ уже вопросъ о мелкомъ земельномъ кредитѣ. Брошюра состоитъ изъ двухъ частей, написанныхъ двумя авторами: первая о необходимости и своевременности такого кредита (принадлежитъ Александру Илларіоновичу), вторая заключаетъ въ себѣ техническія указанія къ осуществленію такого кредита (написана А. В. Яковлевымъ). Этою брошюрою не разрѣшался, а только ставился вопросъ, доказывалась своевременность его, «необходимость дополнить наши кредитныя учдежденія другими установленіями, которыя пришли бы въ помощь: казнѣ—для населенія пустыхъ земель, крестьянамъ—для переселенія, частнымъ владѣльцамъ—для распродажи излишнихъ земель мелкимъ покупщикамъ».

Указывая на фактъ увеличивающагося числа безземельныхъ крестьянъ, Александръ Илларіоновичъ писалъ: «сельскій пролетаріатъ зарождается въ Россіи и растетъ быстро» *); «уже наступаетъ моментъ, когда зарождается хозяйственное нера-

*) «Мелкій земельный кредитъ» стр. 15. Спб. 1876 г.

венство, развивается неимущество и безземелье въ низшихъ слояхъ общества, и закладываются основанія того общественнаго строя, который процвѣтаетъ въ западной Европѣ, съ крупнымъ землевладѣніемъ вверху и сельскимъ пролетаріатомъ внизу» *). Онъ говорилъ, что «этотъ моментъ надо схватить и принять мѣры къ умѣренію зла, къ предотвращенію опасностей». Признавая народный кредитъ неотложною необходимостью и указывая на то, что производительному классу этотъ кредитъ недоступенъ, онъ говорилъ: «вопросъ этотъ важенъ именно въ настоящій моментъ нашего внутренняго устроенія, ибо не надо думать, чтобы какое либо правительство или общество могло по своему произволу выбирать удобное время для организаціи поземельной собственности. Во всѣхъ государствахъ наступаетъ извѣстный моментъ, послѣ сверженія ига крѣпостной и феодальной зависимости, когда эти внутреннія отношенія гражданъ къ землѣ слагаются въ извѣстныя формы, когда предусмотрительное правленіе можетъ направить эту организацію и, не насилуя народныхъ нравовъ и стремленій, не нарушая ничьихъ правъ, дать имъ разумныя руководства. Но этотъ моментъ очень краткій, и упустивъ его, случай потерянъ на всегда; мирный исходъ на всегда закрытъ и остается только путь, которому и слѣдуютъ европейскія государства, съ безпрестанными колебаніями и періодическими поворотами взадъ и впередъ» **). Признавая «открытіе кредита мелкимъ собственникамъ дѣломъ настоятельной, неотложной надобности», Александръ Илларіоновичъ считалъ его «продолженіемъ, ректификаціей (поправкой) выкупной операціи» ***), «первымъ шагомъ къ устройству колонизаціи».

Брошюра «мелкій земельный кредитъ» подняла вопросъ; въ печати и земствѣ пошли сужденія, началась разработка уставовъ разнаго рода видовъ учрежденій долгосрочнаго кредита. Въ какой бы формѣ не осуществился мелкій кредитъ— въ видѣ ли «земскаго банка», въ видѣ ли «товарищества»— Александру Илларіоновичу было все равно, лишь бы указанное имъ дѣло скорѣе осуществилось, лишь бы на это дѣло

*) «Мелкій земельный кредитъ» стр. 16. Спб. 1876 г.
**) Тамъ же стр. 33.
***) Тамъ же стр. 24.

обратило вниманіе правительство и дало матеріальную поддержку. Для него только одно было небезразлично—это чтобъ въ дѣлѣ народнаго кредита не затерто было земское участіе. Когда, въ 1880 году, высказывалось мнѣніе, что крестьянскій земельный кредитъ долженъ быть исключительно въ рукахъ правительства, Александръ Илларіоновичъ писалъ: «если въ такомъ дѣлѣ, какъ земельный кредитъ низводить земства на степень исполнительныхъ органовъ, агентовъ правительства, то спрашивается: какое же останется за ними значеніе. Разумѣется, въ каждомъ собраніи могутъ проявляться ошибочные взгляды, личныя и даже своекорыстныя цѣли, но мы не полагаемъ, чтобы правительственное учрежденіе въ этомъ отношеніи стояло выше земскихъ собраній и чтобы оно представляло болѣе ручательства въ безпристрастномъ разрѣшеніи хозяйственныхъ вопросовъ». По мнѣнію Александра Илларіоновича въ такомъ дѣлѣ, какъ кредитъ, «необходимо совмѣстное дѣйствіе земства и правительства, — первому должно принадлежать предварительное обсужденіе и веденіе дѣла, а второму—общій высшій контроль, надзоръ, такъ какъ оно должно дать средства».

Въ обращеніи своемъ къ земствамъ въ 1880 г. съ проэктомъ устава онъ говорилъ слѣдующее:

«Вопросъ о мелкомъ земельномъ кредитѣ становится съ каждымъ днемъ болѣе существеннымъ. Какъ земство, такъ и литература обратили на него вниманіе. Къ сожалѣнію до настоящаго времени онъ на практикѣ еще не разрѣшенъ.

«Въ виду этого, я полагалъ небезполезнымъ, съ нѣсколькими лицами, сочувствующими правильному разрѣшенію этого вопроса, разработать проектъ устава земскаго банка для мелкаго земельнаго кредита, который вмѣстѣ съ объясненіями, обусловившими ту или другую статью устава, при семъ прилагается.

«Препровождая проектъ устава, мы руководились однимъ желаніемъ доставить управѣ и собранію матеріалъ для обсужденія возможности и практическаго примѣненія мелкаго земельнаго кредита въ Россіи. Если въ этомъ отношеніи прилагаемая книга принесетъ пользу, то мы будемъ признавать нашъ трудъ не безполезнымъ».

Изъ этого буквально приведеннаго обращенія видно—какими побужденіями Александръ Илларіоновичъ руководствовался въ обращеніи къ земству.

Останавливаясь на дѣятельности Александра Илларіоновича по народному кредиту, какъ на практическомъ служеніи народнымъ нуждамъ, мы не слѣдовали обычному рутинному пріему взвѣшивать эту дѣятельность при помощи статистическихъ вѣсовъ, на которыхъ гирями служатъ лишь цифирные итоги. Какъ ни почтенны такіе вѣсы, но они, въ данномъ случаѣ, едвали примѣнимы, и вотъ почему: одно дѣло проведеніе въ сознаніе общества данной мысли и совершенно другое — осуществленіе этой мысли, дѣлаемое другими, за которыхъ, какъ исполнителей, нельзя же отвѣчать человѣку инициативы.

Извѣстно, что въ первое время пропаганды о необходимости устройства народнаго кредита многія земства и частныя лица весьма горячо взялись за дѣло и ожидали отъ кредитныхъ товариществъ слишкомъ большихъ результатовъ. Но очарованіе быстро смѣнилось апатіей, свойственной русскимъ людямъ, о чемъ такъ мѣтко было замѣчено однимъ изъ нашихъ публицистовъ, говорившимъ:

«Одна изъ давно замѣченныхъ особенностей нашего общества состоитъ въ томъ, что оно быстро и живо возбуждается новыми идеями и вопросами, но столь же быстро и охладѣваетъ къ нимъ. Стоитъ, напримѣръ, появиться мысли о какомъ-нибудь доступномъ и примѣнимомъ у насъ экономическомъ улучшеніи,—и мы жадно хватаемся за нее, толкуемъ о ней во всѣхъ углахъ, обыкновенно даже преувеличивая ея важность. Но пройдетъ годъ, другой; отвлеченная мысль начинаетъ переходить въ дѣло; практика выяснитъ истинное ея значеніе, натолкнетъ вниманіе на разныя препятствія при ея осуществленіи:—и вотъ восторженный тонъ прежнихъ рѣчей начинаетъ мало по малу спускаться; то, что прежде всецѣло владѣло умами, постепенно отступаетъ на задній планъ, и наконецъ совсѣмъ забывается, лишь изрѣдка напоминая о себѣ по поводу какого нибудь экстра-ординарнаго случая».

«Между множествомъ идей, испытавшихъ у насъ такую судьбу, особенно бросается въ глаза нѣкогда столь популярный вопросъ о народномъ кредитѣ» *). Говоря объ апатіи мы далеки отъ того, чтобы не признавать серьезнаго значенія за обстоятельствами, развивающими апатію ко всякаго

*) «Русскія Вѣдомости» 1878 г. № 273.

рода общественнымъ дѣламъ. Обстоятельства эти безспорно не только тормозятъ всякое дѣло, но и вліяютъ на неполную постановку его, отъ чего и не получается должныхъ результатовъ. Но говоря объ апатіи безотносительно къ обстоятельствамъ, всетаки нельзя не видѣть въ ней и личной дряблости и вялости, съ которыми слабо борются наши дѣятели.

Пропагандировавшій идею кооперативнаго народнаго кредита, указывавшій и на вѣроятныя положительныя и отрицательныя послѣдствія при правильной постановкѣ дѣла, Александръ Илларіоновичъ обвинялся, такъ сказать, въ двухстороннемъ вредѣ. «Независящія обстоятельства» взваливали на него вину въ «соціализмѣ», подкапывающемся подъ «основы», а наилиберальнѣйшая часть печати осуждала дѣятельность Александра Илларіоновича по кредиту, какъ дѣятельность способствующую развитію въ народѣ капиталистическихъ и буржуазныхъ инстинктовъ. Особенно падкими на обвиненія въ этомъ направленіи были журналы «Отечественныя Записки» и «Дѣло». Ихъ статьи, какъ напр. «страстотерпцы народнаго кредита», «мелкій долгосрочный кредитъ» (От. З. 1878 г., т. 6), «къ вопросу о мелкомъ земельномъ кредитѣ» (От. З. 1879 г., т. 5), «штопанье мужицкой сермяги» («Дѣло», 1880 г., № 10), не говоря о другихъ, напечатанныхъ ранѣе, представляютъ собою самый типичный сводъ обвиненій не только дѣла, которому служилъ Александръ Илларіоновичъ, но и его личности. Названные наилиберальнѣйшіе журналы не щадили своего остроумія и краснорѣчія на то, чтобъ поиздѣваться надъ личностью. И вотъ образчикъ: «...Кн. Васильчиковъ и товарищи его, говорится въ критикѣ на проэктъ поземельнаго кредита,—отличные ѣздоки; они знаютъ, куда они ѣдутъ, и по всей вѣроятности пріѣдутъ въ свою обѣтованную землю—въ царство либеральной буржуазіи» *). Въ этой же обширной критикѣ проэкта, редакція солиднаго журнала позволила автору статьи безцеремонно сознаться, что проэкта онъ не видалъ и судитъ по газетамъ, что онъ искалъ проэкта (?!) и не нашелъ. Это ли не образецъ серьезнаго отношенія къ общественному вопросу! Авторъ же статьи въ «Дѣлѣ», съ апломбомъ критиковавшій проэктъ, обнаружилъ полное незнакомство съ элементарными свѣдѣніями по кредиту, примѣромъ чего

*) «Отеч. Зап.» 1879 г. т. 5 стр. 32.

служатъ его сужденія о закладныхъ листахъ. О выходкахъ нашихъ либеральнѣйшихъ журналовъ противъ личности мы вспомнили потому, что отъ нихъ кажется болѣе всего слѣдовало бы ожидать иного отношенія, не къ дѣлу конечно, къ которому вправѣ каждый относиться какъ онъ хочетъ, а къ личности. Александръ Илларіоновичъ рѣдко отвѣчалъ на нападки, но на этотъ разъ высказался; на обвиненія въ томъ, что онъ создаетъ «сельскую буржуазію», онъ отвѣчалъ: «если подъ словомъ «буржуа» разумѣется всякій человѣкъ, имѣющій какую-либо собственность или промыселъ, всякій крестьянинъ, имѣющій дворъ, полевой надѣлъ, лошадь и корову, то дѣйствительно эту буржуазію мелкій кредитъ имѣетъ въ виду поддержать и предохранить отъ полнаго раззоренія, отъ пролетаріата. Она составляетъ огромнѣйшее большинство членовъ въ нынѣ дѣйствующихъ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ и вѣроятно составитъ такое же большинство въ обществахъ земельнаго кредита. Если и эти мужички въ смазныхъ сапогахъ и сѣрыхъ кафтанахъ признаются русскою буржуазіею, то ужъ мы не знаемъ — изъ кого состоитъ русская демократія?!» *). Нападки на «буржуазность», обвиненія въ предложеніи «ненужныхъ пальятивовъ», дѣлались, какъ мы думаемъ, потому же, почему у насъ «вольноотпущенной прессѣ», по выраженію Александра Илларіоновича, приходится иногда нападать на какое-либо дѣло, не во имя того, что оно безполезно, а потому, чтобъ на немъ не успокоилось общественное вниманіе; чтобъ общество не думало, что этимъ дѣломъ все будетъ устроено къ лучшему, такъ что затѣмъ уже не останется и желать болѣе... Мы думаемъ такъ потому, что не вѣримъ въ искренность убѣжденій горячихъ критиковъ относительно того, что «помогать, такъ помогать всѣмъ, а то никому не надо помогать». Безцеремонное отношеніе въ статьяхъ названныхъ выше журналовъ къ личности можетъ быть объяснено, помимо привычки хлестко писать и даже ругаться, привычки, глубоко сидящей въ нравахъ нашихъ публицистовъ всякихъ направленій, еще и тѣмъ, что авторамъ нападокъ казалось, что въ лицѣ Александра Илларіоновича дѣйствуютъ

*) «Новое Время» 1879 г. №№ 1326 и 1327. «Проэкты мелкаго земельнаго кредита». Статьи князя А. Васильчикова.

если не «охранители», то несомнѣнно бюрократія; что онъ муссировомъ только то, что уже предначертано тамъ, въ сферахъ... Сквозь азартную критику проэктовъ, пугавшихъ воображеніе критиковъ, ясно выглядывали такія же опасенія, съ какими простой людъ относится къ слухамъ о ревизіи: «быть бѣдѣ!» — рѣшаютъ деревенскіе обыватели, заслышавъ о ревизіи; «быть буржуазіи!» кричатъ журнальные критики, увидѣвъ частный проэктъ какого либо народнаго кредитнаго учрежденія.

Помимо критики основныхъ взглядовъ Александра Илларіоновича на кредитъ, стоитъ еще рядъ обвиненій Александра Илларіоновича и въ томъ, что рекомендованныя имъ, между прочимъ, товарищества не приносятъ той пользы, какую каждому хотѣлось бы видѣть. Эти обвиненія доказываютъ только, какая царитъ смута въ понятіяхъ общества, понятіяхъ проникающихъ и въ печать! Никогда Александръ Илларіоновичъ не думалъ спасать русскаго народа отъ «оскудѣнія» одними ссудными товариществами, никогда онъ не считалъ ихъ панацеей противъ всѣхъ золъ. Онъ старался только дѣлать то, что можно, и другимъ совѣтовалъ не сидѣть сложа руки. Дѣятельная натура искала общественной работы и виновенъ ли онъ въ томъ, что для такой практической работы независимому человѣку отводится мѣсто чуть ли не менѣе того, какое полагается на каждую взрослую душу, послѣ ея смерти. Виновенъ ли онъ въ томъ, спрашиваемъ мы всякаго рода обвинителей, что никто у насъ не хочетъ заняться маленькимъ дѣломъ, въ ожиданіи большого, на которое Александръ Илларіоновичъ тоже указывалъ, въ видѣ колонизаціи, переселеній, податной реформы, земельнаго кредита и т. д. На всѣ эти вопросы каждый безпристрастный человѣкъ дастъ односложный отвѣтъ—«нѣтъ». И мы думаемъ, что когда улучшится современное тяжелое положеніе общества, безъ сомнѣнія, возобновится и работа надъ вопросами о «помощи» и «самопомощи». И эта работа долго еще не исчерпаетъ идей Александра Илларіоновича, долго еще новые дѣятели будутъ развивать и примѣнять эти идеи, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, когда русскій мужикъ не будетъ нуждаться въ содѣйствіи образованной части общества для устроенія своего житья-бытья...

«Землевладѣніе и земледѣліе» и брошюра о кредитѣ вышли въ свѣтъ въ такое время, когда общественное вниманіе все болѣе и болѣе заинтересовывалось событіями въ славянскихъ земляхъ. Намъ придется нѣсколько остановиться на тѣхъ движеніяхъ въ нашемъ обществѣ, какія вызваны были названными событіями, такъ какъ личность Александра Илларіоновича причастна къ славянскому дѣлу двоякимъ образомъ: во-первыхъ онъ былъ избранъ предсѣдателемъ петербургскаго отдѣла славянскаго комитета въ 1876 г., а во-вторыхъ подъ вліяніемъ событій онъ написалъ особую брошюру «восточный вопросъ», въ которой и высказалъ свои взгляды на этотъ вопросъ и рѣшеніе его. Имѣя въ своемъ распоряженіи переписку Александра Илларіоновича, относящуюся къ тому времени и рукопись названной брошюры, мы постараемся очертить участіе Александра Илларіоновича въ славянскомъ дѣлѣ.

Прежде всего замѣтимъ, что, благодаря независимому и свободному отъ всякихъ служебныхъ отношеній положенію, Александръ Илларіоновичъ очень часто получалъ съ разныхъ сторонъ различныя предложенія, нерѣдко исключавшія другъ друга—явленіе обычное, впрочемъ не у насъ однихъ. Къ тому же, зная его отзывчивость на всякое общественное дѣло, многіе обращались къ нему, дабы имѣть въ лицѣ его иногда не столько руководителя, сколько необходимаго человѣка, какъ у насъ принято выражаться, «нужнаго» человѣка. Въ большинствѣ случаевъ онъ былъ мало податливъ на предложенія относительно активнаго участія въ разныхъ учрежденіяхъ и обществахъ. Но предложеніе предсѣдательствовать въ славянскомъ комитетѣ онъ принялъ. Какія побужденія руководили имъ—это мы увидимъ изъ его собственныхъ писемъ, по которымъ мы и прослѣдимъ, какъ за совершившимися событіями, такъ и за его участіемъ въ славянскомъ комитетѣ.

Въ 1875 г. происходили такъ называемыя инсургентскія движенія въ Босніи, Герцеговинѣ и Черногоріи. Въ октябрѣ этого года Александру Илларіоновичу сдѣлано было предложеніе ѣхать съ санитарнымъ отрядомъ въ Черногорію, въ качествѣ уполномоченнаго отъ «Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ». Предложеніе это онъ не принялъ, такъ какъ не зналъ, «какое значеніе будетъ придано санитарному отряду? воспользуется ли онъ правами краснаго креста и тѣми пре-

имуществами, которыя даются красному кресту по женевской конвенціи? ибо по уставу этого общества помощь дается только раненымъ въ случаѣ регулярной войны между двумя воюющими державами, а было неизвѣстно, будетъ ли Черногорія признана воюющею стороною?» На эти вопросы Александра Илларіоновича ему даны были «уклончивые отвѣты» и оказывалось, «что они были невыяснены, и санитарному отряду, предписывалось не выходить изъ предѣловъ Черногоріи, дѣйствуя оффиціозно, но не оффиціально». Но отказываясь отъ предложенія, Александръ Илларіоновичъ руководствовался и другимъ соображеніемъ, о которомъ онъ писалъ слѣдующее: «высылка такого отряда подъ знаменемъ краснаго креста и отъ общества, состоящаго подъ покровительствомъ русскаго правительства, должна будетъ неминуемо возбудить сильнѣйшія надежды среди герцеговинскихъ повстанцевъ и въ самой Черногоріи и что этотъ первый нашъ шагъ на такомъ скользкомъ пути можетъ имѣть громадныя послѣдствія, отвѣтственность за которыя меня смущаетъ». Какъ ни старался Александръ Илларіоновичъ выяснить свои недоумѣнія, сколько онъ ни объяснялся съ главою общества и его членами, но вынесъ убѣжденіе, «что «положеніе уполномоченнаго остается неопредѣленнымъ и двухсмысленнымъ». Викторъ Илларіоновичъ, узнавъ о сдѣланномъ брату, Александру Илларіоновичу, предложеніи ѣхать въ Черногорію, былъ противъ этого; въ имѣющемся у насъ письмѣ Александра Илларіоновича къ одному изъ близкихъ къ нему лицъ находится слѣдующее интересное мѣсто: «успокой пожалуйста возлюбленнаго моего братца на счетъ Герцеговины: я не ѣду, не бросаю семьи и не имѣю намѣренія порѣшить восточный вопросъ помимо Европейскихъ державъ».

Отказавшись отъ поѣздки въ Черногорію, Александръ Илларіоновичъ остался при убѣжденіи, о которомъ онъ и сообщалъ слѣдующее: «...эта демонстрація имѣла рѣшительное вліяніе на дальнѣйшій ходъ событій: какъ я предвидѣлъ—русскіе доктора, сестры милосердія и уполномоченные были приняты съ восторгомъ, но вовсе не въ качествѣ санитарныхъ дѣятелей, а какъ представители Россіи и ея правительства, и появленіе ихъ въ Черногоріи было принято во всѣхъ славянскихъ земляхъ: въ Герцеговинѣ, Босніи, Сербіи и Болгаріи—

какъ формальное заявленіе сочувствія и обѣщаніе помощи и содѣйствія со стороны Россіи. Съ этой минуты, можно и должно предвидѣть, что инсургенты не положать оружія ни передъ какими дипломатическими нотами, въ надеждѣ, вовлечь и насъ въ войну своимъ сопротивленіемъ всякому компромиссу».

Черезъ полгода, въ началѣ 1876 г., Александръ Илларіоновичъ получилъ новое и, какъ самъ онъ говорилъ въ письмѣ, «совершенно неожиданное предложеніе нѣкоторыхъ членовъ Петербургскаго отдѣла Славянскаго комитета принять на себя званіе предсѣдателя отдѣла». Далѣе, въ томъ же письмѣ, находимъ слѣдующее: «я говорю, что предложеніе это было для меня неожиданное, потому что я не былъ до сего времени и членомъ славянскаго общества и хотя всегда питалъ глубокое уваженіе ко многимъ изъ нихъ, но не раздѣлялъ нѣкоторыхъ ихъ мнѣній и вѣрованій и вообще не принадлежалъ къ тому кружку, который принято называть славянофильскимъ».

Но предложеніе на этотъ разъ Александръ Илларіоновичъ принялъ и сталъ предсѣдательствовать въ С.-Петербургскомъ отдѣлѣ Славянскаго комитета.—«Первымъ дѣломъ моимъ, писалъ онъ, было ознакомленіе съ существенными предметами занятій общества».—Ознакомленіе это показало ему, «что самый главный предметъ—сношенія комитета съ славянскими землями, сношенія разумѣется не политическія, но ученыя, литературныя и благотворительныя, для которыхъ много было сдѣлано Гильфердингомъ», въ моментъ вступленія Александра Илларіоновича въ должность предсѣдателя былъ забытъ, и «очень трудно было отыскать какой либо путь для сношеній Славянскаго комитета съ славянами». Между тѣмъ обстоятельства становились «все болѣе смутными и серьезными; возстаніе въ Герцеговинѣ вызывало въ публикѣ и прессѣ общее сочувствіе; слухи о народномъ движеніи въ Сербіи и Болгаріи разносились въ преувеличенномъ видѣ». Въ Славянскій комитетъ «появлялись съ разныхъ сторонъ лица, принимавшія на себя роль представителей турецкихъ славянъ и ходатаевъ за нихъ; они дѣлали комитету различныя предложенія, подавали проэкты». Комитетъ же «не имѣлъ никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній о дѣйствительномъ ходѣ дѣлъ; не имѣлъ ни корреспондентовъ въ славянскихъ земляхъ, ни какихъ либо

правилъ для своихъ дѣйствій и сношеній въ этомъ краѣ, и не могъ повѣрять слуховъ и разсказовъ, доходившихъ до него изъ очень разнообразныхъ источниковъ».—Таково было внутреннее содержаніе популярнаго въ то время учрежденія. Предсѣдательствовать было нелегко. А вотъ и другая сторона положенія, въ какомъ очутился Александръ Илларіоновичъ; онъ писалъ: «отношенія мои по должности усложняются, такъ какъ до моего вступленія была избрана коммисія подъ особымъ названіемъ—«коммисія для сбора пожертвованій въ пользу балканскихъ славянъ»; въ этой коммисіи предсѣдатель отдѣла не состоитъ членомъ и она завѣдуетъ всѣми дѣлами какъ по сбору пожертвованій, такъ и распредѣленіемъ пособій и всѣ дѣла по сношенію комитета съ славянами перешли въ эту коммисію.—Исполнительному же присутствію, составлявшему главное управленіе комитета, остались только текущія дѣла, внутреннія сношенія».—Такимъ образомъ, по собственному свидѣтельству Александра Илларіоновича, положеніе его было весьма двухсмысленное; онъ не могъ вліять на общій ходъ дѣлъ въ комитетѣ, между тѣмъ какъ эти дѣла все болѣе и болѣе разростались.

Весной 1876 г. «особенно настойчиво распространялись слухи о готовящемся будто бы возстаніи въ Болгаріи», и вотъ что писалъ объ этомъ моментѣ Александръ Илларіоновичъ: «я старался разузнать, на сколько эти ожиданія основательны и убѣдился, что они сомнительны.—Въ Болгаріи дѣйствовали отдѣльныя личности, имѣвшія притязанія на роль агитаторовъ и увѣряли, что вездѣ формируются банды инсургентовъ, но на вопросы,—«гдѣ именно банды составились, кто ими предводительствуетъ», — отвѣты были неудовлетворительны. Выяснилось только, что во главѣ народнаго движенія стояли два комитета: одинъ въ Бухарестѣ, состоящій изъ почетныхъ болгаръ, проживающихъ въ Румыніи, людей съ вѣсомъ и большими денежными средствами, но весьма осторожныхъ, по отзыву противниковъ даже робкихъ, и во всякомъ случаѣ не желающихъ себя компрометировать преждевременными агитаціями.—Другой комитетъ образовался изъ такъ называемой молодой Болгаріи съ нѣсколько демократическимъ оттѣнкомъ, имѣя повидимому довольно обширныя связи, но никакой организаціи и, главное, никакихъ средствъ;

но этотъ комитетъ существовалъ болѣе въ воображеніи».—Таково было положеніе дѣлъ, узнанное Александромъ Илларіоновичемъ и онъ изъ полученныхъ свѣдѣній видѣлъ, что «эти два комитета были между собой въ самыхъ натянутыхъ, если даже не враждебныхъ, отношеніяхъ; молодые болгары съ увлеченіемъ увѣряли, что вся Болгарія готова къ возстанію, между тѣмъ какъ другой комитетъ протестовалъ противъ ихъ легкомысленной агитаціи и имѣлъ въ виду благотворительную цѣль—просить денегъ только для поддержанія несчастныхъ болгарскихъ семействъ, выселявшихся въ Румынію».

Александръ Илларіоновичъ находилъ, что только благотворительное дѣло и было доступно русскимъ славянскимъ комитетамъ и въ этомъ смыслѣ онъ желалъ направлять дѣятельность отдѣла, въ которомъ предсѣдательствовалъ. Но обстоятельства складывались иначе, и онъ писалъ: «вызовы молодой Болгаріи находятъ отголосокъ въ Россіи, и въ славянскіе комитеты и въ высшія сферы уже проникаютъ разные дѣятели, большею частью изъ болгаръ, проживающихъ въ южной Россіи; они взываютъ о помощи, представляя въ самыхъ мрачныхъ красках бѣдствія, претерпѣваемыя ихъ соотечественниками. Первой жертвой этихъ великодушныхъ увлеченій сдѣлался Н. А. Кирѣевъ». Изъ другого письма узнаемъ, что этотъ доброволецъ въ маѣ того же 1876 г. былъ у Александра Илларіоновича, какъ у предсѣдателя комитета: «онъ объяснялъ мнѣ съ восторгомъ, что пробилъ роковой часъ освобожденія славянъ, что Сербія и Болгарія возстаютъ поголовно противъ турецкаго ига и что онъ рѣшился ѣхать на театръ военныхъ дѣйствій и принять въ нихъ участіе». Какъ отнесся Александръ Илларіоновичъ къ намѣренію Кирѣева—говоритъ слѣдующее мѣсто письма: «я всѣми силами старался отклонить его отъ этого намѣренія и возражалъ, что увлекать бѣдныхъ беззащитныхъ болгаръ къ вооруженному возстанію, когда у нихъ нѣтъ оружія и когда еще ни Сербія, ни Румынія не обѣщали имъ содѣйствія,—значило-бы обрекать ихъ на неминуемую гибель. Я положительно отказался отъ всякаго участія славянскаго комитета въ такомъ предпріятіи. Кирѣевъ отвѣчалъ мнѣ, что въ такомъ случаѣ онъ все таки поѣдетъ отъ себя и на свой страхъ». Извѣстно, что Кирѣевъ остался при своемъ намѣреніи и вскорѣ

послѣ свиданія съ Александромъ Илларіоновичемъ, былъ убитъ въ одной изъ первыхъ стычекъ сербовъ съ турками.

Въ іюнѣ того же года Александръ Илларіоновичъ уѣхалъ къ себѣ въ деревню, въ Тамбовскую губернію. Остановившись, въ Москвѣ, онъ нашелъ тамъ «настроеніе болѣе оживленное, чѣмъ въ Петербургѣ; относительно Болгаріи носились такіе же смутные слухи, но съ болѣе положительными видами и намѣреніями». О настроеніи Москвы онъ писалъ: «возстаніе болгаръ представляется, какъ дѣло рѣшонное, предполагается снабдить ихъ оружіемъ и составить въ Бухарестѣ или въ Сербіи кадры ополченія; съ этою цѣлью собрана крупная сумма; заказываются 20,000 ружей и 9 артиллерійскихъ орудій». До конца іюля Александръ Илларіоновичъ, жившій въ деревнѣ, оставался въ сторонѣ отъ разроставшагося движенія въ пользу славянъ и отъ дѣятельности комитета. Въ это время его увѣдомили о смерти Кирѣева и приглашали пріѣхать въ Петербургъ для участія «въ новыхъ предположеніхъ и совѣщаніяхъ коммисіи по сбору пожертвованій, въ виду усиливающейся отправки добровольцевъ въ Сербію»; но, писалъ Александръ Илларіоновичъ, «я не счелъ себя въ правѣ принять участіе въ дѣлахъ коммисіи, потому что не былъ избранъ въ ея члены и потому, что не одобряю предположеній объ отправкѣ добровольцевъ». Оставаясь въ деревнѣ, онъ написалъ секретарю комитета письмо, въ которомъ и изложилъ свои взгляды «на порядокъ дѣйствій славянскаго комитета въ настоящій кризисъ». Взгляды эти можно разюмировать такъ: комитетъ не долженъ заниматься отправкою добровольцевъ, а всѣ свои усилія долженъ направить къ санитарной помощи.

Извѣстно, что въ іюлѣ и августѣ славянское движеніе достигло высшаго своего развитія. Въ августѣ Александръ Илларіоновичъ опять былъ въ Москвѣ, проѣздомъ въ Петербургъ, и пробылъ тамъ 8 дней. Вотъ какъ онъ описываетъ видѣнное имъ въ Москвѣ: «она представляетъ зрѣлище необычайное— на всѣхъ стѣнахъ первопрестольнаго града красуются портреты Черняева и сербскихъ юнаковъ; по торговымъ рядамъ ходятъ сборщики, наряженные въ траурный, очень изящный костюмъ, съ пристегнутой къ поясу кружкой, на которой сдѣлана надпись—«въ пользу славянъ»; въ славянскомъ комитетѣ кишитъ толпа отставныхъ офицеровъ, солдатъ и разночинцевъ,

записывающихся въ добровольцы,—кромѣ того образовались особыя бюро для пріема пожертвованій и набора волонтеровъ и одно изъ нихъ, подъ руководствомъ А. Пороховщикова, засѣдаетъ въ гостинницѣ «Славянскій базаръ», въ одной изъ залъ этого роскошнаго заведенія». Александръ Илларіоновичъ останавливался въ этой гостинницѣ и, «обѣдая за однимъ столомъ съ содержателемъ ея (г. Пороховщиковымъ)—съ изумленіемъ видѣлъ какъ являлись къ нему (къ содержателю) офицеры армейскихъ полковъ, стоявшихъ въ Москвѣ, какъ онъ записывалъ ихъ чинъ и имена и принималъ ихъ просьбы объ отправкѣ въ Сербію и распоряжался самостоятельно формированіемъ военныхъ отрядовъ». Въ томъ же письмѣ говорится, что «независимо отъ содержателей гостинницъ въ томъ же дѣлѣ принимаютъ участіе и генералы; одинъ изъ нихъ, болѣе извѣстный какъ публицистъ, агитируетъ въ Москвѣ болгарскій вопросъ и старается, по личнымъ своимъ мотивамъ, отклонить приливъ подъ знамя г. Черняева, набирая съ своей стороны другое войско въ Болгарію».

Свои 8-ми дневныя московскія наблюденія Александръ Илларіоновичъ характеризовалъ такъ: «я вынесъ впечатлѣніе, что такъ называемое славянское движеніе совершенно уже вышло изъ своего естественнаго русла и разошлось по такимъ берегамъ, гдѣ уже слѣдить за нимъ невозможно». Въ этомъ онъ еще болѣе убѣдился, когда пріѣхалъ въ Петербургъ; «здѣсь, писалъ онъ, популярная агитація приняла видъ оффиціальный; въ Москвѣ сборщиками наряжались мальчики изъ прислуги «Славянскаго базара»; здѣсь—ту же службу справляютъ знатныя особы обоего пола; дамы высшаго свѣта объѣзжаютъ гостиный дворъ и магазины съ приглашеніемъ къ пожертвованіямъ; гвардейскіе офицеры отпускаются съ дѣйствительной службы въ сербское ополченіе; чиновники разныхъ министерствъ составляютъ подписки на пожертвованіе извѣстнаго процента изъ жалованья въ пользу славянъ «на все время (!?) возстанія». Что касается славянскаго комитета, то объ немъ Александръ Илларіоновичъ писалъ: «коммисія по сбору пожертвованій встрѣчала при наборѣ и отправкѣ добровольцевъ самое предупредительное содѣйствіе со стороны административныхъ вѣдомствъ (напр. паспорты за границу выправлялись въ тотъ же день и въ нѣсколько часовъ), не успѣвали переписывать желающихъ,

какъ они уже являлись съ отпускнымъ билетомъ и заграничнымъ паспортомъ». Передавая свои наблюденія, Александръ Илларіоновичъ продолжалъ: «изъ этого я вынесъ впечатлѣніе, что агитація, которая въ Москвѣ имѣла болѣе народный нѣсколько безпорядочный характеръ, получила въ Петербургѣ правильное и въ извѣстной степени печальное направленіе, такъ какъ никому и въ умъ не могло придти, чтобы подобныя оффиціозныя содѣйствія и сочувствія могли проявляться въ градѣ св. Петра безъ вѣдома и разрѣшенія лицъ власть предержащихъ».

Вскорѣ послѣ этого онъ писалъ другое интересное письмо, въ которомъ онъ высказалъ свой взглядъ на причины какъ бы оффиціознаго славянскаго движенія въ Петербургѣ; въ этомъ письмѣ находимъ слѣдующее любопытное мѣсто: «ошибка въ томъ, что многіе приняли молчаніе начальства за знакъ согласія, между тѣмъ какъ молчаніе объяснялось другой, болѣе существенной причиной—отсутствіемъ изъ столицы главныхъ начальниковъ, находившихся лѣтомъ въ отпуску, или за границей, или въ своихъ помѣстьяхъ, или просто на отдыхѣ и нежелавшихъ прерывать свои лѣтнія путешествія для такого пустого дѣла, какъ славянскій вопросъ...»

Пріѣхавъ въ Петербургъ въ августѣ, Александръ Илларіоновичъ недолго оставался въ немъ и скоро опять уѣхалъ въ деревню, гдѣ и пробылъ до октября мѣсяца. Но наблюдая движеніе въ пользу славянъ въ обѣихъ столицахъ и относясь къ нему безъ всякой страстности и увлеченій, онъ старался объяснить себѣ и другимъ настоящій смыслъ славянскаго движенія, противупоставить разгулявшемуся чувству разсудокъ.

Лѣтомъ, въ деревнѣ, откуда тщетно вызывали его для вербовки добровольцевъ, онъ трудился надъ брошюрою «восточный вопросъ», которую и привезъ съ собою въ августѣ въ Петербургъ.

Кстати замѣтимъ, что въ августѣ пріѣзжалъ онъ въ Петербургъ между прочимъ и затѣмъ, чтобъ уладить дѣло съ цензурою, задерживавшею первый томъ его «Землевладѣнія и земледѣлія». Дѣло уладилось такъ, что авторъ согласился вырѣзать изъ книги все, на что ему было указано и между прочимъ характеристику партій въ крестьянской реформѣ,

наканунѣ этой реформы. Характеристика эта въ недавно вышедшемъ въ свѣтъ второмъ изданіи «Землевладѣнія и земледѣлія» возстановлена вполнѣ и уже не подверглась остракизму.

Возвратившись въ октябрѣ въ Петербургъ, онъ нашелъ, что «роль Славянскаго комитета становилась съ каждымъ днемъ болѣе затруднительной; остановить или умѣрить увлеченія, которыя подстрекались со всѣхъ сторонъ, было уже поздно». И онъ писалъ: «смѣяться не кстати, когда нѣсколько тысячъ русскихъ людей гибнутъ вслѣдствіе увлеченія и легкомыслія всѣхъ, и когда, съ другой стороны, громадныя суммы, скопляемыя изъ грошовыхъ сборовъ, стекаются въ кассы Славянскаго комитета и Краснаго креста; отвѣтственность за нихъ, за несчастныя жертвы всей смуты и за денежныя суммы, жертвуемыя въ ихъ пользу, перевѣшиваетъ всѣ прочія побужденія; — надо по возможности скорѣе ликвидировать эту рискованную операцію и употребить остающійся фондъ на разсчетъ съ ранеными, больными и увѣчными, которые уже возвращаются цѣлыми партіями изъ Сербіи». — Рѣшившись приступить къ ликвидаціи, онъ встрѣтилъ въ этомъ съ разныхъ сторонъ нападки: съ одной стороны, въ средѣ комитета, гдѣ его упрекали «въ кунктаторствѣ», съ другой—со стороны властей; о послѣднихъ онъ писалъ: «пріѣхавъ, я имѣлъ случай слышать отъ одного министра такіе отзывы о славянскомъ движеніи и Славянскомъ комитетѣ, что долженъ былъ изъ этихъ словъ заключить, что общество, котораго я состою предсѣдателемъ, подлежитъ не только закрытію, но и формальному осужденію и что вся агитація происходившая лѣтомъ, признается администраціей чуть ли не бунтомъ».

Вскорѣ послѣ этого онъ писалъ: «рѣчь Государя въ Москвѣ успокоила меня; нельзя же преслѣдовать административнымъ порядкомъ въ Петербургѣ то самое дѣло, которое въ Москвѣ считается святымъ! Высшіе авторитеты смягчились относительно славянскихъ комитетовъ; предложенія объ ихъ закрытіи отклонены, или по крайней мѣрѣ отложены до болѣе удобнаго времени».

Приступая къ ликвидаціи, Александръ Илларіоновичъ прежде всего остановился на томъ, «чтобъ регулировать самыя отношенія Славянскаго комитета во внутреннемъ его управленіи».

Онъ настаивалъ на томъ, чтобы слить двѣ инстанціи—«исполнительное присутствіе» и «коммисію по сбору» въ одно цѣлое—въ исполнительное присутствіе, въ коемъ и предоставить голосъ только прежнимъ членамъ присутствія подъ предсѣдательствомъ его, Александра Илларіоновича. О коммисіи онъ писалъ: «она такъ разрослась, что въ ней считается до 31 члена, такъ что почти всѣ дѣятельные члены общества участвуютъ въ совѣщаніяхъ, кромѣ однако предсѣдателя». Это былъ первый активный шагъ Александра Илларіоновича въ комитетѣ. Второй, какъ самъ онъ писалъ, состоялъ въ томъ, «что я стараюсь прекратить всякое дальнѣйшее вмѣшательство комитета въ военныя дѣйствія и употребить всѣ усилія не къ отправкѣ, а къ возвращенію добровольцевъ». И этою главнею цѣлью, по настоянію Александра Илларіоновича, Славянскій комитетъ руководствовался во все время, «покуда послѣдній изъ несчастныхъ волонтеровъ не возвратился на родину, а за тѣмъ заботился по возможности о призрѣніи тѣхъ изъ нихъ, которые нуждались въ медицинскомъ и денежномъ пособіи».

Изъ приведенныхъ отрывковъ изъ писемъ Александра Илларіоновича, далеко нами не исчерпанныхъ, кажется становятся достаточно ясными и роль Александра Илларіоновича въ Славянскомъ комитетѣ и его взгляды на движеніе въ пользу славянъ. И едва ли можно отнести Александра Илларіоновича къ категоріи тѣхъ, которые предавались увлеченію и только желали одного—«скорѣйшаго взятія Константинополя», и тѣхъ, которые, сочувствуя движенію и «давая на славянъ калачъ, ожидали для себя, для своего отечества, рубль на водку». Онъ не принадлежалъ и къ категоріи тѣхъ увлекавшихся, которые думали однимъ походомъ, не болѣе «какъ военною прогулкою русскихъ войскъ», сразу и навсегда рѣшить восточный вопросъ. Конечно, не настало еще время для безпристрастной исторіи нашего недавняго «подъема духа», но будущіе историки, безъ сомнѣнія, остановятся на значеніи фактовъ «подъема» и признаютъ, что ему много способствовало состояніе нашей внутренней жизни.

Увлеченія продолжались правда не долго, но и въ короткій промежутокъ времени обнаружилось много такихъ фактовъ, на которые такъ недавно и характеристично указалъ одинъ изъ нашихъ далеко не скептическихъ публицистовъ; наблюдая

моментъ «подъема духа», онъ говорилъ: «на площадяхъ молебны, на устахъ патріотическія рѣчи, а сзади, въ темнотѣ, воровски протянутая рука за общественнымъ добромъ...» *).

Послѣ увлеченій настало разочарованіе, начались пререканія. По поводу этихъ пререканій, спустя годъ, Александръ Илларіоновичъ писалъ: «мы не будемъ осуждать заднимъ числомъ совершившихся фактовъ. Популярность всегда имѣетъ этотъ характеръ краткосрочнаго увлеченія, за коимъ слѣдуетъ крутая реакція, а злоба дня обыкновенно обращается на тѣ самые предметы и лица, которые были излюбленными предметами всеобщаго восторга. При всякой неудачѣ выступаютъ во всѣхъ обществахъ подонки такъ называемыхъ общественныхъ дѣятелей, которые, какъ гуща, сидящая на днѣ сосуда, вдругъ вскипаютъ благороднымъ негодованіемъ и видя во всякой ошибкѣ измѣну, во всякомъ безпорядкѣ — злоупотребленія, громя при этомъ людей, дѣйствовавшихъ въ минуту опасности».

Въ приведенномъ отрывкѣ нельзя не видѣть протеста Александра Илларіоновича противъ нападокъ на то, что въ Славянскомъ комитетѣ, гдѣ онъ предсѣдательствовалъ въ моментъ увлеченій, дѣла велись не совѣмъ безукоризненно.—Какъ тамъ велись дѣла—остается невыясненнымъ и до сихъ поръ, хотя казалось бы эти дѣла должны были быть хорошо извѣстными Александру Илларіоновичу; но послѣ того, что мы видѣли изъ его писемъ, не трудно придти къ тому заключенію, что «неожиданно» приглашенный предсѣдательствовать Александръ Илларіоновичъ многаго въ дѣлахъ, въ самое бойкое время, не только не зналъ, да и не могъ знать. Наше мнѣніе о прозрачномъ оправданіи, заключающемся въ приведенномъ отрывкѣ изъ письма, таково, что это оправданіе нейдетъ далѣе личности оправдывающагося. Честность Александра Илларіоновича конечно не можетъ быть заподозрѣна, но стремленіе автора письма покрыть собою и другихъ не можетъ не считаться слишкомъ гуманнымъ стремленіемъ. По этому не оправдательная нота въ отрывкѣ интересна, а тотъ спокойный тонъ, съ которымъ онъ относился къ крайностямъ въ раздававшихся осужденіяхъ, исходившихъ изъ среды самихъ же увлекавшихся и такъ быстро остывшихъ въ своемъ увлеченіи.

---

*) Евг. Марковъ.—Изъ кавказскихъ писемъ. Русская рѣчь. Ноябрь 1881.

Изъ разсмотрѣнныхъ нами писемъ Александра Илларіоновича, относящихся ко времени участія его въ Славянскомъ комитетѣ, его дѣятельности въ этомъ учрежденіи, въ концѣ концовъ не удовлетворявшей ни горячихъ членовъ этого учрежденія, ни лицъ спокойно относившихся къ движенію, — не трудно придти къ тому заключенію, что Александръ Илларіоновичъ безъ сомнѣнія сочувствовалъ только одной идеѣ русскаго участія къ судьбѣ славянъ, но былъ положительнымъ противникомъ проявленія этого сочувствія въ той формѣ, въ какой оно выражалось.— Принимая предложеніе предсѣдательствовать, онъ не расчиталъ, что ему придется остаться одинокимъ среди увлекавшихся, что и случилось. Не имѣя возможности направлять дѣла комитета такъ, какъ ему казалось лучше и правильнѣе, онъ, вмѣсто того, чтобъ «кунктаторствовать», долженъ былъ бы оставить комитетъ, гдѣ былъ сразу же поставленъ несамостоятельно; но онъ этого не сдѣлалъ; вмѣсто того, чтобъ совсѣмъ отстраниться, онъ только сторонился, это конечно «малодушіе», о которомъ онъ впослѣдствіи неоднократно высказывался съ грустью.

Въ разгаръ дѣятельности комитета по возвращенію добровольцевъ, намъ не разъ приходилось видѣть Князя и мы каждый разъ уходили отъ него подъ впечатлѣніемъ, что онъ былъ недоволенъ дѣломъ и нѣкоторыми лицами комитета, недоволенъ и своею ролью, которая оказалась не таковою, какою онъ ее себѣ ранѣе представлялъ.

Въ одно изъ такихъ свиданій онъ сдѣлалъ намъ даже слѣдующее предложеніе: «не возьмете ли вы на себя обязанности помощника секретаря и трудъ привести дѣла комитета въ порядокъ; тамъ, говорилъ Александръ Илларіоновичъ, въ канцеляріи ужасный ералашъ и трудно въ чемъ либо разобраться».—На это предложеніе мною былъ данъ условный отвѣтъ; я сказалъ, что надо сначала посмотрѣть на эти дѣла.

Въ одинъ изъ дней, согласно условію, я явился въ комитетъ и такъ какъ Князя тамъ еще не было, то, протолкавшись сквозь густую массу возвратившихся добровольцевъ, наполнявшихъ главную комнату и ожидавшихъ предсѣдателя съ просьбами о пособіи, обошелъ всѣ три комнаты канцеляріи, наблюдая за всѣмъ тѣмъ, что тамъ происходило. Созерцаніе кипы наваленныхъ на столахъ и полу бумагъ, большая безпорядочная груда всякаго рода паспортовъ, споры между

добровольцами и оборванными писцами, тщетно метавшимися отъ одной книги къ другой за справкою и незнавшими, гдѣ ее можно найти, энергичные протесты какихъ то капсюльныхъ мастеровыхъ, на ломаномъ русскомъ языкѣ требовавшихъ доплаты за ихъ прожитіе въ Сербіи и работу въ тамошнемъ арсеналѣ; наконецъ постоянное хлопанье дверями «кружечной коммисіи», куда то входили, то выходили обратно сборщицы и сборщики—созерцаніе всего этого производило на меня грустное и тяжелое впечатлѣніе; оно еще болѣе усилилось когда прибылъ Князь, и когда онъ съ секретаремъ вышелъ къ добровольцамъ... Нѣкоторыхъ изъ нихъ тутъ же на нашихъ глазахъ выводили, за то, какъ намъ объяснили потомъ, что они уже по нѣскольку разъ являлись «не въ своемъ видѣ» просить денегъ для возвращенія на родину. Этотъ визитъ нашъ въ комитетъ былъ первымъ и послѣднимъ. Я отказался отъ предложенія Князя упорядочить канцелярію и остался, да и теперь остаюсь при томъ убеждѣніи, что Александръ Илларіоновичъ, не смотря на свой тактъ и осторожность въ разнаго рода случаяхъ, по отношенію къ Славянскому комитету сдѣлалъ ошибку, принявъ на себя предсѣдательство. Онъ очевидно упустилъ изъ виду, что въ комитетѣ его могло ожидать, да и ожидало, то же самое, отъ чего онъ сторонился всю свою жизнь, это—канцелярія и чиновничество, плодящее бумагу и потомъ само въ ней не разбирающееся... Какъ бы тамъ не говорили о томъ, что добровольческое время было «поэтическое время», а фактъ на лицо, что мы не способны регулировать и точно вести даже то дѣло, которое самими же нами затѣяно. Рѣчи мы говорили, статьи мы писали, а дошло до дѣла, такъ и оказалось, что для веденія его мало одной «поэзіи», а необходима еще и «бухгалтерія», эта обязательная проза въ общественныхъ дѣлахъ...

Перейдемъ теперь къ передачѣ содержанія обширнаго разсужденія Александра Илларіоновича подъ названіемъ—«Восточный вопросъ», написаннаго лѣтомъ 1876 года и мало кому извѣстнаго. Оно представляетъ значительный интересъ во многихъ отношеніяхъ, начиная съ оригинальной точки зрѣнія на

вопросъ. Брошюру эту, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, онъ не желалъ печатать, а посылалъ ее въ рукописи разнымъ лицамъ, выдѣлявшимся въ славянскомъ движеніи. Въ виду такого интереса и незнакомства съ нею общества, мы подробно передаемъ содержаніе неизданной рукописи.

Исходя изъ того, что на «восточный вопросъ» существуютъ самые разнообразные, сбивчивые и даже взаимно исключающіе другъ друга взгляды, авторъ ставилъ себѣ задачею разсмотрѣть ту сторону вопроса, которая заключаетъ въ себѣ значеніе для Россіи. Констатируя тотъ фактъ, что Россія издавна принимала живое участіе въ судьбѣ турецкихъ славянъ и что она имѣетъ прямой интересъ въ судьбѣ Балканскаго полуострова, авторъ говоритъ, «въ чемъ заключаются эти интересы—этого никто въ Россіи не давалъ себѣ труда объяснить и опредѣлить». Далѣе авторъ ставитъ вопросы: «имѣемъ ли мы въ процессѣ распаденія Отоманской имперіи одни политическіе интересы или другіе всенародные, общественные, бытовые? Вызывается ли наше вмѣшательтво только желаніемъ расширить нашу необъятную территорію, возстановить славу нашего оружія и наше политическое могущество, поколебленные парижскимъ трактатомъ, или же оно мотивируется платоническими чувствами любви и состраданія къ угнетеннымъ братьямъ славянамъ? или же, наконецъ, основывается на сознаніи нашихъ собственныхъ коренныхъ нуждъ и пользъ, нашей безопасности, нашего благосостоянія, дальнѣйшаго развитія нашихъ общественныхъ и хозяйственныхъ силъ»? Поставивши эти вопросы, авторъ говоритъ, «что ни чисто политическіе виды, ни сантиментальное сочувствіе къ бѣдствіямъ другихъ народовъ, не могутъ оправдывать вмѣшательства однихъ державъ въ распри и смуты чужихъ странъ. Народы ничего не выигрываютъ отъ блеска побѣдъ, отъ расширенія предѣловъ своего отечества, отъ вліянія своихъ правительствъ и государей на страны другихъ народовъ, а также сомнительно, чтобы правители имѣли право жертвовать кровью и достояніемъ своихъ подданныхъ изъ одного чувства сострапанія къ бѣдствіямъ и угнетеніямъ другихъ народовъ».

Но прежде, чѣмъ опредѣлить наши дѣйствительные интересы въ восточномъ вопросѣ, авторъ разбираетъ тѣ мнѣнія, которыя служатъ для всѣхъ политическихъ дѣятелей ходячими

формулами для обсужденія вопроса. Онъ считаетъ первою и самою обыкновенною формулою—«категорическое заявленіе, что Турецкая имперія необходима для политическаго равновѣсія Европы». Авторъ протестуетъ противъ такой формулы и находитъ, что «Турція полезна и нужна для Европы, во первыхъ, какъ поприще для дѣйствія и службы многочисленныхъ государственныхъ дѣятелей, во вторыхъ—какъ аппаратъ, отводящій отъ правительствъ молніи и громы внутреннихъ смутъ; она полезна для равновѣсія правительственныхъ классовъ и политическихъ партій, какъ шестъ для акробата, пляшущаго на канатѣ, какъ война для генераловъ и офицеровъ, жаждущихъ повышенія, какъ спорный и запутанный процессъ, выгодный для адвокатовъ»!

Второе и болѣе широкое, говоритъ авторъ, значеніе восточнаго вопроса формулируется такъ: «Турція сама по себѣ неживучее тѣло и часъ ея смерти приближается, можетъ быть и наступилъ уже, но при настоящемъ положеніи вещей некѣмъ и нечѣмъ замѣнить ее; что паденіе Отоманской имперіи можетъ породить такія смуты и распри между племенами, населяющими Балканскій полуостровъ, что удаленіе кризиса желательно для спокойствія Европы и въ интересахъ самихъ христіанскихъ племенъ, недостаточно подготовленныхъ къ самостоятельной политической жизни». Не смотря на кажущуюся гуманность и благоразумность такой аргументаціи, авторъ однако не убѣждается въ ней и не можетъ согласиться съ мнѣніемъ, что прежде чѣмъ дать славянамъ полную независимость, надо ихъ просвѣтить. Признавая, что между славянами и другими племенами, подвластными Турціи и Австріи, «имѣется много сѣмянъ раздоровъ и традицій», авторъ указываетъ на то, что этими качествами богаты и Италія и Германія и Англія. Но если всѣ международныя вражды, поддерживаемыя властолюбіемъ правителей въ явный ущербъ самихъ народовъ, не помѣшали объединенію Италіи, Германіи и Англіи, то почему же, спрашиваетъ авторъ, предполагается, «что племена, связанныя между собою общею національностью и единовѣріемъ, не могутъ примириться и создать плотный государственный союзъ!» Не признавая искренности въ увѣреніяхъ, что Европа прежде воспитаетъ славянъ, а потомъ дастъ имъ независимость, какою пользуются уже Греція и Ру-

мынія, авторъ говоритъ, что въ его глазахъ «эмансипація этихъ обѣихъ областей произведена была подъ вліяніемъ чужестранныхъ европейскихъ понятій и интересовъ, которые оказались для нихъ непригодными и породили то безобразное смѣшеніе культуры и варварства, задерживающее развитіе этихъ странъ; нѣмецкія династіи католическаго и протестантскаго вѣроисповѣданій были поставлены во главѣ народовъ, отложившихся отъ Турціи для спасенія своей національности». Эти примѣры, по мнѣнію автора, доказываютъ, что «Европа слишкомъ поспѣшила привить свою культуру возрождающимся націямъ и, перенеся на грубую почву свои династическіе и политическіе интересы, не умѣла или не хотѣла охранить коренные интересы, во имя которыхъ славянскія племена взялись за оружіе».

Авторъ находилъ оба приведенные взгляда на восточный вопросъ неудовлетворительными и не вѣрилъ, «чтобы серьезные люди: публицисты, дипломаты, министры, пускающіе ихъ въ ходъ для занятія публики и округленія своихъ рѣчей и статей, сами имъ вѣрили». Поэтому онъ и находилъ необходимымъ перейти «къ другому разряду аргументовъ, представляющихъ восточный вопросъ въ болѣе дѣйствительномъ его видѣ».

Аргументы эти, по мнѣнію автора, заключаются въ слѣдующемъ: «турецкое владычество, говорятъ, имѣетъ для Европы, если не положительную, то несомнѣнную отрицательную пользу; мусульманскій элементъ одинаково враждебенъ и чуждъ всѣмъ христіанскимъ народамъ и поэтому самому представляетъ для всѣхъ европейскихъ державъ одинаково нейтральную почву. Если же предположить, что на мѣсто Оттоманской Порты образуются славянскія государства, то отношенія ихъ къ другимъ державамъ будутъ неравныя по естественному тяготѣнію народности и религіи. Россія получитъ на нихъ болѣе вліянія, чѣмъ иновѣрческія и иноплеменныя государства». Авторъ находитъ, что «съ этого аргумента начинаются, можно сказать, прямыя чистосердечныя объясненія восточнаго вопроса. Не поддержанія безобразнаго турецкаго ига желаетъ Европа, не независимости турецкихъ славянъ опасается она, а все стремленіе ея состоитъ въ томъ, чтобы парализовать вліяніе Россіи и отклонить замыслы ея на Константинополь и Балканскій полуостровъ». И эти «за-

мыслы» понимаются или представляются, говоритъ авторъ, различно, «смотря потому, въ какую сторону дуетъ вѣтеръ». Указывая на примѣры, какъ въ разное время дипломаты европейскихъ государствъ пугали общество этими замыслами, авторъ придаетъ въ этомъ запугиваніи значеніе только признанію дипломатами того, что будто бы «русское правительство въ восточномъ вопросѣ увлекается народными симпатіями и подчиняется общественному мнѣнію противъ собственной воли, вопреки внушеніямъ своихъ дипломатовъ и сановниковъ, среди которыхъ есть питающіе глубокое отвращеніе къ «славянщинѣ». Авторъ находитъ, что это признаніе доказываетъ, «что съ нѣкоторыхъ поръ и наше общественное мнѣніе принимается (за границею) къ свѣдѣнію», хотя и полагаетъ, что относительно роли русскаго общественнаго мнѣнія въ восточномъ вопросѣ не существуетъ ясныхъ представленій не только за границею, но и въ самомъ русскомъ обществѣ. Въ силу такого своего мнѣнія, онъ и считаетъ необходимымъ поставить слѣдующіе вопросы и попытаться отвѣтить на нихъ при помощи историческихъ и иныхъ данныхъ: «1) имѣетъ-ли взаимное сочувствіе русскихъ и славянъ дѣйствительно такое значеніе, какое придаетъ ему большая часть европейскихъ публицистовъ? 2) преобладаетъ-ли дѣйствительно въ славянскихъ племенахъ, подвластныхъ Турціи и Австріи, чувство сродства съ великороссійскимъ народомъ, солидарности съ его интересами? 3) проявляется-ли и въ русскомъ обществѣ чувство взаимности, сознаніе общности интересовъ, стремленіе къ сліянію; вообще находятся ли въ отношеніяхъ этихъ племенъ признаки того единодушія, единомыслія, которое влечетъ народы къ единенію и создало въ наше время двѣ великія державы—Италію и Германію?»

По мнѣнію автора, на эти вопросы не только иностранцамъ, но и самимъ русскимъ—отвѣчать трудно. Обращаясь къ исторіи сближенія русскихъ съ славянами, онъ начинаетъ съ кружка славянофиловъ, «старавшихся пробудить въ русскомъ обществѣ чувство солидарности съ западными славянами» и находитъ, что проповѣдь ихъ не привилась и «славянскій вопросъ остался до настоящаго времени въ какомъ-то полумракѣ и русскій народъ не имѣетъ о немъ ни яснаго понятія, ни твердаго сознанія». Признавая же, что «во всѣхъ слояхъ русскаго общества существуетъ смутное, инстинктивное сознаніе, авторъ объ-

ясняетъ это тѣмъ, что «русскій народъ самъ прошелъ чрезъ суровую школу мусульманскаго ига и велъ вѣковую борьбу для сверженія этого ига»; въ силу такого опыта онъ «живѣе представляетъ себѣ тягость турецкаго гнета надъ славянами». Но кромѣ своихъ преданій давно минувшихъ лѣтъ, авторъ находитъ въ жизни нашего народа другія — «живыя черты, связывающія его историческій бытъ съ судьбой турецкихъ славянъ». Указывая на то, что «вся южная и юговосточная полоса Россіи захвачена шагъ за шагомъ у турокъ, татаръ, киргизовъ и другихъ азіятскихъ ордъ, что наше казачество возникло и образовалось изъ борьбы съ ними, что наши поселяне водворились на земляхъ турецкихъ и татарскихъ,— авторъ находитъ, что отсюда и получается то естественное сочувствіе русскаго народа къ славянамъ, когда до него доходятъ слухи о бѣдствіяхъ, терпимыхъ православными отъ турокъ. Онъ говоритъ: «и русскій мужикъ, и казакъ, ясно и живо представляютъ себѣ гоненіе невѣрныхъ и въ борьбѣ турецкихъ славянъ съ своимъ правительствомъ видятъ не возмущеніе, а, напротивъ, святое дѣло». Но авторъ признается, что «отъ этого чувства до полнаго сознанія солидарности Россіи съ славянами еще далеко, и что понятіе о настоящей связи восточнаго вопроса съ судьбой Россіи, о нашихъ собственныхъ интересахъ въ дѣлѣ освобожденія славянъ, было по сіе время, до настоящаго кризиса (1876 г.), совершенно смутно для большинства русскаго народа». Обращаясь къ отношеніямъ славянъ къ Россіи, авторъ также не видитъ въ нихъ «такого сантиментальнаго настроенія въ пользу Россіи, какое иногда рисуется въ воображеніи народолюбивыхъ писателей»; онъ находитъ, что чувства славянъ къ намъ проявляются различно и «идутъ въ обратной пропорціи къ степени благосостоянія разныхъ классовъ и къ самостоятельности группъ. Низшіе бѣднѣйшіе классы и слабыя малолюдныя племена болѣе привлекаются къ Россіи; первые потому, что видятъ у насъ аграрную и общественную организацію болѣе для нихъ пригодную чѣмъ въ Германіи, приволье, просторъ, обиліе земли; вторые потому, что сознаютъ свое безсиліе и возлагаютъ послѣднія свои надежды на помощь Россіи». Въ общемъ итогѣ, говоритъ онъ, «можно принять, что славяне привлекаются къ Россіи на столько, на сколько нуждаются въ ней, на сколько находятъ выгодъ въ переселеніи на наши земли,

въ воспитаніи дѣтей въ нашихъ школахъ, въ службѣ, въ занятіи разныхъ должностей, оплачиваемыхъ у насъ гораздо дороже, чѣмъ въ Германіи, и въ покровительствѣ Россіи для достиженія главной завѣтной своей цѣли—сверженія ига турокъ и противодѣйствія подавляющему ихъ германскому элементу».

Такимъ образомъ авторъ приходитъ къ тому заключенію, что между славянами и Россіей существуетъ связь, основанная на сознаніи своихъ не только религіозныхъ, но и личныхъ хозяйственныхъ и общественныхъ выгодъ, и по его мнѣнію— «этой связи совершенно достаточно для прочнаго союза Россіи съ славянскими племенами».—Далѣе авторъ, останавливаясь на уясненіи сознанія важности для обѣихъ сторонъ такого союза, говоритъ: «если русскій народъ убѣдится, что у него нѣтъ друзей и союзниковъ между народами латинской и германской расъ, что всѣ они одинаково предубѣждены противъ властолюбивыхъ замысловъ русскаго правительства и какихъ то дикихъ инстинктовъ русскаго народа, угрожающихъ западной цивилизаціи, что Турецкая имперія служитъ въ европейской политикѣ только орудіемъ для возбужденія разныхъ козней противъ Россіи, притономъ всѣхъ враждебныхъ намъ элементовъ: польскихъ выходцевъ, венгерскихъ эмигрантовъ, бѣглыхъ черкесовъ, и въ то же время—гнѣздомъ дипломатическихъ козней и заговоровъ;—если мы, русскіе, не только правительство, но и народъ, однажды признаемъ, что восточный вопросъ есть постоянная гроза, висящая надъ нами и уже въ четвертый разъ въ настоящемъ столѣтіи вызывающая насъ на кровавый бой— тогда сверженіе турецкаго владычества въ Европѣ становится для Россіи своимъ дѣломъ, собственнымъ интересомъ русскаго народа».— Говоря, что у Россіи нѣтъ другихъ союзниковъ, кромѣ славянъ и что «это наше одиночество мы не вполнѣ сознаемъ или не хотимъ признать», и что мы, опираясь на «естественный» союзъ съ славянами, должны желать, «чтобы территорія возвратилась всецѣло къ своимъ природнымъ жителямъ и законнымъ владѣльцамъ: славянскія земли—славянамъ, греческія провинціи—грекамъ».

Сознавая всю трудность исполненія такого желанія, авторъ старается выяснить—съ какой стороны намъ болѣе всего придется встрѣтить затрудненій, какія государства всего болѣе

будутъ мѣшать намъ въ желанномъ вводѣ во владѣніе славянъ ихъ родовыми землями; прежде всего авторъ останавливается на притязаніяхъ Германіи, такъ какъ «въ противность общему мнѣнію» онъ думаетъ, что «Германская Имперія имѣетъ непосредственные и очень важные интересы въ судьбѣ Балканскаго полуострова». Что касается Австріи, то она, по мнѣнію автора, «будетъ играть роль лишь передового отряда германской культуры», и хотя она и выступаетъ покровительницею славянъ и какъ бы союзникомъ Россіи, имѣя свои выгоды только въ сохраненіи statu quo въ Турціи, но «стремленія ея противоположны стремленіямъ славянъ и политикѣ Россіи». Наконецъ, Англія и Россія не могутъ желать присвоенія себѣ турецкой территоріи, «ибо оба эти государства уже и нынѣ затрудняются обширностью и разсѣянностью своихъ владѣній, имѣя для разселенія своихъ жителей необъятныя пространства пустыхъ земель». Притязанія Германіи авторъ объясняетъ тѣмъ, что «германское племя для дальнѣйшаго своего существованія и самостоятельнаго развитія нуждается болѣе всѣхъ другихъ европейскихъ народовъ въ пріобрѣтеніи новыхъ территорій», и въ силу этого «не только политическіе, но и общественные, хозяйственные его интересы влекутъ этотъ народъ на востокъ».—Авторъ говоритъ, что изрѣченіе «Drang nach Osten» не пустая фраза и, указывая на мѣста первыхъ поселеній германцевъ и ихъ дальнѣйшаго разселенія, находитъ, что этотъ народъ тянетъ на востокъ; что онъ издавна признаетъ славянскія земли своимъ достояніемъ: «вся германская аристократія въ Богеміи, Силезіи, Саксоніи и Помераніи выстроилась на земляхъ, захваченныхъ у славянъ; всѣ окольныя страны: Остзейскій край, Литва, Польша служили и служатъ до сихъ поръ колоніальными территоріями, гдѣ водворяются нѣмецкіе гутсбезитцеры и германская культура. Избытокъ населенія и капиталовъ вытѣсняютъ изъ Германіи среднія сословія и они двигаются на востокъ, въ славянскія земли, и что Германія въ восточномъ вопросѣ имѣетъ важные интересы въ открытіи себѣ свободнаго торговаго пути по Дунаю и Адріатическому морю и въ пріобрѣтеніи свободныхъ земель въ Турецкой имперіи».

Разсматривая такимъ образомъ, правда недостаточно объективно, приписываемые Россіи иностранными политиками «за-

мыслы», авторъ не признаетъ за ними правды, и находитъ, что замыселъ нашъ можетъ быть одинъ, это — «изгнаніе турокъ съ европейскаго континента и водвореніе на Балканскомъ полуостровѣ независимыхъ королевствъ и княжествъ съ федеративнымъ правленіемъ». Ставя это девизомъ нашей политики въ восточномъ вопросѣ, главнымъ принципомъ въ «притязаніяхъ», авторъ находитъ, что мы должны провозгласить этотъ принципъ «во всеуслышаніе и потребовать отъ другихъ державъ уваженія къ нему».

Но такъ какъ «изгнаніе турокъ» не можетъ быть сдѣлано иначе, какъ войной, то авторъ и останавливается на вопросѣ о средствахъ исполненія «замысла». Ставя вопросъ — есть ли у насъ союзники?—авторъ отвѣчаетъ, что «союзниковъ нѣтъ!» а потому Россіи придется изгонять турокъ безъ союзниковъ. Какіе же къ тому шансы? Во-первыхъ то, что Европа, «въ виду нашего усиленія въ финансовомъ, экономическомъ и военномъ отношеніяхъ, не устроитъ противъ насъ третьей коалиціи; во-вторыхъ, для насъ представляются еще и другія успокоительныя обстоятельства», усматриваемыя авторомъ въ томъ, что «Франція и Германія еще не порѣшили своихъ распрь, Италія еще не помирилась съ старымъ папизмомъ, Англія не вступится въ дѣла, не заручившись союзомъ континентальной державы». Относительно Австріи авторъ разсуждаетъ съ ироніей и не видитъ повода опасаться ея. Считая коалицію хотя и маловѣроятною, авторъ тѣмъ не менѣе дѣлаетъ учетъ нашихъ силъ; онъ ставитъ вопросъ: «на какія матеріальныя и нравственныя силы можемъ мы разсчитывать въ предположеніи, что будемъ одни отстаивать автономію турецкихъ славянъ?» Въ разсужденіяхъ на поставленный вопросъ, авторъ находитъ всю суть «славянскаго вопроса, но не въ отвлеченномъ, гуманномъ значеніи, а въ практическомъ».

Въ отношеніяхъ Россіи къ славянамъ въ прошломъ онъ находилъ, что наша политика была непослѣдовательна и русское общество мало было знакомо «съ желаніями и стремленіями славянъ». Первый шагъ къ знакомству былъ сдѣланъ группою славянофиловъ, но въ 60-хъ годахъ дѣятельность ихъ была парализована, такъ что «славянскій вопросъ, говоритъ авторъ, былъ задушенъ въ Россіи въ то самое время, когда онъ со-

зрѣвалъ». Полагая, что нынѣ взгляды измѣнились, авторъ признаетъ, что «прерванное дѣло надо начинать съизнова, надо изучать славянскій вопросъ по крайней мѣрѣ также, какъ мы изучаемъ классическую древнось». По личному мнѣнію автора, изученіе привело бы насъ къ убѣжденію, что въ славянскомъ дѣлѣ «религіозный, политическій и аграрный вопросы неразлучны». А разъ мы будемъ убѣждены въ значеніи аграрнаго вопроса, въ необходимости его рѣшить не такъ, какъ его рѣшила Германія, то мы должны защищать славянъ отъ обезземеленія. Авторъ говоритъ, чтъ «если переворотъ (т. е. водвореніе нѣмецкой культуры въ славянскихъ земляхъ) и будетъ признанъ благотворнымъ для человѣческаго прогресса въ объективномъ смыслѣ, то онъ положительно вреденъ ему въ субъективномъ», поэтому, «предоставляя другимъ народамъ преслѣдовать этотъ объектъ цивилизаціи, мы русскіе должны защищать субъектовъ». Но, предвидя возраженія, которыя могутъ быть сдѣланы автору, въ томъ, — можетъ ли Россія сдѣлать такой оригинальный и рѣшительный шагъ противъ «объекта» цивилизаціи, авторъ говоритъ, что мы русскіе «съ полною воспріимчивостью учились и продолжаемъ учиться всему, что выработала высокая европейская культура, но находимъ, что она съ нѣкоторыхъ поръ остановилась на какихъ-то вопіющихъ недоразумѣніяхъ: на ученіи о непогрѣшимости человѣка, на борьбѣ капитала съ трудомъ, на поддержкѣ рабовладѣльцевъ и, наконецъ, на цивилизаціи турокъ». Но чтобъ внести не только правду въ славянскія земли, но и поправку къ «объекту», мы должны «глубже и тверже изучать славянскій міръ». Говоря объ изученіи, авторъ замѣчаетъ: «славянофильскій дилеттантизмъ мало поможетъ славянамъ, какъ и летучіе отряды изъ русскихъ волонтеровъ».

Останавливаясь на движеніи (1876 г.) въ пользу славянъ, авторъ находитъ, «что многіе изъ соотечественниковъ увидѣли въ славянскомъ вопросѣ только движеніе и движеніе и обратились мгновенно изъ ярыхъ западниковъ въ славянофиловъ когда увидѣли броженіе народныхъ страстей». Объ этой части общества авторъ говоритъ, что «она также скоро остынетъ къ славянскому дѣлу, какъ быстро вскипѣла къ нему страстною любовью». Авторъ разсчитываетъ, что у насъ есть другая часть общества, болѣе «глубоко проникнутая интересами народности».

Къ этой-то части общества, безъ различія партій и сословій, и къ правительству, авторъ и считалъ нужнымъ обратиться, но не прежде, какъ «выяснивъ твердо тѣ начала, къ проведенію которыхъ призывается общество», а **начала** эти авторъ резюмировалъ такъ:

1) Упраздненіе Турецкой имперіи и изгнаніе турокъ въ Азію; 2) отдача территоріи имперіи славянамъ и грекамъ.

Разрѣшенію такихъ задачъ поможетъ, по мнѣнію автора, не дружелюбіе къ намъ Европы, а ея «**благоразуміе**». Но если бы и такъ выгодно относилась къ намъ Европа, не устраивала бы намъ коалиціи, то всетаки мы должны готовиться къ упорнымъ сопротивленіямъ съ ея стороны въ достиженіи нашихъ намѣреній. Дѣйствія русскаго общества хотя и «должны быть согласны съ видами правительства, но отъ него независимы».

Общественная дѣятельность должна прежде всего проникнуться сознаніемъ, что восточный вопросъ «долженъ будетъ пройти чрезъ слѣдующіе фазисы: 1) автономія славянскихъ племенъ, сначала Герцеговины и Босніи, потомъ и Болгаріи, подъ вассальствомъ Турціи и покровительствомъ европейскихъ державъ; 2) изгнаніе турокъ съ балканскаго полуострова и 3) возстановленіе независимыхъ славянскихъ княжествъ и усиленіе греческаго королевства». Такъ какъ на прохожденіе вопроса чрезъ эти фазисы понадобится много времени, то авторъ и говоритъ: «въ настоящее время (1876 г.) распространено у насъ мнѣніе, что роковой часъ для рѣшенія славянскаго вопроса пробилъ, но это мнѣніе мы не раздѣляемъ а, напротивъ, думаемъ, что дѣло только начинается». Русское общество должно, говоритъ авторъ, заняться изученіемъ быта славянскихъ племенъ, для чего необходимо устройство правильныхъ и регулярныхъ сношеній, такъ какъ «до сихъ поръ эти сношенія, то запрещаемыя, то поощряемыя, имѣли скорѣе видъ рекламъ или демонстрацій, чѣмъ серьезнаго обмѣна мыслей между народами, имѣющими столько общихъ взаимныхъ интересовъ. Оставляя даже въ сторонѣ политическія побужденія, надо желать, чтобъ разные ученые и общественные вопросы обсуждались общими силами разныхъ славянскихъ племенъ. «Не говоря вовсе о томъ, при какихъ условіяхъ возможно было бы свободное единеніе русскихъ съ славянами, авторъ даетъ про-

грамму дѣйствій общества, давно уже испытанную—отъ обмѣна изданіями до обученія славянъ въ русскихъ высшихъ школахъ, и предлагаетъ даже изученіе «въ русскихъ школахъ славянскихъ нарѣчій». Въ заключеніе своей программы «общеславянской культуры», авторъ слѣдующимъ образомъ выражаетъ свой взглядъ, проведенный имъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ: «эту культуру мы отличаемъ отъ западноевропейской въ томъ отношеніи, что она должна стремиться къ соглашенію и сліянію народностей и сословій, между тѣмъ какъ европейская цивилизація доселѣ порождала и развивала антагонизмъ сословій, вражду народовъ и противоборство государствъ, и эту то черту мы и признаемъ высшимъ значеніемъ того движенія, которое проявляется между славянами и прозвано было панславизмомъ. Оно означаетъ и должно означать не объединеніе политическое, не собираніе славянскихъ земель подъ скипетръ одной державы, не однообразіе формъ правленія, судопроизводства, законовъ церковныхъ и гражданскихъ; эти всѣ внѣшнія условія народнаго быта должны быть напротивъ различныя, соотвѣтствующія мѣстнымъ нравамъ и обычаямъ разныхъ племенъ. Мы думаемъ, что славянскій вопросъ разрѣшится федераціей княжествъ и королевствъ на основаніи самой широкой системы самоуправленій».

Въ поясненіе Хомяковскаго опредѣленія панславизма, «какъ единства въ братскомъ равенствѣ», авторъ говоритъ, что такое равенство мы должны видѣть въ соглашеніи «капитала съ трудомъ, владѣнія съ пользованіемъ». Выставляя такія идеальныя задачи, Александръ Илларіоновичъ находитъ, что къ свободному общественному служенію въ такомъ дѣлѣ не должно примѣшиваться «ни служилое сословіе, ни помѣстное дворянство», они не могутъ служить проводниками «объединенія народовъ», такъ какъ по своему соціальному и служебному положенію они должны иногда вступать въ столкновенія съ народомъ, производить взысканія, преслѣдовать и наказывать». Служеніе дѣлу принадлежитъ только свободной образованной и убѣжденной части общества. Какъ на типичный примѣръ не только безполезности, но и вредности участія администраціи въ дѣлѣ «единенія народностей», авторъ указываетъ на попытки обрусѣнія «нашихъ окраинъ». Объ этихъ попыткахъ онъ говоритъ: «намъ казалось, что перемѣщеніемъ дурныхъ русскихъ чиновниковъ и недоученыхъ сельскихъ учителей въ Литву и Польшу и замѣщеніемъ польскихъ

пановъ русскими землевладѣльцами нельзя провести въ эти края русскій элементъ. Онъ проявился въ худшихъ своихъ представителяхъ, въ лицѣ исправниковъ, становыхъ и всякихъ приказныхъ, изгнанныхъ изъ великороссійскихъ губерній, или крупныхъ землевладѣльцевъ не живущихъ въ своихъ имѣніяхъ, не занимающихся хозяйствомъ и передающихъ управленіе и арендованіе тѣмъ же шляхтичамъ и евреямъ, которые издавна эксплуатировали этототъ край».

Таково содержаніе разсужденія Александра Илларіоновича по восточному вопросу, переданное нами съ возможною подробностью; разсужденіе это оригинально въ томъ отношеніи, что авторъ связываетъ освобожденіе славянъ съ рѣшеніемъ аграрнаго вопроса, въ чемъ авторъ и видитъ дальнѣйшее развитіе славянскихъ племенъ, ихъ будущность, чуждую будто бы борьбы между капиталомъ и трудомъ. Что касается сужденій автора о задачахъ и дѣятельности общества въ славянскомъ дѣлѣ, о направленіи нашей политики и вѣроятныхъ политическихъ комбинаціяхъ въ восточномъ вопросѣ, то въ этомъ отношеніи авторъ стоялъ болѣе на почвѣ желаній, чѣмъ серьезныхъ взглядовъ. Къ тому же онъ не обусловливалъ исполненія такихъ желаній никакими серьезными гарантіями, при которыхъ было бы мыслимо «свободное единеніе народовъ»... Наконецъ въ разсужденіяхъ автора не видно серьезной доказательности его главнаго положенія—что борьба славянъ есть главнымъ образомъ аграрная борьба, въ которой будто бы политическія цѣли, идеалъ свободы не имѣютъ мѣста; не видно въ разсужденіяхъ и близкаго знакомства автора съ настоящимъ положеніемъ славянъ, съ ихъ взглядами на разрѣшеніе аграрнаго вопроса въ томъ смыслѣ, какъ думаетъ авторъ, на сколько славяне носятъ въ себѣ отрицательное отношеніе къ европейской цивилизаціи и симпатичное къ общеславянской культурѣ? На всѣ подобные вопросы авторъ категорически отвѣчаетъ въ пользу своихъ выводовъ, основанныхъ на имъ же самимъ выставленныхъ положеніяхъ. Съ этой стороны разсужденія не преставляются вполнѣ доказанными; но любопытно то, что авторъ достиженію всеславянскихъ цѣлей, при русскомъ содѣйствіи, предпосылаетъ обязательность изученія русскими славянъ и установленіе между племенами научныхъ и иныхъ сношеній, и не считаетъ меча единственнымъ рѣшителемъ вопроса. Это то убѣжденіе Александра Илларіоновича и

объясняетъ характеръ его дѣятельности въ Славянскомъ комитетѣ по отношенію къ «движенію», его кунктаторство, въ которомъ неоднократно и настойчиво упрекалъ князя И. С. Аксаковъ.

Разсужденіе по восточному вопросу, какъ замѣчено выше, написано лѣтомъ 1876 г. и Александръ Илларіоновичъ не думалъ печатать его. Оно конечно представляетъ не болѣе какъ черновой набросокъ взглядовъ автора, которые при окончательной редакціи рукописи навѣрное были бы болѣе тщательно взвѣшены и болѣе освѣщены.—Намъ кажется, что къ разсужденію необходимо относиться снисходительно, какъ къ черновымъ наброскамъ неболѣе.—Ликвидировавъ добровольческія дѣла, князь оставался въ Славянскомъ комитетѣ до половины 1878 г., когда и вышелъ оттуда, отчасти потому, какъ свидѣтельствуютъ нѣкоторыя его письма, что не находилъ возможности при возбужденномъ состояніи общества спокойно вести дѣло, а во вторыхъ подъ вліяніемъ усилившихся порицаній дѣятелей комитета въ неправильномъ расходованіи пожертвованій. Кромѣ того и въ средѣ самого комитета большинство членовъ было недовольно Александромъ Илларіоновичемъ и разъ ему даже прямо и откровенно было заявлено, что его, князя, потому пригласили предсѣдательствовать, что разсчитывали на его щедрыя пожертвованія. Это откровенное замѣчаніе было сдѣлано Александру Илларіоновичу г. Золотаревымъ, бывшимъ помощникомъ предсѣдателя отдѣла. Конечно было бы желательно болѣе подробно выяснить «малодушный» поступокъ ухода Александра Илларіоновича изъ комитета, но мы къ сожалѣнію не имѣемъ для этого достовѣрныхъ матеріаловъ; къ слышаннымъ нами разсказамъ мы считаемъ нужнымъ отнестись съ осторожностью и поэтому не пользуемся многими повѣствованіями для хактеристи «малодушія» Александра Илларіоновича.

Въ зиму 1876—77 гг. дѣла на востокѣ принимали все болѣе и болѣе грозный характеръ, а къ веснѣ 1877 года оказалось, что наша дипломатія истощила уже всѣ средства къ тому, чтобы уладить дѣло безъ вооруженнаго вмѣшательства Россіи.

Александръ Илларіоновичъ, близко стоявшій къ высшимъ сферамъ, могъ наблюдать за тѣмъ, какъ въ этихъ сферахъ относились къ событіямъ. Результатъ личныхъ наблюденій съ своею характеристикою онъ далъ въ статьѣ—«Наши пессимисты» *), обратившей на себя вниманіе и интересной въ томъ отношеніи, что общество, не посвященное въ тайны великосвѣтскаго міра, могло составить себѣ нѣкоторое понятіе о настроеніяхъ, въ немъ господствовавшихъ. Въ названной статьѣ Александръ Илларіоновичъ говорилъ о тѣхъ пессимистахъ, которые сдѣлались таковыми только потому, что новые порядки отняли у нихъ много привилегій и интересовъ, которыми они пользовались. «Между ними были, писалъ Александръ Илларіоновичъ, и лица съ большимъ вѣсомъ и громаднымъ состояніемъ, занимавшіе въ послѣднее время (предъ крестьянскою реформою) высшія мѣста гражданскаго, придворнаго и дипломатическаго вѣдомствъ. Одни изъ нихъ удалились отъ дѣла по досадѣ оскорбленнаго самолюбія, видя, что ихъ предостереженія не останавливаютъ преобразовательнаго стремленія, другіе — по чувству прямой враждебности къ новымъ порядкамъ мироваго и судебнаго управленія; всѣ они покидали свое отечество съ убѣжденіемъ, что если направленіе это не измѣнится, то бунты крестьянъ, мятежи студентовъ и раззореніе помѣщиковъ въ скоромъ времени доведутъ Россію до полнѣйшаго безсилія, до матеріальнаго и нравственнаго растлѣнія. Эти то свои мнѣнія, вздохи и плачъ они выносили съ собой въ чужія страны и такъ какъ главнымъ притономъ русскихъ туристовъ и эмигрантовъ была всегда Франція, такъ какъ въ Парижѣ, Ниццѣ, По образовались въ то время цѣлыя колоніи русскихъ, то естественно, что отголоски такихъ отзывовъ доходили до французовъ, проникали и въ парижскіе клубы и въ политическіе салоны и даже въ правительственныя сферы бонапартистовъ, гдѣ многія русскія фамиліи принимались, какъ доомашніе и родственники». Болтовня этихъ пессимистовъ, по мнѣнію Александра Илларіоновича, имѣла своимъ послѣдствіемъ то, что нѣкоторыя европейскія правительства, увѣренныя въ безсиліи Россіи, осмѣлились послать ей ноты по поводу польскаго возстанія 1863 года. Это вмѣшательство было, однако, остановлено на первомъ шагу твердымъ словомъ канцлера, князя Горчакова.

*) «Сѣверный Вѣстникъ» 1877 г.

Но внутренній пессимизмъ этимъ не унялся. Напротивъ, все росъ и росъ въ великосвѣтскомъ нашемъ обществѣ, проникнутомъ насквозь тѣмъ мнѣніемъ, что «на пути реформъ мы зашли слишкомъ далеко, идемъ слишкомъ быстро и что, будто бы отъ этого, отъ быстроты движенія, закружились головы, замутились чувства религіозности, нравственности, любви къ отечеству, преданности къ государю». «Можно сказать, писалъ Александръ Илларіоновичъ, что въ извѣстныхъ сферахъ и, къ сожалѣнію, въ тѣхъ, гдѣ имѣютъ наиболѣе доступъ иностранцы, туристы, дипломаты, военные агенты, иностранные принцы и ихъ многолюдныя свиты, рѣдко гдѣ можно было услышать похвальное, здоровое слово о нашемъ экономическомъ и общественномъ положеніи; все представлялось на изнанку и изъ пребыванія своего въ Петербургѣ наши гости должны были неминуемо выносить впечатлѣніе, что при такомъ общемъ разстройствѣ страны и народа всякая политическая иниціатива немыслима».

Такія то мысли, по мнѣнію Александра Илларіоновича, постоянно, въ продолженіи 20 лѣтъ, черпала Европа изъ нашего великосвѣтскаго общества. Когда началось послѣднее возстаніе славянъ и поднялся восточный вопросъ, вся Европа понимала, что Турцію можно только принужденіемъ заставить сдѣлать то, что испрашивалось славянами и что требовалось европейскими правительствами. Александръ Илларіоновичъ писалъ, что весь вопросъ съ самаго начала сводился къ тому: рѣшится ли Россія поддержать силою оружія заявленныя ею и поддержанныя съ большею или меньшею искренностью другими кабинетами домогательства и требованія? «Тогда нашимъ пессимистамъ, говорилось въ статьѣ Александра Илларіоновича, открылось широкое поприще. Они доказывали и, къ сожалѣнію, убѣдили нѣкоторыя правительства, что ни въ какомъ случаѣ мы не хотимъ, и если бы хотѣли, то не можемъ обнажить меча по неимѣнію у насъ ни денегъ, ни арміи. Дипломаты иностранные принимали пессимистовъ за органы общественнаго мнѣнія и правительственныхъ воззрѣній и отписывали своимъ дворамъ: — «что, молъ, Россіи не опасайтесь: за исключеніемъ нѣсколькихъ чувствительныхъ особъ женскаго пола и московскихъ славянофиловъ, никто и не думаетъ вести войну за братьевъ-славянъ; люди денежные сокрушаются о разстройствѣ финансовъ, упадкѣ фондовъ, пониженіи курсовъ; люди военные оплакиваютъ упадокъ дисциплины; высшіе сановники озабочены

нигилистическимъ настроеніемъ юношества и т. п.». Взвѣшивая значеніе болтовни пессимистовъ, Александръ Илларіоновичъ приходилъ къ слѣдующему заключенію: «въ данномъ случаѣ, въ настоящемъ кризисѣ, можно навѣрное сказать, что Англія не рѣшилась бы совѣтовать Турціи отклонить требованія русскаго правительства, если бы она не думала, что движеніе въ пользу славянъ—поверхностная и искуственная агитація, которая не можетъ быть поддержана ни русскимъ оружіемъ, ни русскими финансами по крайнему ихъ разстройству. Такимъ образомъ, наши миролюбивые пессимисты оказали Россіи медвѣжью услугу и вовлекли насъ въ войну, которая, вѣроятно, безъ нихъ была бы избѣгнута».

Статья о пессимистахъ вызвала со стороны одной воинствовавшей газеты упреки автору даже въ измѣнничествѣ, что и было отмѣчено въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1877 г. т. 3, стр. 255). Но выходки газеты «С.-Петербургскія Вѣдомости» г. Комарова не могли повліять на то впечатлѣніе, какое статья произвела на безпристрастную часть общества, которой Александръ Илларіоновичъ оказалъ разоблаченіемъ дѣятельности «пессимистовъ» большую услугу. И въ этомъ случаѣ Александръ Илларіоновичъ не высказалъ ничего новаго послѣ того, что было имъ сказано еще въ 1868 году въ брошюрѣ «Администраторъ новѣйшей школы», о которой мы выше упоминали. Въ брошюрѣ говорилось о тѣхъ же «пессимистахъ», разсматривалось значеніе ихъ пропаганды по отношенію къ внутреннимъ дѣламъ, послѣдствія клеветы, дискредитировавшей основныя начала реформъ. Въ заключеніи своей статьи о пессимистахъ, Александръ Илларіоновичъ обращался къ благоразумію болтающихъ и клевещущихъ, взывалъ къ нравственному долгу и совѣтовалъ, въ виду вреда, какой они наносятъ Россіи, не давать воли своему языку.

Такому совѣту не послѣдовали однако «пессимисты», продолжая оказывать свою «медвѣжью» услугу Россіи системою запугиванія и ложныхъ вѣстей внутри и внѣ своего отечества. Лагерь пессимистовъ даже усиливался и въ немъ были уже не одни туристы и люди не «у дѣлъ»; сторонники политики поворота назадъ замѣчались и въ числѣ лицъ, игравшихъ видную роль въ правительственныхъ сферахъ. Въ этомъ отношеніи представляютъ значительный интересъ два письма Александра Илларіоновича, относящіяся къ 1879 году. Въ одномъ изъ нихъ онъ вспоми-

наетъ свою встрѣчу въ 1868 г. съ Ю. Ф. Самаринымъ въ Берлинѣ; какъ они тогда волновались по поводу усиливавшагося реакціонернаго движенія, типичнымъ выраженіемъ котораго была и записка г. Обухова. Вспоминая о томъ, какъ они съ Самаринымъ «общими силами» составили и напечатали разборъ этой записки, онъ писалъ: «наша брошюра имѣла мало успѣха и прошла въ то время незамѣченною; немногіе ее прочитали и находили тогда, что мы преувеличили значеніе записки г. Обухова, что она была ничто иное, какъ частное заявленіе второстепеннаго администратора, что записка не можетъ имѣть никакого вліянія на общій ходъ внутренней политики. Но теперь, по прошествіи болѣе 10 лѣтъ, это мнѣніе должно измѣниться и хотя сочиненіе г. Обухова не имѣетъ современнаго интереса, но нельзя не признать, что программа имъ предложенная въ 1868 г. примѣнялась до настоящаго времени и въ главныхъ своихъ чертахъ служила основаніемъ дѣйствій нашей администраціи, регуляторомъ отношеній ея къ земству». «Едва ли можно спорить, говорится далѣе въ письмѣ, противъ того, что мысли г. Обухова о «пассивномъ» сопротивленіи земству, его предложеніе слѣдовать принципу «неумолимаго отказа» нашли примѣненіе и сдѣлали много зла Россіи». Далѣе въ томъ же письмѣ, касаясь новаго направленія во внутренней политикѣ, тѣхъ «вѣяній», которыя успокоительно начали дѣйствовать на общество, Александръ Илларіоновичъ объяснялъ и причину, почему онъ припоминалъ Обуховскую записку и свой отвѣтъ на нее; онъ писалъ: «записка и брошюра имѣютъ конечно нынѣ только историческій интересъ, и если когда либо будутъ сведены счеты консервативной политики, которая, какъ извѣстно, привела насъ къ такимъ результатамъ, то документы эти могутъ многое разъяснить—вотъ почему я вспомнилъ объ нихъ»; «ужь не настало ли время, говорится въ концѣ письма, для иного направленія?...»

Послѣ «подъема» духа, послѣдовала война, оказавшаяся болѣе продолжительною, чѣмъ предполагалось, а вслѣдъ за войною наступило всѣми испытанное тяжелое положеніе; къ нелегкимъ послѣдствіямъ войны прибавлялись еще большія тя-

гости усиливавшейся реакціи, тянувшейся до начала 1880 г., когда къ высшему управленію призывались новыя лица. До этого времени положеніе печатнаго слова было невыносимо, чѣмъ и объясняется молчаніе Александра Иларіоновича, хотя онъ и продолжалъ по прежнему заниматься изслѣдованіями экономическихъ явленій въ народной жизни. Политика мира, благопріятныхъ «вѣяній» и болѣе мягкое отношеніе къ печати въ началѣ 1880 года вселили въ Александрѣ Илларіоновичѣ не мало надеждъ и онъ рѣшился выступить на служеніе общественнымъ интересамъ въ новомъ, болѣе широкомъ направленіи; онъ задумалъ предпринять изданіе газеты, для чего входилъ въ сношеніе со многими литературными силами. Газету предполагалось обставить въ литературномъ и матеріальномъ отношеніяхъ самымъ солиднымъ образомъ. Основныя цѣли предполагавшагося органа заключались въ томъ, чтобы способствовать разъясненію задачъ въ развитіи реформаторскаго направленія во внутренней жизни, въ выясненіи экономическихъ потребностей народа. Намъ неизвѣстны причины, почему задуманное Александромъ Илларіоновичемъ изданіе новой газеты не осуществилось.

Необходимо однако замѣтить, что намѣреніе издавать газету Александръ Илларіоновичъ имѣлъ и ранѣе, еще въ 1873 году, когда «С.-Петербургскія Вѣдомости», въ которыхъ онъ до того времени помѣщалъ свои статьи, переходили отъ прежняго редактора ихъ В. Θ. Корша въ новыя руки. За нѣсколько недѣль до этого перехода Александръ Илларіоновичъ въ письмѣ къ своему другу сообщалъ слѣдующее: «мое дѣло о газетѣ пущено въ ходъ, прошеніе подано, но разрѣшенія еще нѣтъ. Будетъ ли оно? это неизвѣстно и по моему сомнительно. Говоря о тѣхъ, отъ кого онъ тогда не ожидалъ сочувствія къ предполагавшейся газетѣ, онъ писалъ: «Mais nous avons plusieurs flèches»... и не такъ, такъ иначе, надѣемся услужить гг. Т. и К. новымъ органомъ, замѣняющимъ конфискованные ими въ свою пользу С.-Петербургскія Вѣдомости». Изъ этого отрывка видно, какой органъ тогда желалъ издавать Александръ Илларіоновичъ; очевидно не съ новымъ словомъ думалъ онъ выступить, а желалъ только спасти старый органъ отъ перехода его въ тѣ руки, къ какимъ перешла потомъ названная газета. Удовлетвореніе просьбы Александра Илларіоновича о разрѣшеніи издавать газету, помимо

«добраго совѣта» не «якшаться съ журнальной дрянью», обставлялось условіями въ родѣ обязательнаго непринятія въ сотрудники газеты бывшаго ея редактора и т. п. Но такъ какъ ни «добрыхъ совѣтовъ», ни «условій» Александръ Илларіоновичъ не принялъ, то дѣло и не устроилось. Кстати замѣтить, что сочувствіе Александра Илларіоновича къ печати было таково, что онъ нѣкоторымъ органамъ ея, въ критическую минуту, оказывалъ матерьяльную поддержку, какъ напр. «Сѣверному Вѣстнику», фактъ сообщенный намъ бывшимъ редакторомъ этой злополучной газеты.

Неудавшіяся попытки Александра Илларіоновича служить обществу печатнымъ словомъ характерны не только въ субъективномъ, біографическомъ, но и въ объективномъ, общественномъ, отношеніи; вотъ почему были бы интересны болѣе подробныя данныя о попыткахъ, чѣмъ тѣ, которыя мы могли сообщить. Но и одна несомнѣнность самаго факта попытокъ характеризуетъ ту симпатичную черту взглядовъ Александра Илларіоновича на средства, съ помощью которыхъ онъ считалъ необходимымъ служить общественному дѣлу. Онъ понималъ значеніе печатнаго слова, признавалъ всю важность появленія его въ то время, съ котораго начиналось обращеніе стереотипной фразы «шатаніе мысли», и въ силу своихъ убѣжденій готовъ былъ не только на личныя, но и на большія матеріальныя жертвы, на тѣ заботы и тревоги, какія неизбѣжно пришлось бы испытывать при веденіи ежедневнаго изданія. Упоминая о попыткахъ Александра Илларіоновича издавать газету и испытанныхъ имъ въ этомъ отношеніи неудачахъ, нельзя не остановиться еще и на слѣдующихъ біографическихъ чертахъ, находящихся въ связи съ неудавшимися попытками.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что въ основѣ попытокъ Александра Илларіоновича имѣть печатный органъ не было ничего кромѣ желанія высказываться съ своей точки зрѣнія по общественнымъ вопросамъ, желанія, обусловливаемаго свойствомъ его живой, дѣятельной натуры. Въ Александрѣ Илларіоновичѣ въ этомъ случаѣ была органическая потребность высказываться и при томъ *такъ и тамъ*, гдѣ это всего лучше и удобнѣе; книга, брошюра, случайная статья и еще болѣе случайная рѣчь не могли представлять собою тѣхъ удобствъ для живой публичной бесѣды, какая могла бы открыться для него въ ежедневномъ органѣ, создан-

номъ по его инициативѣ. Потребность высказываться оставалась не сполна удовлетворенною, вслѣдствіе чего его публицистическій талантъ долженъ былъ размѣниваться на мелочи, мало полезныя въ общественномъ отношеніи и лично неудовлетворявшія его.

За послѣднія 15 лѣтъ у Александра Илларіоновича накопилась значительная рукописная литература; въ рукописяхъ. какія намъ извѣстны, видна живая воспріимчивая натура. Онъ довольно регулярно велъ обширную переписку съ извѣстными иностранными писателями, занимавшимися изученіемъ Россіи; между прочимъ Мэкензи Уоллесъ не мало пользовался свѣдѣніями отъ Александра Илларіоновича. Своими разъясненіями и корреспонденціями съ иностранными изслѣдователями, помимо желанія чтобы въ иностранной литературѣ русская жизнь отражалась вѣрнѣе, Александръ Илларіоновичъ какъ бы старался восполнить лично для себя невозможность свободно высказываться дома по общественнымъ вопросамъ. Сношенія Александра Илларіоновича съ иностранными изслѣдователями Россіи могутъ найти объясненія въ помѣщенномъ «Вѣстникѣ Европы» разборѣ сочиненія Леруа-Болье о Россіи.—Французскій писатель благодарилъ многихъ русскихъ корреспондентовъ за ихъ содѣйствіе къ уясненію непонятныхъ для него фактовъ въ нашей жизни, и эта благодарность вызвала у рецензента вопросъ: «что привлекало къ французскому писателю этихъ многочисленныхъ корреспондентовъ?» На этотъ вопросъ, говоритъ рецензентъ, есть только одинъ отвѣтъ, а именно—приниженное положеніе русской печати у себя дома». Далѣе рецензентъ справедливо замѣчаетъ: что «когда явился иностранный писатель, который брался за объясненіе глубоко намъ близкихъ вопросовъ и который успѣлъ заявить въ своихъ трудахъ достаточную компетентность, то, по недоступности многихъ изъ этихъ предметовъ для домашней литературы, естественно являлось у многихъ желаніе выяснить то или другое, по крайней мѣрѣ, черезъ посредство чужой свободной литературы; и факты, мысли, критическія замѣчанія, свободно высказывались иностранному публицисту» *). Отсюда становится совершенно понятнымъ и существующее у насъ обиліе «мемуаровъ» и такой обширной переписки, какъ напр. «Lettres d'un Russe à un Americain», которую велъ Александръ Илларіоновичъ съ неизвѣстнымъ намъ заатлантическимъ писателемъ.

---

*) Вѣстникъ Европы 1881 г. Декабрь. стр. 918.

Хотя намѣреніе издавать газету (въ 1880 г.) и было оставлено, но болѣе благопріятное для общества направленіе въ нашей внутренней политикѣ и возвращавшійся послѣ войны интересъ въ обществѣ къ экономическимъ вопросамъ, наконецъ движеніе въ правительственныхъ сферахъ также въ сторону этихъ вопросовъ — все это живительно подѣйствовало на настроеніе Александра Илларіоновича и онъ началъ работать надъ новою брошюрою. Брошюра эта—«Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи», вышедшая въ свѣтъ въ началѣ 1881 года, составляетъ послѣднее произведеніе, напечатанное при жизни автора. Названная брошюра, состоящая изъ 13 главъ, не заключаетъ въ себѣ какихъ либо новыхъ взглядовъ на затронутые вопросы и является только сжатымъ конспектомъ сочиненія «Землевладѣніе и земледѣліе».—Указывая на необходимость и неотложность тщательнаго изслѣдованія народнаго хозяйства и предлагая организовать особое хозяйственное управленіе, авторъ останавливался на значеніи настоящаго экономическаго кризиса.—Въ этомъ отношеніи имъ сдѣлано не мало безпристрастныхъ замѣчаній, если припомнить и сравнить съ этими взглядами заявленія, высказывавшіяся въ это же время по поводу кризиса и его причинъ. Такъ, представители крупнаго землевладѣнія южныхъ губерній упорно добивались помощи отъ казны для улучшенія своихъ хозяйствъ; были случаи и такихъ заявленій, чтобы правительство вмѣшалось въ поземельный кредитъ и устроило его для землевладѣльцевъ на болѣе льготныхъ условіяхъ.—Въ это же время начали высказываться и опасенія на счетъ будущности нашей хлѣбной торговли, которой начала угрожать американская конкуренція. — Предстояло расплачиваться за послѣдствія войны; общество и правительство понимали, что главный источникъ народнаго хозяйства—земледѣліе, что уясненіе положенія этой отрасли промышленности покажетъ, выручитъ ли насъ земледѣліе изъ экономическаго кризиса? Александръ Илларіоновичъ справедливо находилъ, что кризисъ подготовлялся давно и говорилъ: «главный характеръ сельскаго хозяйства въ Россіи въ прежнее время состоялъ въ томъ, что земледѣльцы и землевладѣльцы безсознательно растрачивали самый капиталъ имѣній, истощали производительныя силы природы и хищнической культурой поддерживали свои хозяйства. Доходность земель уменьшается потому, что прежнія культуры истощили

почву, истребили лѣса, потому, что земли устали, просятъ отдыха, такъ какъ верхній слой ихъ безпрерывно переворачиваемый на одну и ту же глубину и засѣваемый одними и тѣми же хлѣбами, наконецъ отказывается производить такія массы продуктовъ, какія извлекались изъ него въ теченіи столѣтій» *). Указывая на то, что подобный кризисъ былъ и въ Европѣ, когда совершался переходъ отъ экстенсивной къ интенсивной культурѣ, и говоря, что въ Европѣ такой кризисъ прошелъ нелегко и дорого обошелся народнымъ массамъ, — авторъ ставилъ вопросъ: «многіе ли изъ сельскихъ хозяевъ переживутъ этотъ переходный періодъ? и можно ли предположить, чтобы большинство крестьянъ собственниковъ и мелкихъ землевладѣльцевъ выдержали кризисъ безъ руководства и содѣйствія образованныхъ классовъ, безъ матеріальной помощи общества, земства и правительства?» **). На эти вопросы Александръ Илларіоновичъ отвѣчалъ отрицательно и вновь предлагалъ принять серьезныя мѣры къ улучшенію народнаго быта и труда устройствомъ переселеній, открытіемъ кредита и лучшей организаціей народнаго продовольствія, т. е. мѣръ, предложенныхъ имъ еще въ 1876 г. и вскорѣ послѣ того признававшихся опасными, чуть не «соціалистическими», не въ научномъ конечно смыслѣ. Въ разсужденіяхъ автора о признакахъ разстройства въ сельскомъ быту и въ предложеніяхъ его изслѣдовать крестьянскія хозяйства по подворнымъ описямъ, заключается не мало практическихъ указаній, интересныхъ въ томъ отношеніи, что онъ противуполагаетъ общимъ статистическимъ даннымъ, огульнымъ итогамъ, индивидуальныя (для каждаго крестьянскаго двора) данныя, которыя скорѣе помогутъ усчитать народное благосостояніе, — подвести истинный балансъ народному богатству. Важны и указанія его на то, гдѣ оканчивается дѣйствіе «самопомощи» и гдѣ необходима «помощь».

Въ общемъ, брошюра Александра Илларіоновича носитъ на себѣ отпечатокъ времени, когда она писалась и была выпущена въ свѣтъ. Время было таково, что только и можно было повторять зады, скромно заявлять о значеніи тѣхъ вопросовъ, о которыхъ уже говорилось и которые оказались въ опалѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ брошюра страдаетъ монотонностью, объясняемою однако

*) «Сельск. бытъ и сельск. хоз.», стр. 139 и 141.
**) «Сельск. бытъ и есльск. хоз.», стр. 151.

не однимъ только скучнымъ процессомъ повторенія стараго, но и упадкомъ силъ въ авторѣ. Брошюра писалась съ невольными отъ болѣзни перерывами, а при такихъ условіяхъ трудно и ожидать, чтобъ работа удалась вполнѣ. Намъ не разъ приходилось видѣть автора въ то время, когда онъ писалъ и частями печаталъ свою брошюру; казалось, что онъ близокъ къ смерти. Жалуясь на изнурительную лихорадку, онъ часто повторялъ какъ бы затверженную фразу: «слабъ я и не могу справиться, не могу ни за чѣмъ слѣдить,—видно пора умирать». Вскорѣ послѣ выхода брошюры въ свѣтъ, намъ пришлось вновь видѣться съ авторомъ, на время оправившимся. Упоминая объ одномъ изъ газетныхъ отзывовъ о его брошюрѣ, онъ говорилъ: «а мнѣ прочитали мораль; мнѣ замѣтили, что я все еще не вполнѣ усвоилъ себѣ классическую фразу—дайте хорошую политику, будутъ хорошіе финансы». Это замѣчаніе было сдѣлано по поводу слѣдующаго мѣста въ брошюрѣ, гдѣ Александръ Илларіоновичъ писалъ: «какъ бы ни были высоки цѣли, надо прежде подумать о средствахъ и укротить порывы къ гражданскому устройству, пока не обезпечено и не упрочено народное благосостояніе». Мы не будемъ передавать здѣсь содержанія происходившаго между нами и авторомъ разговора; замѣтимъ только, что изъ этого разговора мы узнали о намѣреніи автора, «если обстоятельства общія и личныя поблагопріятствуютъ этому», написать разсужденіе о «политикѣ». Насколько намъ извѣстно, онъ отчасти и успѣлъ сдѣлать кое что въ этомъ отношеніи.

Съ лѣта 1880 г. Князь занимался пересмотромъ и приготовленіемъ къ печатанію вторымъ изданіемъ своего сочиненія о «Землевладѣніи и земледѣліи». При болѣзненномъ состояніи дѣло двигалось медленно, хотя къ марту первый томъ и былъ оконченъ печатаніемъ. Ужасное событіе 1-го марта, вызвавшее во всемъ русскомъ обществѣ сильное возбужденіе, отразившееся на общемъ теченіи жизни, парализовало всякую дѣятельность, въ томъ числѣ и дѣятельность Александра Илларіоновича. Онъ медленно печаталъ второй томъ и закончилъ печатаніе лишь въ концѣ апрѣля 1881 г.

Въ концѣ марта состоялось экстренное засѣданіе Славянскаго общества въ С.-Петербургѣ, на которомъ присутствовалъ и Александръ Илларіоновичъ, не досидѣвшій однако до конца засѣданія, изобиловавшаго рѣчами, въ которыхъ проводилась ораторами одна мысль—о возвращеніи русской жизни къ до-петровскимъ временамъ. По поводу этого засѣданія мы можемъ сообщить слѣдующія слова Александра Илларіоновича, сказанныя имъ на другой день засѣданія; на вопросъ — «отчего вы, князь, не дослушали всѣхъ рѣчей?» — онъ отвѣчалъ: «мнѣ нездоровилось, а когда я неожиданно узналъ, что въ числѣ ораторовъ будетъ и виночерпій (г. Кокоревъ), то я совсѣмъ заболѣлъ». Вообще мы нашли въ тотъ день Александра Илларіоновича въ грустномъ настроеніи, и разговоръ о рѣчахъ окончился замѣчаніемъ его, что «такія рѣчи къ добру едва ли могутъ привести»... Я уходилъ отъ Александра Илларіоновича въ то время, когда ему докладывали о приходѣ И. С. Аксакова.

Въ концѣ апрѣля Александръ Илларіоновичъ уѣхалъ въ деревню на отдыхъ и намѣревался съ возстановленіемъ силъ написать предисловіе ко второму изданію, которое онъ отложилъ выпускомъ въ свѣтъ до осени.

Физическое и нравственное состояніе Александра Илларіоновича однако было неудовлетворительно и вотъ что говорилъ онъ о себѣ въ письмѣ отъ 23 мая къ редактору «Русской Рѣчи», очевидно просившему статей: «я поселился въ деревнѣ для отдыха и долженъ избѣгать всякихъ занятій. При томъ же и время для литературныхъ трудовъ неудобно; тому 10—15 лѣтъ я началъ писать о разныхъ соціальныхъ и экономическихъ вопросахъ, когда еще можно было надѣяться предупредить замѣшательства и когда вопросы эти обсуждались хладнокровно, безпристрастно. Теперь ужь поздно писать,—надо дѣлать и прежде всего успокоить общество, смущенное злодѣйствами» *). Въ концѣ письма Александръ Илларіоновичъ отказывался отъ участія въ публицистикѣ.

Въ іюнѣ Александръ Илларіоновичъ былъ приглашенъ правительствомъ въ качествѣ «свѣдущаго» человѣка въ коммисію для сужденія по вопросу о пониженіи выкупныхъ платежей. Не соглашаясь съ большинствомъ членовъ коммисіи, Александръ

*) «Русская Рѣчь» 1881, ноябрь, см. въ приложеніи.

Илларіоновичъ остался при особомъ мнѣніи и, не дожидаясь окончанія совѣщанія, уѣхалъ въ деревню. Сущность этого мнѣнія заключается въ слѣдующемъ. Не находя причинъ измѣнять коренныя начала выработаннаго финансовою коммисіею проекта, предлагавшаго пониженіе выкупныхъ платежей соразмѣрно дѣйствительной доходности земель, Александръ Илларіоновичъ предлагалъ: 1) въ нечерноземныхъ губерніяхъ сдѣлать % пониженія выкупныхъ платежей по плану финансовой коммисіи, но при условіяхъ болѣе правильнаго распредѣленія ассигнованныхъ 9 милл. руб.; 2) для черноземной же полосы пониженіе сдѣлать по числу душевыхъ надѣловъ, примѣрно по 1 рублю съ души, а всего около 3½ милл. руб.; 3) опредѣленіе пониженія внутри губерній по уѣздамъ и внутри уѣздовъ по сельскимъ обществамъ предоставить усмотрѣнію мѣстныхъ учрежденій, и 4) заявить правительству, что улучшеніе крестьянскаго хозяйства и облегченіе ихъ тяжестей, въ особенности въ черноземной полосѣ, наиболѣе зависитъ отъ податной реформы, малоземелья, стѣснительности круговой поруки, паспортной системы и высокой платы за сдаточныя земли. Соглашаясь, что рублевое пониженіе для черноземной полосы, противъ котораго было большинство, не можетъ оказать особенно благотворнаго дѣйствія на благосостояніе крестьянъ, Александръ Илларіоновичъ заявлялъ, что «мѣру эту надо разсматривать какъ задатокъ ожидаемыхъ преобразованій и я бы вовсе воздержался отъ всякаго предложенія о пониженіи въ черноземной полосѣ выкупныхъ окладовъ, еслибъ общая податная реформа могла быть проведена и обнародована одновременно съ пониженіемъ выкупныхъ платежей; я полагаю, что при обнародованіи этой мѣры, понижающей платежи въ одной полосѣ, нужно сдѣлать нѣкоторое облегченіе и для другой».

По возвращеніи въ деревню, здоровье Александра Илларіоновича на столько окрѣпло, что онъ могъ съ обычнымъ вниманіемъ слѣдить за общественною жизнью; его особенно интересовала полемика по вопросу — «вѣнчать ли зданіе или перестраивать его съизнова?»; онъ даже началъ писать свои взгляды на этотъ предметъ, равно какъ на значеніе призыва правительствомъ изъ среды общества «свѣдущихъ» людей для обсужденія общественныхъ и государственныхъ дѣлъ. Его интересовала правильная постановка призыва, опредѣленіе тѣхъ общественныхъ единицъ, гдѣ бы долженъ былъ происходить выборъ «свѣдущихъ»

людей, опредѣленіе роли такихъ общественныхъ представителей, ихъ права и т. д. И если Александру Илларіоновичу удалось занести на бумагу все, что онъ думалъ въ этомъ серьезномъ направленіи, и если когда либо рукописи суждено быть изданной, то она засвидѣтельствуетъ, какъ близко Александръ Илларіоновичъ принималъ къ сердцу общественное дѣло, какъ онъ вѣрно понималъ задачи времени и какъ честно отказывался отъ нѣкоторыхъ прежнихъ своихъ мнѣній, не выдерживавшихъ критики предъ лицомъ совершавшихся событій. Мнѣнія его о значеніи общественнаго участія въ государственныхъ дѣлахъ останутся памятниками прогрессивнаго развитія мысли въ Александрѣ Илларіоновичѣ; какъ это развитіе ни тормозилось различными неблагопріятными обстоятельствами, но окончательно остановлено было лишь смертью.

За нѣсколько недѣль до смерти онъ писалъ своему сверстнику и другу письмо, изъ котораго видно, что онъ предчувствовалъ близость смерти. Оканчивается письмо слѣдующими строками, которыя можно считать какъ бы разсчетомъ съ жизнію: «молодые люди лучше старыхъ; новые порядки лучше прежнихъ; то поколѣніе, къ которому мы съ тобой принадлежимъ, вынесло на своихъ плечахъ такіе громадные перевороты, что ему дожны быть прощены многія слабости».

Временное улучшеніе въ состояніи здоровья быстро смѣнилось упадкомъ силъ и 2-го октября Александръ Илларіоновичъ, послѣ шестидневной обострившейся болѣзни, скончался, на 63-мъ году своей жизни.

Извѣстіе о смерти Александра Илларіоновича съ огорченіемъ встрѣчено было почти всѣми органами нашей печати, посвятившими памяти покойнаго особыя статьи, которыя и помѣщены въ приложеніи къ нашей книгѣ.

Приводимъ изъ газеты «Порядокъ» (1881 г. № 284) слѣдующее описаніе похоронъ:

«Похороны кн. Александра Илларіоновича Васильчикова происходили въ Новгородской губерніи и уѣздѣ, на погостѣ Струпинкѣ, около котораго находится небольшое имѣніе покойнаго. Въ субботу, 10-го октября, поѣздъ Новгородской желѣзной дороги изъ Чудова, въ 6 ч. вечера, доставилъ тѣло въ Новгородъ, гдѣ его встрѣтило мѣстное дворянство, земство и губернаторъ. Гробъ былъ вынесенъ изъ вагона и поставленъ въ вокзалѣ, гдѣ

и была отслужена панихида. Затѣмъ поѣздъ доставилъ тѣло на станцію Шимскъ, въ 44-хъ верстахъ отъ Новгорода. Съ этой-то послѣдней станціи, послѣ долгаго пути изъ Липецка Тамбовской губерніи, въ воскресенье, 11-го октября, гробъ былъ перевезенъ въ церковь Струпинскаго погоста, отстоящую отъ Шимской станціи въ 3-хъ верстахъ. На половинѣ пути, между погостомъ и станціею, расположена большая деревня Боръ, близь которой находится небольшой домикъ, весьма ветхій, гдѣ останавливался покойный Александръ Илларіоновичъ, пріѣзжавшій сюда навѣщать могилы своихъ родныхъ. Крестьяне названной деревни, бывшіе крѣпостные кн. Васильчиковыхъ, громадной толпой собрались на станцію и выразили желаніе нести гробъ на себѣ все трехверстное разстояніе. Сначала имъ было отказано въ этомъ, но когда печальная колесница прибыла къ деревнѣ Боръ, крестьяне, отслуживъ панихиду, отпрягли лошадей и на себѣ провезли гробъ до самой церкви.

Утромъ, 12-го числа, происходило служеніе заупокойной обѣдни и панихиды. Довольно большая церковь была переполнена молящимися, состоявшими преимущественно изъ крестьянъ. Кромѣ родныхъ и нѣсколькихъ близкихъ къ покойному лицъ, въ общемъ не болѣе 20 человѣкъ, прибыли изъ С.-Петербурга, съ вѣнками: трое отъ с.-петербургскаго отдѣленія комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ—Н. Ф. Фанъ-деръ-Флитъ, А. В. Яковлевъ и С. Д. Лермонтовъ, возложившіе на гробъ серебряный лавровый вѣнокъ отъ членовъ, и одинъ представитель отъ почитателей князя А. И. Васильчикова, какъ писателя. Послѣдній доставилъ вѣнокъ желѣзный лавровый, съ желѣзнымъ же бантомъ, на которомъ сдѣлана надпись: «Князю А. И. Васильчикову, какъ писателю», а сверхъ надписи переименованы названія сочиненій покойнаго въ хронологическомъ порядкѣ: «Самоуправленіе» 1869 г., «Землевладѣніе и земледѣліе» 1876 г., «Сельскій бытъ и хозяйство» 1881 г.

По окончаніи обѣдни и панихиды, отслуженной 6-ю священниками, мѣстный священникъ, о. Веселовскій, близко знавшій покойнаго, прочувствованнымъ голосомъ сказалъ краткое надгробное «слово», произведшее большое впечатлѣніе на присутствовавшихъ; почтенный ораторъ, предоставляя другимъ, «болѣе его компетентнымъ лицамъ», оцѣнивать личность покойнаго,

какъ писателя и какъ общественнаго дѣятеля за предѣлами мѣстности, гдѣ о. Веселовскій священствуетъ, засвидѣтельствовалъ, что покойнаго не забудутъ всѣ тѣ «обездоленные», которымъ онъ всегда помогалъ щедрою рукою; вспоминать объ немъ будутъ и тѣ поселяне, для просвѣщенія которыхъ Александръ Илларіоновичъ дѣлалъ все, что могъ. Послѣ «слова» о. Веселовскаго, гробъ вынесенъ изъ церкви, и спущенъ въ могилу, въ церковной оградѣ; впереди гроба были несены и вѣнки; серебряный вѣнокъ, послѣ похоронъ, переданъ въ церковь, а желѣзный привѣшенъ къ временной деревянной рѣшеткѣ вокругъ могилы.

Могила Александра Илларіоновича находится рядомъ съ могилою жены его, умершей въ 1862 году, и вблизи могилы брата покойнаго, извѣстнаго севастопольскаго героя князя Виктора Илларіоновича Васильчикова. Надъ могилою жены стоитъ мраморный памятникъ, на которомъ обращаютъ на себя вниманіе вырѣзанныя слѣдующія двѣ строчки, принадлежащія покойному Александру Илларіоновичу:

«Пусть спитъ она, какъ счастье наше,
«Въ нѣмомъ кладбищѣ памяти моей.

Общій видъ мѣстности, окружающей погостъ, въ особенности при октябрьской пасмурной и холодной погодѣ, и вся обстановка похоронъ—производили особое впечатлѣніе, хотя и гармонировали съ искренними симпатіями умершаго, съ его скромною жизнью, большая часть которой проведена имъ въ деревнѣ, и съ предметомъ его публицистической дѣятельности, постоянно направленной на вызовъ вниманія общества къ «сельскому быту и хозяйству»...

Что касается проявленія общественнаго вниманія къ памяти покойнаго, то оно выразилось въ слѣдующемъ: въ Москвѣ, Петербургѣ, Псковѣ и другихъ мѣстностяхъ служились панихиды, какъ о томъ заявлялось въ газетахъ. Члены петербургскаго отдѣленія комитета о ссудо-сберегательныхъ товариществахъ, въ которомъ Александръ Илларіоновичъ предсѣдательствовалъ, не ограничились панихидою и посылкою на похороны депутаціи съ серебрянымъ вѣнкомъ, а постановили «образовать чрезъ пожертвованія особый капиталъ имени покойнаго князя Александра Илларіоновича Васильчикова для выдачи премій за сочиненія по народному и земскому хозяйству». *)

*) Листокъ Спб. Отд. Комит. о сел. ссуд. товар. 1881 г. № 2.

Вотъ все, что мы могли собрать и дать въ предложенномъ очеркѣ жизни и дѣятельности князя Александра Илларіоновича Васильчикова, оставляя въ сторонѣ тѣ его дѣйствія, которыя принято называть «добрыми дѣлами» и о которыхъ не считаемъ нужнымъ говорить потому, что самъ Александръ Илларіоновичъ тщательно скрывалъ эти проявленія своего прекраснаго сердца. Безъ сомнѣнія нашъ очеркъ далекъ отъ полной біографіи, многое осталось еще на долю будущихъ біографовъ, хотя въ томъ многомъ, полагаемъ, будутъ заключаться лишь подробности, освѣщающія только собранные нами главные факты. Полагаемъ также, что и на основаніи собранныхъ нами фактовъ, а также статей появившихся послѣ смерти Александра Илларіоновича въ газетахъ и журналахъ и помѣщаемыхъ въ приложеніи къ нашей книгѣ, можно сдѣлать нѣкоторые выводы о томъ, что принадлежало личности Александра Илларіоновича органически и что было къ ней привито средою. Въ предложенномъ очеркѣ мы группировали факты въ хронологическомъ порядкѣ и старались относиться къ нимъ такъ, чтобъ освѣтить—воспитаніе и степень развитія личности, ея образъ жизни, отношеніе къ людямъ, наконецъ характеръ эпохи, въ которую личность жила, развивалась и дѣйствовала. Разсматривая личность такимъ образомъ, мы и приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ.

Отъ природы Александръ Илларіоновичъ былъ одаренъ хорошимъ здоровьемъ, острою памятью, живою впечатлительностью, вообще недюжинными способностями къ широкому умственному развитію; но оно ослаблялось въ дѣтствѣ воспитаніемъ, а въ зрѣломъ возрастѣ условіями личной и общественной жизни. Родился онъ въ замкнутой средѣ, гдѣ въ воспитаніи придается большое значеніе внѣшности. Но отрицательная сторона въ воспитаніи ребенка-князя, и оригинальная этикетная строгость въ семьѣ не могли, однако, въ сильной степени повліять на натуру упругую, мало податливую; уже въ юношескомъ возрастѣ князь началъ обнаруживать «поведеніе», обращавшее на себя вниманіе; это поведеніе не нравилось и на немъ были построены вскорѣ замѣчанія о какомъ-то непохвальномъ «свободомысліи». Слово это, съ начала въ видѣ замѣчанія, а потомъ уже и обвиненія въ той средѣ, къ которой принадлежалъ Александръ Илларіоновичъ, такъ и преслѣдовало его

во всю жизнь. Прохожденіе имъ университета въ то время, когда онъ былъ тамъ, обогатило его не столько научными знаніями, сколько благопріятнымъ вліяніемъ товарищескаго круга, хотя товарищи, состоявшіе преимущественно изъ молодежи знатныхъ фамилій, не могли повліять на князя-юношу съ той стороны, чтобъ въ немъ въ значительной степени сгладились многія барскія привычки. Начиная съ внѣшняго вида и кончая его отношеніями къ людямъ, Александръ Илларіоновичъ до самой смерти остался бариномъ. Воспитаніе и среда наложили на него свою тяжелую руку, и кто мало зналъ его, тотъ постоянно могъ думать о гордости, надменности, чопорности и холодности князя. Внѣшній видъ князя и его манеры были прямо противоположны его внутреннимъ качествамъ. Среда такъ закалила его, что онъ, при прекрасныхъ качествахъ сердца и «свободомысліи», всю жизнь оставался въ замкнутомъ кругѣ, былъ мнителенъ, неохотно сближался съ людьми и, бывая въ другой средѣ, становился застѣнчивымъ, иногда терялся. Въ замкнутомъ кругѣ великосвѣтскаго общества, содержаніе жизни котораго онъ искренно порицалъ, онъ устроилъ другой, особый, также замкнутый кругъ, но уже по своимъ убѣжденіямъ, и въ этомъ кругу онъ находилъ для себя дѣло, сторонясь отъ всякаго рода службы. Кругъ этотъ составляли — его домъ съ семьей, библіотека и его обширныя хозяйства. Большую часть года онъ жилъ въ деревнѣ, а зиму проводилъ въ Петербургѣ, въ своемъ кабинетѣ. Изъ этого круга онъ постоянно потомъ выходилъ на просторъ общественной и народной жизни, то въ качествѣ образцоваго хозяина и земскаго гласнаго, то публициста, но къ сожалѣнію уже довольно поздно, когда лучшіе годы прошли. Лично за себя ему конечно не нужно было вести никакой борьбы, положеніе его было обезпечено и независимо во всѣхъ отношеніяхъ.

По свойству натуры Александра Илларіоновича, въ немъ очень рано начала развиваться аналитическая и критическая способность, которую мало понимали окружающіе, отождествляя ее преждевременно съ «свободомысліемъ», какъ порокомъ.—Но какъ ни отчуждена была средою личность его отъ общаго русла русской жизни, но общее оживленіе ея съ дѣйствовавшими въ то время геніями русской мысли, оживленіе, продолжавшееся нѣсколько лѣтъ и проникавшее всюду, коснулось

и Александра Илларіоновича, также беззавѣтно увлекавшагося стихами Пушкина, Лермонтова, произведеніями Гоголя. Мы говоримъ коснулось потому, что позднѣе, когда Александръ Илларіоновичъ пережилъ 40-ые года и вступилъ въ 60-ые, онъ относился къ новымъ дѣятелямъ въ литературѣ—скептически, подобно многимъ своимъ современникамъ. — Гуманныя идеи 40-хъ годовъ, на ряду съ печальными въ дѣйствительной жизни явленіями, которыя онъ близко наблюдалъ, охватили его воспріимчивую натуру и помогли выработаться въ немъ глубокимъ нравственнымъ качествамъ. Но осязательно проявляться этимъ качествамъ въ теченіи долгаго періода его жизни не было никакой возможности; дѣятельной и нравственной натурѣ приходилось ограничиваться личнымъ участіемъ въ немногихъ, скорѣе благотворительныхъ дѣлахъ. Проявленіе личной воли и примѣненіе своихъ способностей только въ такой узкой сферѣ до 45-лѣтняго возраста, отразилось на Александрѣ Илларіоновичѣ весьма неблагопріятно не только въ личномъ, но и въ общественномъ отношеніи.—Способности и знанія оставались непримѣнимыми, а потому мало и совершенствовались. И въ этомъ отношеніи въ лицѣ Александра Илларіоновича можно наглядно провѣрить справедливость положенія — «что если личности создаютъ учрежденіи, то и учрежденія формируютъ личность».

Свершившееся освобожденіе крестьянъ и возникшее земство дали Александру Илларіоновичу возможность проявить свою дѣятельность, и вотъ мы видимъ его хотя на склонѣ дней, но юнаго умомъ и сердцемъ, горячимъ общественнымъ дѣятелемъ. Способность къ анализу предостерегала его отъ увлеченій и правильно направляла проявленіе его участія сначала въ земствѣ, а потомъ и въ литературѣ. — Въ немъ сразу обнаружился и ораторъ и публицистъ — фактъ глубокой важности, и ему не придаютъ значенія лишь тѣ, которые притворно указываютъ на то, что въ Россіи людей нѣтъ. Есть они и вотъ примѣръ въ лицѣ Александра Илларіоновича!

Выработавъ въ себѣ нравственный принципъ—«общественной пользы» и идя въ земство только во имя этого принципа, онъ съ первыхъ же шаговъ началъ встрѣчаться съ неблагопріятными обстоятельствами, которыя не только парализовали

его дѣятельность, но, въ концѣ концовъ, заставили его продолжать жить замкнутою жизнью; онъ не пріобрѣлъ себѣ въ общественной средѣ, по скольку онъ сталкивался съ нею въ земствѣ, ни близкихъ знакомствъ, ни новыхъ друзей. Кругъ людей близкихъ къ князю былъ ограниченъ, да и онъ постоянно уменьшался вымираніемъ такихъ лицъ.

Оставивъ земство, Александръ Илларіоновичъ не могъ однако оставаться равнодушнымъ зрителемъ того, какъ складывалась русская народная жизнь послѣ реформъ. Благородство мысли и сердца при личномъ знакомствѣ съ народною жизнью не давало ему бездѣйствовать. И вотъ мы видимъ, въ лицѣ князя, какъ живая рѣчь, отъ которой многаго можно было бы ожидать, «свелась къ бумагѣ»: онъ началъ писать. Въ его лѣта поздно конечно было входить въ роль кабинетнаго ученаго, да не такова была и натура. Начиная литературныя работы, онъ естественно брался за тѣ источники, на которые наталкивало его практическое знаніе жизни. А она постоянно усложнялась, предъявляла мучительные неотложныя вопросы, для рѣшенія которыхъ нужны были убѣжденные дѣятели. Александръ Илларіоновичъ вѣрилъ, что они есть и что они могутъ многое сдѣлать. Увѣренность въ этомъ, основанная болѣе на личныхъ своихъ качествахъ, была такъ сильна, что онъ одно время построилъ на ней даже какъ бы особую нравственную теорію общественныхъ обязанностей, не придавая особаго значенія, для даннаго времени, общественнымъ правамъ. Его «самоуправленіе» и «землевладѣніе и земледѣліе» — являются выразителями не научнаго, а нравственнаго образа мыслей ихъ автора. Этимъ же нравственнымъ убѣжденіемъ, на ряду съ отсутствіемъ для князя иного поля дѣятельности, объясняется и его участіе въ осуществленіи народнаго кредита. Размѣры этого участія, говоря относительно, конечно скромны, но что же оставалось ему болѣе дѣлать, когда выбирать было нельзя да и не изъ чего. Мы видѣли, какъ онъ пытался расширить свою дѣятельность, какъ онъ желалъ выйти изъ своего уединенія, образовать даже свой органъ печати, чтобъ говорить въ немъ о народныхъ интересахъ, и какъ эти попытки такъ и остались не удовлетворенными. И вотъ, послѣ того, какъ обстоятельства свели въ немъ живую рѣчь къ бумагѣ, тѣ же обстоятельства—направили его публицистическій талантъ на мемуары, на частную переписку...

Почти наканунѣ своей смерти Александръ Илларіоновичъ, тѣмъ же личнымъ опытомъ и въ силу нравственныхъ принциповъ, не могъ обойти и вопроса объ общественныхъ правахъ, послѣ многихъ лѣтъ уясненія устнымъ и печатнымъ словомъ только однихъ общественныхъ обязанностей.

Въ литературѣ Князь оставилъ замѣтный слѣдъ разработкою главнаго экономическаго вопроса въ русской народной жизни—вопроса аграрнаго. Самая постановка этого вопроса была сдѣлана на столько широко, что его можно упрекнуть развѣ лишь въ преувеличеніи значенія, какое онъ придавалъ поземельному устройству народа. Обусловливая справедливымъ рѣшеніемъ аграрнаго вопроса и все дальнѣйшее будущее Россіи, онъ поставилъ на очередь цѣлый рядъ другихъ неотложныхъ общественныхъ вопросовъ, на разработку которыхъ мало жизни и способностей не только одного лица, но и цѣлаго поколѣнія. Дѣятельной и богато одаренной натурѣ Александра Илларіоновича трудно было развиваться, еще труднѣе было дѣйствовать на общую пользу, о чемъ и самъ онъ публично заявилъ въ 1876 году, въ рѣчи своей, по поводу кончины Ю. Ф. Самарина. Рѣчь эта заканчивается слѣдующими словами: «нельзя не пожалѣть, не о покойномъ Самаринѣ—онъ исполнилъ честно передъ русской землей свой христіанскій и человѣческій долгъ,—но надо пожалѣть о томъ обществѣ, гдѣ не находитъ себѣ мѣста и голоса такой человѣкъ, какъ Юрій Самаринъ» *).

Эти слова вполнѣ примѣнимы и къ сказавшему ихъ. И мы прибавимъ къ нимъ только одно — чтобъ поскорѣе улучшилось положеніе русской общественной жизни, чтобъ эта жизнь заключала въ себѣ всѣ необходимыя условія для развитія въ ней все болѣе и болѣе выдающихся общественныхъ дѣятелей, людей мысли, чтобы постоянный страхъ за личную безопасность и узкое самолюбіе — уступили мѣсто широкимъ общественнымъ идеаламъ, чтобы въ русской литературѣ изчезли противорѣчивые взгляды, такъ долго жившіе и въ Александрѣ Илларіоновичѣ,—взгляды, будто «государство можетъ провести что либо существенное въ области экономическихъ реформъ, не сдѣлавъ соотвѣтствующихъ улучшеній въ другихъ сферахъ» **).

*) Рѣчи, произнесенныя по поводу кончины Ю. Ф. Самарина. Спб. 1876 стр. 14.

**) Голосъ 1882 г. № 37.

Торжество противуположнаго взгляда надъ господствующею нынѣ смутою въ понятіяхъ большинства современныхъ общественныхъ дѣятелей и будетъ вѣрною гарантіею, что на смѣну одного, вырваннаго смертію изъ среды общества дѣятеля, встанутъ новые, болѣе сильные и многочисленные дѣятели. И русскому обществу не придется грустно качать головами надъ гробомъ умершаго и говорить, что мы «только и дѣлаемъ, что хоронимъ», какъ говорилъ Александръ Илларіоновичъ на панихидѣ Самарина.

Довольно могилъ, довольно смертей; да здравствуетъ все живое, честное и гуманное, искренно, нельстиво любящее русскій народъ, но да будетъ и вѣчная память всѣмъ тѣмъ, кто работалъ на народную пользу, какъ умѣлъ и на сколько могъ.

СТАТЬИ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ

ПОСВЯЩЕННЫЯ ПАМЯТИ

КНЯЗЯ А. И. ВАСИЛЬЧИКОВА.

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ ИЛЛАРІОНОВИЧЪ ВАСИЛЬЧИКОВЪ.

(Род. 27-го октября 1818, † 2-го октября 1881 г.)

Телеграфъ принесъ намъ печальную вѣсть о кончинѣ князя Александра Илларіоновича Васильчикова, въ имѣніи своемъ, въ селѣ Трубетчинѣ, Лебедянскаго уѣзда, Тамбовской губерніи, на 63 году своей жизни. Имя покойнаго, какъ общественнаго дѣятеля и писателя, несомнѣнно займетъ почетное мѣсто на страницахъ исторіи умственнаго развитія нашего общества за послѣднюю четверть столѣтія. Еще въ 1839 году онъ окончилъ курсъ наукъ въ с.-петербургскомъ университетѣ со степенью кандидата по юридическому факультету; съ сороковыхъ годовъ ему уже принадлежала замѣтная роль, сначала въ административномъ мірѣ, а потомъ и въ общественныхъ сферахъ. Такъ, въ 1840 году онъ работалъ на Кавказѣ по устройству края на новыхъ началахъ. Въ бытность свою тамъ онъ былъ невольнымъ свидѣтелемъ грустной исторіи съ поэтомъ Лермонтовымъ: онъ былъ секундантомъ. Въ 1848 году кн. Васильчиковъ былъ предводителемъ дворянства въ новгородскомъ уѣздѣ, потомъ и губернскимъ. Въ 1855 году онъ участвовалъ въ ополченіи. Въ дѣлѣ приведенія въ дѣйствіе крестьянской реформы, кн. А. И. принималъ замѣтное участіе: въ 1861 г., въ качествѣ члена новгородскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, затѣмъ онъ былъ гласнымъ новгородскаго земства въ теченіи двухъ трехлѣтій. Съ этого времени началась особенно видная общественная дѣятельность покойнаго. Новгородское земство было въ его время передовымъ земствомъ. Близко стоя къ народнымъ интересамъ, кн. А. И. хорошо видѣлъ качества и недостатки проводившихся въ жизнь реформъ, и это-то практическое

знаніе вывело его на публицистическое поприще, на которомъ онъ и трудился за послѣднія 12 лѣтъ, несмотря на довольно слабое здоровье и немолодые годы. Въ 1869 году онъ выступилъ съ капитальнымъ въ нашей литературѣ трудомъ: «О самоуправленіи», — выдержавшимъ два изданія. Затѣмъ вскорѣ, именно въ 1876 году, явилось въ свѣтъ другое, еще болѣе обширное его произведеніе: «Землевладѣніе и земледѣліе» — въ Россіи и другихъ европейскихъ государствахъ. Съ тѣхъ поръ имя его начало встрѣчаться въ ежемѣсячныхъ журналахъ; почтеннаго автора весьма часто приглашало и правительство при обсужденіи такихъ вопросовъ, какъ народный кредитъ, выкупные платежи и крестьянскія переселенія. Еще лѣтомъ нынѣшняго года онъ былъ въ Петербургѣ и участвовалъ въ коммиссіи по обсужденію вопроса о выкупныхъ платежахъ, причемъ остался при особомъ мнѣніи. Весною нынѣшняго года онъ откликнулся на цѣлый рядъ нашихъ внутреннихъ вопросовъ особою брошюрою, подъ заглавіемъ: «Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи». — Брошюра эта вышла какъ разъ въ тотъ моментъ, когда въ средѣ правительства и земства шли оживленныя сужденія о крестьянскихъ нуждахъ. Покойному же обязаны и учрежденія нашего народнаго кредита, ссудо-сберегательныя товарищества. Съ самаго возникновенія ихъ, А. И. стоялъ во главѣ кружка лицъ, организовавшихъ дѣло народнаго кредита, и съ этой стороны заслуги покойнаго, какъ предсѣдателя с.-петербургскаго отдѣла о сельскихъ кредитныхъ учрежденіяхъ, будутъ, конечно, выяснены въ свое время самимъ учрежденіемъ. Упоминая только о важнѣйшихъ заслугахъ весьма виднаго и симпатичнаго русскаго просвѣщеннаго дѣятеля и выражая глубокое сожалѣніе о преждевременно угасшей жизни, считаемъ не лишнимъ замѣтить, что весною нынѣшняго года покойный почти закончилъ печатаніемъ второе изданіе своего сочиненія «Землевладѣніе и земледѣліе». За болѣзнью (онъ страдалъ лихорадками и грудною болѣзнью) онъ не успѣлъ окончить предисловія, которымъ предполагалъ отвѣчать своимъ критикамъ, почему сочиненіе и остается невыпущеннымъ въ свѣтъ.

(«Порядокъ» 1881 г., № 273)

Сегодня, въ обычныхъ и равныхъ для всѣхъ траурныхъ рамкахъ тысячи русскихъ людей прочтутъ лаконическое извѣщеніе о томъ, что

2-го октября скончался князь Александръ Илларіоновичъ Васильчиковъ. Онъ умеръ 62 лѣтъ отъ роду. Имя это настолько почтенно и извѣстно, что мы, вмѣстѣ съ выраженіемъ нашего глубокаго огорченія по поводу національной утраты общественнаго дѣятеля, долгомъ считаемъ представить здѣсь живой образъ еще на дняхъ живого-же А. И. Васильчикова и припомнить заслуги его на пользу родины,—тѣмъ болѣе, что эти заслуги были не только продолжительны, но и крупны.

Принадлежа къ аристократической фамиліи и обладая значительнымъ состояніемъ,—этими условіями, при которыхъ у насъ обыкновенно жизнь «знатнаго» складывается довольно фальшиво и мало производительно въ общественномъ отношеніи,—покойный былъ аристократомъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи.

Князь А. И. Васильчиковъ былъ земскимъ дѣятелемъ; онъ агитировалъ цѣлую массу экономическихъ вопросовъ и съ этой стороны на многіе изъ нихъ помогъ административнымъ и правительственнымъ сферамъ установить болѣе правильные взгляды. Онъ не былъ тѣмъ практикомъ, который въ заботахъ о мелкихъ общественныхъ дѣлахъ теряетъ обыкновенно широкій взглядъ на дѣло и нисходитъ до обыденной роли завѣдующаго какою-либо отдѣльною частью. Какъ ни почтенны подобные дѣятели, но А. И. стоитъ выше ихъ.

Избранный на первыхъ-же порахъ дѣйствія земскихъ учрежденій въ представители земства въ Новгородской губерніи, А. И. энергично занимался земскими дѣлами, и какъ просвѣщенный человѣкъ, скоро убѣдился, что въ предоставленныхъ земству рамкахъ, въ особенности при данномъ состояніи умственнаго развитія русскаго провинціальнаго общества, трудно хорошо дѣлать дѣло. Свой «земскій» опытъ онъ самъ резюмировалъ въ послѣднемъ своемъ трудѣ такъ: «лучше предоставить мѣстнымъ учрежденіямъ полную самостоятельность въ ограниченномъ кругу дѣйствій, чѣмъ ограниченное участіе въ общемъ управленіи».

Предоставивъ другимъ дѣйствовать «въ ограниченномъ кругу» земскаго управленія, А. И. старался выбрать себѣ иное дѣло, гдѣ-бы онъ могъ болѣе производительно работать для общества. Не будучи еще земскимъ гласнымъ, онъ трудился надъ большимъ сочиненіемъ.

И вотъ является въ 1869 году его солидный трудъ, сочиненіе «О самоуправленіи».

Въ этомъ трудѣ, А. И. далъ сравнительный обзоръ русскихъ и иностранныхъ земскихъ и общественныхъ учрежденій. Онъ выступилъ съ этимъ сочиненіемъ, какъ самъ онъ заявилъ, въ то время, «когда принципъ самоуправленія еще не пользовался популярностью, когда Франція

въ полномъ цвѣтѣ своего могущества, основаннаго на строжайшей административной централизаціи, признавалась всѣми друзьями порядка представительницей высокихъ началъ личнаго авторитета, полицейскаго благоустройства и военной дисциплины, когда Пруссія всѣми силами сдерживала порывы нѣмецкой націи къ самоуправленію и отвергала послѣдовательно, систематически всякіе проэкты о реформѣ своихъ общественныхъ учрежденій»... и когда, прибавимъ мы, въ Россіи нѣкоторые господа старались подорвать значеніе земской реформы и поселить недовѣріе къ русскимъ общественнымъ силамъ.

Знакомство А. И. съ положеніемъ крестьянъ, съ укладомъ ихъ жизни въ дореформенное время, съ практикою управленія и самоуправленія, вызывало пытливый и образованный умъ его къ дальнѣйшей дѣятельности, которая можетъ быть по всей справедливости названа государственною. Живя большую часть года въ своемъ имѣніи, А. И., вслѣдъ за сочиненіемъ «О самоуправленіи», всего черезъ 6 лѣтъ, обогатилъ нашу учено-экономическую литературу капитальнымъ сочиненіемъ—«Землевладѣніе и земледѣліе» въ Россіи и другихъ государствахъ Европы. Съ новымъ трудомъ своимъ, А. И. выступилъ какъ разъ въ моментъ реакціонной распутицы, когда на встрѣчу реформамъ шли люди съ реакціонными замашками разныхъ направленій, когда выяснявшіеся въ земствѣ и печати вопросы о томъ, что многое въ реформахъ недодѣлано, что великая реформа скомкана, а потому далеко и не дала тѣхърезультатовъ, какіе могли получиться. Это съ одной стороны, а съ другой говорилось, что русскому государству, неудовлетворительно рѣшающему аграрное устроеніе народа, грозитъ революція.

Въ этотъ-то моментъ, А. И., въ новомъ своемъ трудѣ, въ 1876 году, явился съ трезвымъ, спокойнымъ и умнымъ словомъ; онъ писалъ: «мы полагаемъ, что русское общество въ своемъ историческомъ развитіи не перешло еще того рокового рубежа, когда мирныя соглашенія и преобразованія становятся неисполнимыми; что интересы разныхъ классовъ жителей, соприкасаясь и тѣсня другъ друга, вступили уже между собою въ соперничество и борьбу».

А. И. признавалъ, что «этой борьбы, которую въ Европѣ называютъ антагонизмомъ сословій, рабочимъ вопросомъ, враждой капитала и труда,— этой борьбы въ Россіи нѣтъ», и говорилъ: «дай Богъ, чтобы мы воспользовались промежуточнымъ періодомъ, когда соціальныя отношенія у насъ окончательно не установились, чтобы порѣшить по правдѣ и справедливости аграрный вопросъ, причинившій столько замѣшательствъ всѣмъ народамъ древняго и новаго міра».

Эти славо покойнаго А. И. сами за себя говорятъ; они живые сви-

дѣтели того, какъ глубоко понималъ положеніе своей родины просвѣщенный радѣтель о ея нуждахъ.

Сочиненіе его было задержано цензурою и автору было предложено вырѣзать цѣлую главу, гдѣ была характеристика проведенія крестьянской реформы. Чуткій къ интересамъ государства, А. И. не проглядѣлъ и того момента, когда въ русской школѣ насаждался псевдо-классицизмъ. А. И. понялъ все значеніе школьной реформы и возразилъ за русское обществу творцу реформы особымъ письмомъ, напечатаннымъ за границею, письмомъ, замѣчательнымъ по безпристрастной и вѣрной критикѣ системы.

Наконецъ еще недавно, прошлою зимою, онъ написалъ обстоятельную брошюру: «Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи», въ которой, отзываясь на главнѣйшіе современные вопросы объ упорядоченіи народнаго быта, высказалъ немало очень вѣрныхъ сужденій о самой постановкѣ деревенскихъ вопросовъ.—Эта брошюра и составляетъ послѣднее произведеніе князя Васильчикова.

Знаніями своими А. И. однако дѣлился не съ однимъ обществомъ; его приглашали и въ правительственныя коммиссіи, гдѣ, правда, почти постоянно онъ оставался при «особомъ мнѣніи», — на столько свѣтлый умъ его не могъ помириться съ канцелярскими и бюрократическими пріемами въ рѣшеніи общественныхъ и государственныхъ вопросовъ. При особомъ мнѣніи остался онъ и нынѣшнимъ лѣтомъ, когда участвовалъ по вызову правительства въ обсужденіи вопроса о пониженіи выкупныхъ платежей. Какое это мнѣніе, мы не знаемъ.

Мы не касаемся дѣятельности покойнаго по народному кредиту, дѣятельности весьма интересной и на первыхъ порахъ даже заподозрѣнной...

Мы, подъ первымъ же тяжелымъ впечатлѣніемъ извѣстія о смерти А. И., считаемъ нравственнымъ долгомъ дать читателямъ то, что могли, что имѣли подъ руками, что припомнили. Да полная оцѣнка и немыслима теперь.

Скажемъ одно: угасла жизнь одного изъ немногихъ у насъ общественныхъ и дѣйствительныхъ государственныхъ людей, какихъ и съ «портфелями» у насъ немного, а А. И. работалъ безъ «портфеля», по одному нравственному сознанію.

Покойный, по своему умственному складу, не принадлежалъ тѣсно ни къ одной изъ тѣхъ общественныхъ группъ, которыхъ принято называть «либеральными западниками» и «славянофилами». Онъ занималъ среднее, такъ сказать, болѣе объективное положеніе, и о немъ можно сказать, что онъ былъ скорѣе русскій націоналъ-либералъ, но въ смыслѣ постепеннаго непрерывнаго прогрессивнаго движенія.

Дѣятельность А. И. такова, что въ ней могутъ найдти для себя много поучительнаго русскіе не только общественные дѣятели, но и государственные люди.

Пусть же будетъ вѣчная память князю Александру Илларіоновичу Васильчикову, свыше полувѣковая жизнь котораго оставила по себѣ много добраго и полезнаго, и это оцѣнитъ не одно поколѣніе русскихъ людей.

(«Новое Время» 1881 г., № 2012)

Въ мартѣ 1875 года, въ церкви Троицкаго подворья служилась панихида по только-что умершемъ Ю. Ѳ. Самаринѣ. Въ числѣ многихъ друзей и почитателей покойнаго находился здѣсь и кн. А. И. Васильчиковъ. Послѣ панихиды онъ обратился ко мнѣ съ слѣдующими грустными словами: «Мы только и дѣлаемъ, что хоронимъ».

Пришлось теперь хоронить и его. Изъ сильно порѣдѣвшаго круга людей преобразовательной эпохи прошлаго царствованія выбылъ еще одинъ человѣкъ, и притомъ человѣкъ, въ которомъ сильнѣе, чѣмъ во многихъ другихъ, жило сознаніе смысла реформъ и того пути, по которому онѣ должны-бы идти.

Слишкомъ еще живо чувство недавней утраты, чтобы теперь и въ этихъ немногихъ строкахъ можно было представить оцѣнку литературной и общественной дѣятельности князя. Но въ немъ мы лишились общественнаго дѣятеля, оставившаго прочный, надо надѣяться, слѣдъ въ нашихъ общественныхъ понятіяхъ. Поэтому и память его должно почтить прежде всего указаніемъ на ту идею, которой онъ служилъ до гроба.

Князь Васильчиковъ выступилъ на литературное и общественное поприще довольно поздно. Первый изъ его крупныхъ литературныхъ трудовъ: «О самоуправленіи» написанъ имъ уже въ зрѣлыхъ годахъ (онъ появился въ 1869 году, когда князю было около 50-ти лѣтъ). Авторъ этого труда былъ привлеченъ на литературное и общественное дѣло двумя великими реформами: крестьянскою и земскою. Не совершись этихъ преобразованій—публицистическій талантъ князя заглохъ-бы въ деревенскомъ уединеніи, которое такъ любилъ князь, тщательно сторонившійся отъ участія въ томъ, что называется «дѣлами» въ петербургской «дѣловой» сферѣ.

Но перспектива новой общественной дѣятельности пробудила его энергію, и онъ началъ свою работу въ такіе годы, когда другіе уже предаются отдыху, оставивъ намъ два объемистые труда: «О самоуправленіи» и «Землевладѣніе и земледѣліе», кромѣ многихъ небольшихъ статей и брошюръ.

Въ такіе годы человѣкъ не выходитъ на литературное поприще, не посвящаетъ всего своего досуга на научныя изысканія безъ серьезныхъ побужденій, безъ сильныхъ убѣжденій, которыя должно высказать. Не жажда литературной извѣстности руководила княземъ въ его трудахъ. Стоитъ только припомнить этого скромнаго человѣка, чтобы помнить все огромное разстояніе между нимъ и жаждой «литературной извѣстности».

Ему было что́ сказать—и онъ сказалъ это, какъ понималъ, не заботясь о внѣшней отдѣлкѣ своихъ произведеній.

Что же именно хотѣлъ сказать и сказалъ онъ? Князь Васильчиковъ принадлежалъ къ той лучшей части нашего дворянства, которая серьезно и беззавѣтно предалась дѣлу освобожденія крестьянъ и для которой крестьянскій вопросъ остался вопросомъ вопросовъ и среди другихъ преобразованій, совершенныхъ въ началѣ прошлаго царствованія. Этотъ вопросъ явился для нихъ мѣриломъ всѣхъ другихъ вопросовъ — финансовыхъ, хозяйственныхъ, политическихъ.

Вотъ почему ему суждено было стать въ противорѣчіе съ другимъ лагеремъ, настроеніе котораго опредѣлялось тоской по крѣпостномъ правѣ и выражалось въ свое время даже легкими бутадами политическаго характера.

Оригинальная (хотя и не серьезная) черта этого лагеря состояла, между прочимъ, въ томъ, что онъ, для защиты своихъ совсѣмъ не европейскихъ тенденцій, поднималъ на ноги «европейскую» науку и «опытъ» просвѣщенной Европы. Подъ вліяніемъ такого «недовольства» явились толки объ «Англіи», въ которой привилось крупное землевладѣніе, о «Пруссіи», куда манила «вотчинная полиція» (тогда существовавшая), и на заднемъ фонѣ стояла наполеоновская «Франція», съ ея полицейскимъ режимомъ, въ видѣ удобнаго цемента для крупнаго землевладѣнія и вотчинной полиціи.

Къ этому «политическому» идеалу присоединялся идеалъ экономическій, также найденный яко-бы въ «Европѣ», въ видѣ оригинально понятаго начала «экономической свободы». Въ переводѣ на русскія условія эта «свобода» должна была означать полное безучастіе государственной власти къ только-что освобожденному крестьянству. «Крестьяне свободны; теперь пусть устраиваются, какъ имъ угодно». Иначе говоря, государ-

ственная власть, въ эпоху громаднаго экономическаго перерожденія России, въ эпоху установленія новыхъ отношеній между разными формами землевладѣнія, приглашалась къ «нейтралитету», и (это подразумѣвалось) нейтралитету не совсѣмъ «дружественному» по отношенію къ крестьянамъ. Формула очень заманчивая, особенно для тѣхъ, кто очень хорошо понималъ, что крестьяне устроются не совсѣмъ такъ, какъ «имъ угодно», и что крестьянство, предоставленное самому себѣ, не прійдетъ въ цвѣтущее состояніе. Дѣйствительно, не прошло десяти лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ, какъ уже раздались толки «объ упадкѣ сельскаго хозяйства», о пьянствѣ и обо всемъ, что долженствовало свидѣтельствовать объ ухудшеніи быта крестьянъ послѣ ихъ освобожденія.

Само собою разумѣется, что съ высоты такихъ «европейскихъ» началъ, самоуправленіе, въ формѣ новыхъ крестьянскихъ и земскихъ установленій, должно было вызвать весьма недружелюбное къ нимъ отношеніе. Иначе и быть не могло. Земство, по самымъ условіямъ своего положенія, по природѣ ввѣренныхъ ему задачъ, должно было сдѣлать главнымъ предметомъ своихъ попеченій именно крестьянство, ибо оно нуждалось въ школахъ, оно страдало отъ дурныхъ санитарныхъ условій, оно нуждалось въ организаціи продовольственной части, въ мелкомъ и доступномъ кредитѣ и т. д. Затѣмъ земства явились установленіями всесословными: въ нихъ допущены представители отъ крестьянскаго сословія. Все это, вмѣстѣ взятое, давало полное основаніе къ «недовольству», какъ съ точки зрѣнія quasi-«европейскихъ» порядковъ, такъ и съ точки зрѣнія привычекъ къ бюрократической опекѣ, подъ дѣйствіе которой не должны были, по закону, подходить земскія учрежденія.

Князь Васильчиковъ, по своему рожденію, положенію и состоянію, принадлежалъ къ числу лицъ, которыя естественно могли-бы увлечься указанными стремленіями. Онъ не только отрѣшился отъ нихъ, но и выработалъ себѣ своеобразныя убѣжденія, которыя навсегда опредѣлятъ его личность въ ряду другихъ общественныхъ дѣятелей нашихъ.

Постараемся изложить ихъ въ общихъ чертахъ.

Упраздненіе крѣпостного права открыло въ Россіи новую эпоху ея исторіи. Не столько подъ дѣйствіемъ законовъ, сколько подъ вліяніемъ новыхъ бытовыхъ условій, Россія перерождается, и перерожденія этого ничто остановить не въ силахъ. Къ чему прійдетъ она въ своемъ развитіи? Какая судьба ожидаетъ ее? Для князя Васильчикова было ясно, что процессъ перерожденія можетъ идти правильно и приведетъ къ благимъ результатамъ только при одномъ условіи: если основа русскаго государства, народъ, останется здоровъ и укрѣпится въ своихъ силахъ.

Здоровье-же и силы народа зависятъ прежде всего отъ свойствъ его экономической организаціи. Какъ рѣшится этотъ существенный вопросъ, поднятый, но далеко не рѣшенный крестьянскою реформою? Вотъ вопросъ, занимавшій его во всѣ послѣдніе годы его жизни и на рѣшеніе котораго онъ употребилъ всѣ свои силы.

Направленіе князя Васильчикова въ этомъ дѣлѣ можно опредѣлить двумя признаками: отрицательнымъ и положительнымъ.

Отрицательные его взгляды развились подъ вліяніемъ изученія западно-европейскаго экономическаго строя. Изъ этого изученія онъ вынесъ тотъ страхъ предъ соціальнымъ вопросомъ, страхъ, невольно овладѣвающій каждымъ, кто умѣетъ видѣть, какъ этотъ вопросъ подтачиваетъ политическій и общественный бытъ западно-европейскихъ государствъ и грозитъ имъ серьезнымъ потрясеніемъ.

Изъ изученія условій русскаго быта, какъ теоретическаго, такъ и практическаго, онъ вынесъ убѣжденіе, что въ этихъ условіяхъ имѣются твердыя точки опоры для того, чтобы предохранить Россію отъ возникновенія и развитія соціальнаго вопроса въ тѣхъ колоссальныхъ размѣрахъ, какіе мы видимъ на Западѣ. Задача состоитъ въ томъ, чтобы понять эти условія, разглядѣть эти опорныя точки и мудрыми, своевременными мѣрами содѣйствовать правильному развитію того, что есть на дѣлѣ и вытекаетъ изъ всего процесса нашего историческаго развитія.

Но эти условія могутъ быть искажены; истинныя опорныя точки могутъ быть отвергнуты. Такихъ результатовъ и опасался князь Васильчиковъ, присутствуя при двоякомъ нашествіи «лэндлорства» и развивающагося кулачества.

Собственно къ теоріямъ своихъ противниковъ князь относился довольно иронически. Онъ настолько вѣрилъ въ силу историческихъ и бытовыхъ условій, что считалъ эти рѣчи «праздными» и долженствующими разбиться объ требованія жизни.

«Когда дѣло шло объ освобожденіи крестьянъ, говоритъ онъ, много было истрачено краснорѣчія на защиту правъ собственности землевладѣльцевъ, и много перекипѣло негодованій противъ революціоннаго якобы ученія о правѣ крестьянъ на усадебную осѣдлость и полевой надѣлъ. Но намъ не удавалось между всѣми крестоносцами, ополчившимися за право собственности, найдти такого отважнаго мужа, который бы взялся провести этотъ абсолютно-священный принципъ и примѣнить его къ дѣлу въ простой формѣ личнаго освобожденія крестьянъ безъ земли...»

Но то, чего не могъ сдѣлать «отважный государственный мужъ», могла сдѣлать жизнь, или, точнѣе сказать, то могло совершиться въ

крестьянствѣ, если бы оно, послѣ своего освобожденія, осталось безъ призора, безъ помощи и просвѣщенія. Теоріи, остававшіяся «праздными рѣчами» въ моментъ освобожденія крестьянъ, благодаря непреклонной волѣ покойнаго Государя, могли очень и очень повліять на примѣненіе и истолкованіе этой реформы.

Горькій опытъ показалъ князю Васильчикову, что такія предположенія далеко не праздны. Уже коммиссія по изслѣдованію положенія сельскаго хозяйства, дѣйствовавшая подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Валуева, должна была показать даже не такому внимательному наблюдателю, какъ князь Васильчиковъ, что въ крестьянствѣ нашемъ совершается процессъ, исходъ котораго неспособенъ былъ предотвратить «соціальный вопросъ».

То, что казалось ему безопаснымъ въ 1869 году, когда онъ издавалъ свою книгу «О самоуправленіи», представлялось ему весьма серьезнымъ позже, когда онъ выпускалъ въ свѣтъ второе свое сочиненіе, «Землевладѣніе и Земледѣліе» (1876).

Тема, разработанная въ этомъ крупномъ сочиненіи, опредѣлена самимъ авторомъ въ слѣдующихъ словахъ:

«Для насъ, въ Россіи, нѣтъ предмета болѣе поучительнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе современнаго, какъ изслѣдованіе тѣхъ разнородныхъ превратностей, чрезъ которыя прошло землевладѣніе въ Европѣ. Оно своевременно потому, что мы именно вступаемъ съ освобожденіемъ крестьянъ въ тотъ періодъ общественнаго устройства, когда закладываются главныя основы нашего быта. Оно поучительно потому, что въ исторіи европейскаго землевладѣнія можно прослѣдить и длинный рядъ грубѣйшихъ ошибокъ, насильствъ, несправедливостей — и правильный ходъ цивилизаціи, достигшей высшей степени культуры. — Можетъ-ли такая-же высокая степень культуры быть достигнута другими путями? Могутъ-ли быть избѣгнуты ошибки и несправедливости, ознаменовавшія историческій ходъ аграрнаго вопроса въ другихъ странахъ — вотъ вопросъ?!..»

Дѣйствительно, «вотъ вопросъ» серьезный, трагическій даже, для человѣка (каковъ былъ князь Васильчиковъ), проникнутаго желаніемъ видѣть свою родину на степени европейскаго просвѣщенія и въ то же время сознававшаго всѣ недостатки экономическаго строя на Западѣ.

Должна ли Россія, для достиженія европейскаго уровня культуры, воспринять и экономическія ея формы—давшія въ результатѣ соціальное движеніе?

Этотъ именно вопросъ былъ поставленъ кн. Васильчиковымъ, и ни-

кто, сколько намъ кажется, не ставилъ его такъ полно, такъ прямо и, прибавимъ къ этому, такъ оригинально.

Именно, эта оригинальная постановка вопроса и навлекла на него упреки самые разнородные и даже другъ друга исключающіе—въ соціализмѣ и въ славянофильствѣ.

Упрекъ въ «соціализмѣ» имѣетъ свое основаніе въ томъ, что князь Васильчиковъ естественно должен былъ пользоваться произведеніями соціалистической литературы, такъ какъ въ нихъ содержится много вѣрныхъ критическихъ замѣчаній относительно существующаго экономическаго строя на Западѣ Европы. Но въ своихъ выводахъ, въ своихъ желаніяхъ кн. Васильчиковъ былъ весьма далекъ отъ соціализма, во-первыхъ, потому, что цѣль его сочиненій состояла въ томъ, чтобы предохранить Россію отъ соціальнаго вопроса и его послѣдствій — соціалистическаго движенія; во-вторыхъ, потому, что, анализируя нашу сельскую общину, онъ постоянно проводитъ различіе между этой формою и соціалистическою «общиною»; въ-третьихъ, наконецъ, потому, что пути, рекомендуемые имъ для достиженія указываемыхъ имъ цѣлей, не имѣютъ ничего общаго съ «путями» нынѣшняго соціализма.

Практически «соціализмъ» кн. Васильчикова выразился бы въ слѣдующемъ направленіи. Если бы ему пришлось рѣшать, что̀ сдѣлать съ свободными землями, находящимися въ распоряженіи казны, то онъ вѣроятно, счелъ бы за лучшее продать ихъ на льготныхъ условіяхъ переселенцамъ изъ крестьянскихъ обществъ. Такое рѣшеніе, конечно, разнилось бы отъ продажи такихъ земель «крупнымъ землевладѣльцамъ», отсутствующимъ изъ своихъ помѣстьевъ, но отъ этого оно не сдѣлалось бы «соціалистическимъ».

Что касается упрека въ «славянофильствѣ» (если это можетъ быть названо упрекомъ), то человѣкъ, желающій изслѣдовать своеобразныя условія русскаго народа, всегда найдетъ въ сочиненіяхъ славянофиловъ много вѣрныхъ и меткихъ указаній.

Князь Васильчиковъ, впрочемъ, не былъ «славянофиломъ, особенно славянофиломъ новѣйшей формаціи. Другъ Ю. Самарина, онъ не подписался бы подъ тѣмъ, что нынѣ проходитъ подъ этимъ почтеннымъ знаменемъ. Если называть Васильчикова славянофиломъ въ нынѣшнемъ смыслѣ, то мы назвали бы его славянофиломъ обратнымъ.

Нынѣшніе славянофилы «отвергаютъ» главнымъ образомъ «культуру» Европы, но по части экономическихъ идеаловъ обнаруживаютъ склонность къ теоріямъ «лэндлордовъ». Васильчиковъ глубоко уважалъ европейскую культуру, но скептически относился къ экономическому строю

Европы. Вотъ почему его и мучилъ такъ вопросъ; можно ли достигнуть высоты европейскаго просвѣщенія, не усвоивая ея экономическихъ формъ?

Многое и многое говорилось, многое можно сказать относительно выполненія Васильчиковымъ задуманныхъ имъ трудовъ. Но самая придирчивая, самая ѣдкая критика частностей не устранитъ имъ поставленнаго вопроса: должны-ли мы перейти чрезъ западныя экономическія формы, или мы должны избрать иной путь, для сохраненія въ цѣлости и здравіи того, что составляетъ фундаментъ нашего государства,—крестьянскаго сословія?

Князь Васильчиковъ началъ эту работу; онъ принужденъ былъ оперировать съ матерьялами, часто несовершенными, пользоваться аргументами, нерѣдко заимствованными и не всегда твердыми—обыкновенная судьба людей, начинающихъ какое-нибудь дѣло. Имъ приходится быть и каменьщиками, и архитекторами. Пусть другіе возьмутъ въ руки его дѣло, работаютъ въ томъ же духѣ и направленіи. Но, къ сожалѣнію, «другихъ» оказывается мало, и «мы только и дѣлаемъ, что хоронимъ», какъ грустно говорилъ кн. Васильчиковъ. И на мѣсто такихъ общественныхъ дѣятелей, какъ онъ, трудно найти другихъ, съ такимъ же независимымъ и прямымъ характеромъ и такими своеобразными убѣжденіями, соединенными съ человѣчностью и мягкостью во всѣхъ отношеніяхъ. Не станемъ упоминать о множествѣ добрыхъ дѣлъ, которыя онъ дѣлалъ втайнѣ: боимся оскорбить его память упоминаніемъ о томъ, что онъ самъ скрывалъ.

Его единственное честолюбіе было въ успѣхѣ его дѣла, которому онъ служилъ и въ литературѣ, и на практикѣ, работая по организаціи доступнаго крестьянству кредита.

Въ заключеніе позволимъ себѣ указать на нравственную сторону ученій и дѣятельности князя Васильчикова.

Почему онъ поставилъ себѣ, а затѣмъ и русскому обществу, указанный выше вопросъ? Почему онъ, отъ души желавшій возможно большаго усвоенія Россіею европейской цивилизаціи, ставилъ однако этотъ дорогой для него результатъ въ зависимость отъ не-усвоенія Россіею западныхъ экономическихъ порядковъ?

Потому именно, кажется намъ, что въ немъ крѣпка была одна, чисто русская черта характера. Какъ ни велико казалось ему извѣстное благо, но онъ заранѣе отъ него отказывался, если для усвоенія его нужна была неправда. Если блескъ и высокій уровень цивилизаціи долженъ имѣть въ основаніи своемъ экономическую неправду, кн. Васильчиковъ заранѣе отрекался отъ нея.

Но дѣйствительно ли высокій уровень европейской цивилизаціи обусловливается ея экономическимъ строемъ? Въ этомъ князь сомнѣвался. Въ его книгѣ «о самоуправленіи» есть слѣдующее мѣсто: «Мы уже выше сказали и считаемъ нужнымъ повторить, что въ этомъ положеніи вещей (т. е. въ оригинальномъ экономическомъ строѣ Россіи) мы не видимъ особаго преимущества нашего русскаго быта предъ другими, а напротивъ, сознаемъ, что въ этомъ чрезмѣрномъ преобладаніи крестьянства кроется явная, осязательная опасность для нравственнаго прогресса и цивилизаціи нашего отечества, и въ общинномъ землевладѣніи — главнѣйшее препятствіе къ улучшенію земледѣльческой культуры. Но мы не видимъ возможности разстраивать вѣковой ходъ нашего общественнаго построенія и полагаемъ, что съ нимъ надо помириться, точно такъ, какъ мы миримся съ суровостію нашего климата и съ другими преградами, воздвигнутыми историческими и естественными явленіями и независимыми отъ человѣческой воли».

«Вмѣстѣ съ тѣмъ мы полагаемъ, что препятствія эти не непреодолимы, и что неудобства, нами выше указанныя, скорѣе могутъ быть исправлены, чѣмъ другіе неизлечимые недуги, коими болѣютъ другія общества».

Но какъ? Чрезъ широкое развитіе народной школы и чрезъ развитіе мѣстнаго самоуправленія, какъ практической школы для нравственнаго воспитанія народа,— отвѣчаетъ князь Васильчиковъ.

Экономическая правда, народное образованіе и самоуправленіе—таковы цѣли, поставленныя княземъ Васильчиковымъ въ его трудахъ и въ осуществленіи которыхъ онъ видѣлъ условіе русской цивилизаціи.

Вотъ та оригинальная и симпатичная личность, которая только-что отошла отъ насъ. «Пора умирать», говорилъ онъ въ послѣдній годъ своей жизни. Оказалось, что дѣйствительно «пора». Вѣчная ему память, и да будетъ она дорога всѣмъ, кто трудится надъ внутренними судьбами нашего отечества въ духѣ правды и просвѣщенія!

А. Градовскій.

(«Недѣля» 1881 г., № 41)

На-дняхъ смерть похитила у общества такого дѣятеля, имя котораго навсегда останется славно тѣмъ, что въ мрачный періодъ реакціи, онъ

не мало потрудился, какъ одинъ изъ передовыхъ бойцовъ за либеральныя идеи. 2 октября скончался князь А. И. Васильчиковъ.

Съ покойнымъ можно во многомъ не соглашаться, но нельзя не признать его заслугъ для общества. Смерть его есть тяжкая утрата. Безъ грустнаго чувства нельзя остановиться передъ этой свѣжей могилой. Но и отдаваться печали нельзя въ такое время, когда дѣло, для котораго работалъ покойный, еще не окончено и требуетъ новыхъ, свѣжихъ рабочихъ силъ изъ среды общества. «Одинъ упалъ, другой выходи»! Такъ обращается поэтъ къ обществу при видѣ свѣжей могилы общественнаго дѣятеля... Свѣжіе могучіе бойцы должны явиться на смѣну покойника и безостановочно вести общество все дальше и дальше, пока не восторжествуетъ то дѣло, во имя котораго положили жизнь свою старые бойцы.

(«Земство» 1881 г., № 45)

Съ истинною скорбью заявляемъ о кончинѣ одного изъ самыхъ видныхъ и достойныхъ дѣятелей, князя Александра Илларіоновича Васильчикова. Это чувствительная утрата не только для русскаго общества, которое теряетъ въ немъ человѣка независимаго вполнѣ, независимаго не по одному своему общественному положенію, но, чтò гораздо важнѣе, независимаго по образу мыслей и по характеру (а таковыхъ у насъ мало, слишкомъ мало); это тяжелая утрата и для русской экономической науки. Четыре тома его трудовъ по «самоуправленію» и по «землевладѣнію въ Россіи и Европѣ» принадлежатъ къ капитальнымъ произведеніямъ русской литературы — пока единственнымъ въ этой области изслѣдованій. Соединяя обширное образованіе съ свѣтлымъ, серьезнымъ, строгимъ умомъ, съ практическимъ знаніемъ экономической русской жизни, съ искреннимъ сочувствіемъ къ русскому и именно простому народу, съ патріотизмомъ самаго доблестнаго закала (чѣмъ, впрочемъ, всегда отличалась вся благородная семья князей Васильчиковыхъ), Александръ Илларіоновичъ не переставалъ быть человѣкомъ передовымъ въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова, не сходя притомъ съ русской національной основы,—человѣкомъ дѣятельнаго почина. Вводитель непрестанныхъ улучшеній въ русское сельское хозяйство, основатель и ревностный распространитель ссудо-сберегательныхъ сельскихъ товариществъ, руководитель и участникъ трудовъ славянскаго общества въ Петербургѣ, во время русско-сербской

и болгарской войны,—онъ отзывался на всякое общественное дѣло, въ пользѣ, въ благовременности котораго убѣждался его пытливый, положительный умъ. Онъ умеръ 62-хъ лѣтъ, но казалось—онъ еще далеко не дошелъ до конца своего общественнаго поприща...

(«Русь» 1881 г., № 48)

2-го октября скончался князь Александръ Илларіоновичъ Васильчиковъ. Нельзя не пожалѣть искренно этого честнаго мыслителя, этого почтеннаго представителя лучшихъ стремленій и идей.

Окончивъ свою жизнь на 62-мъ году, Александръ Илларіоновичъ умѣлъ всю свою жизнь идти впереди прогрессивнаго движенія нашего реформеннаго времени; ему пришлось принять участіе во всѣхъ работахъ царствованія Царя-Освободителя, если не непосредственно, то въ качествѣ мыслителя, въ качествѣ кабинетнаго рабочаго, умѣвшаго заглянуть въ душу народную, понять жизнь народную, которой коснулись реформы.

Александръ Илларіоновичъ былъ однимъ изъ первыхъ земцевъ и посвятилъ вопросу о самоуправленіи капитальный трудъ. Если просмотрѣть тѣ, пока немногія, работы, которыя сдѣланы земствомъ, если прочитать тѣ доклады, которые были посвящены розработкѣ земскихъ вопросовъ, то непремѣнно встрѣтимся съ именемъ князя А. Васильчикова, встрѣтимся съ его мыслями, которыя, можетъ быть, были нерѣдко оригинальны, слишкомъ общи, но были честны и имѣли свое начало въ искреннемъ желаніи прогресса, въ непрестанномъ стремленіи къ правдѣ и справедливости.

Почившій князь, авторъ капитальныхъ сочиненій «О самоуправленіи», о «Землевладѣніи и земледѣліи», участникъ въ работахъ по крестьянскому кредиту, не оставлявшій этого вопроса до послѣдняго времени, еще только въ прошломъ году издалъ свой новый трудъ: «Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи». Для характеристики личности покойнаго лучше всего могутъ служить его собственныя слова, высказанныя въ вступленіи:

«Я прожилъ большую часть моей жизни въ провинціи и въ деревнѣ, управлялъ имѣніями, занимался хозяйствомъ въ разныхъ полосахъ Россіи, на сѣверѣ—въ Новгородской и Псковской губерніяхъ; въ серединной полосѣ—въ Ковенской губерніи, на самой границѣ Пруссіи, въ черноземной Тамбовской губерніи и въ степной части—Воронежской и

Саратовской губерніяхъ. Я пережилъ времена крѣпостного права, когда управляющіе - агрономы, большею частію изъ нѣмцевъ и поляковъ, вводили, силою розогъ, лучшіе порядки въ русское сельское хозяйство,— и время реформъ, когда землевладѣльцы стали вводить въ свои имѣнія вольно-наемный трудъ и улучшенныя культуры, а экономисты и публицисты, радѣя о народномъ благосостояніи,—разсуждать объ улучшеніи сельско-хозяйственнаго быта въ Россіи. Но пройдя чрезъ эту многолѣтнюю и разнообразную школу, слѣдя постоянно за всѣми публикуемыми свѣдѣніями, и стараясь изучать всѣми силами бытъ народа, условія хозяйства, гдѣ мнѣ приходилось жить и дѣйствовать, я долженъ къ стыду моему сознаться, что не могъ составить полнаго и яснаго понятія о многихъ такихъ предметахъ, которые обсуждаются и разрѣшаются совершенно категорически....

«Это меня всегда глубоко смущало и унижало въ собственныхъ глазахъ».

Вдумываясь въ эту исповѣдь, въ это честное сознаніе, вникая въ смыслъ этихъ послѣднихъ словъ, какая чуется безграничная любовь, какое честное отношеніе къ дѣлу и какой славный образъ русскаго дѣятеля встаетъ передъ нами, дѣятеля не ex officio, а простого, непритязательнаго, честнаго человѣка, съ здоровой мыслью и съ лучшими порывами на склонѣ своей жизни, оставившей за собой рядъ такихъ явленій, которыя въ исторіи повторяются не каждое столѣтіе.

Жалко терять русскому обществу такихъ людей; ихъ такъ мало, а спросъ на нихъ такъ великъ, какъ велики задачи и запросы переживаемой эпохи.

(«Вѣстникъ Псковскаго Губернскаго Земства» 1881 г., № 40)

Царствованіе въ Бозѣ почившаго Царя-Освободителя было преобразовательною эпохою для нашего отечества,—престолъ Мученика-Царя окружали лица, вполнѣ одушевленныя сознательно въ право и силу проводимыхъ въ жизнь русскаго народа тѣхъ преобразованій, которыя выдвинули насъ на путь къ живой дѣятельности. Въ ряду выдающихся лицъ прошлаго царствованія, какъ душевно преданнаго дѣлу реформъ, былъ князь А. И. Васильчиковъ, вся жизнь котораго, какъ бы предназначена была для труда на пользу народа вообще и земскому дѣлу въ частности. Мы видимъ князя Васильчикова чрезъ годъ, по окончаніи курса по юридическому факультету въ с.-петербургскомъ университетѣ,

работавшимъ на Кавказѣ по устройству края на новыхъ началахъ—это было въ 1840 году. Чрезъ восемь лѣтъ князь принимаетъ званіе уѣзднаго новгородскаго предводителя дворянства, а впослѣдствіи выбирается на должность губернскаго предводителя дворянства. Въ дѣлѣ приведенія въ дѣйствіе крестьянской реформы, князь А. И. Васильчиковъ принималъ участіе въ качествѣ члена новгородскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, а затѣмъ участвовалъ въ земствѣ, въ качествѣ гласнаго. Князю А. И. обязаны учрежденія нашего народнаго кредита — ссудо-сберегательныя кассы, съ самаго возникновенія которыхъ онъ стоялъ во главѣ кружка лицъ, создавшихъ это дѣло. Князь А. И. Васильчиковъ глубоко любилъ свою родину и желалъ отъ души скорѣйшаго обновленія: онъ ставилъ въ положительное правило, что чрезъ широкое развитіе народной школы и чрезъ развитіе мѣстнаго самоуправленія, какъ практической школы для нравственнаго воспитанія народа, можетъ совершенно обновиться русскій народъ. Экономическая правда, народное образованіе и самоуправленіе — вотъ цѣли, постановленныя княземъ Васильчиковымъ въ его трудахъ и въ осуществленіи которыхъ онъ видѣлъ условіе русскаго преобразованія. Чтобы исчерпать всю жизнь даровитаго общественнаго дѣятеля, смерть котораго безжалостно вырвала изъ среды дѣятелей на пользу русскаго народа, пришлось бы много занять мѣста, и мы воспользовались только весьма краткимъ очеркомъ этой выдающейся и въ высшей степени симпатичной личности, которая только-что отошла отъ насъ въ вѣчность. «Пора умирать», говорилъ князь А. И. въ послѣдній годъ своей жизни. Оказалось, что дѣйствительно «пора». Вѣчная ему память, и да будетъ она дорога всѣмъ, кто трудится надъ внутренними судьбами нашего отечества въ духѣ правды и просвѣщенія.

И. В.

(«Родина» 1881 г., октябрь)

Князь А. И. Васильчиковъ, сынъ председателя государственнаго совѣта, князя Илларіона Васильевича, родился въ Петербургѣ. Въ 1839 г., покойный окончилъ курсъ, въ здѣшнемъ университетѣ, кандидатомъ по юридическому факультету. На слѣдующій же годъ онъ былъ командированъ на Кавказъ къ барону Гану, которому было поручено введеніе

за Кавказомъ новаго административнаго устройства. Къ этой эпохѣ самой первой юности покойнаго относится участіе его, во время отпуска на кавказскихъ минеральныхъ водахъ, какъ секунданта, при дуэли между отставнымъ маіоромъ Мартыновымъ и поэтомъ Лермонтовымъ, въ то время служившимъ поручикомъ въ тенгинскомъ пѣхотномъ полку. За «бытіе секундантомъ» при дуэли, «на которой Лермонтовъ отъ полученной раны умеръ на мѣстѣ», А. И. былъ преданъ военному суду. Но послѣдствій судимости ему не пришлось испытать, такъ какъ императоръ Николай Павловичъ простилъ виновнаго «во вниманіе къ заслугамъ отца». Послѣ Кавказа, вся служебная дѣятельность А. И. исчерпывается тѣмъ, что въ 1845 году онъ былъ чиновникомъ во II отдѣленіи собственной Его Величества канцеляріи; въ 1846 году, сдѣланъ церемоніймейстеромъ двора; въ 1854 году, служилъ въ дружинѣ ополченія, послѣ чего былъ зачисленъ въ сверхштатные чиновники канцеляріи начальника новгородской губерніи, а въ 1856 году, причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ. Въ 1861 году, онъ занималъ должность члена новгородскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, а въ 1866 году совершенно оставилъ службу, которая для него была, по большей части, одною формальностью: онъ всегда болѣе числился на службѣ, чѣмъ служилъ, а числился онъ потому, что въ то время такъ было это принято въ томъ кругу, которому онъ принадлежалъ по рожденію; на дѣлѣ же онъ проводилъ время главнымъ образомъ въ деревнѣ. Вотъ, какъ онъ самъ говоритъ объ этой эпохѣ своей жизни въ послѣдней брошюрѣ: «Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи» (Спб. 1881): «я прожилъ бо̀льшую часть моей жизни въ провинціи и въ деревнѣ, управлялъ имѣніями и занимался хозяйствомъ въ разныхъ полосахъ Россіи, на сѣверѣ въ новгородской и псковской губ., въ серединной полосѣ—въ ковенской губерніи, въ черноземной—тамбовской губерніи и въ степной—воронежской и саратовской губерніяхъ». Такъ проводилъ покойный время службы, числясь въ томъ или другомъ вѣдомствѣ.

Дѣйствительно, князь А. И. рано началъ дѣятельно заниматься хозяйствомъ, зналъ всѣ условія веденія его, какъ при крѣпостномъ правѣ, такъ и послѣ уничтоженія его, и успѣлъ накопить себѣ много опытности, давшей ему впослѣдствіи возможность, въ одной изъ статей объ «абсентеизмѣ дворянскаго сословія», высказать энергическій протестъ противъ несправедливыхъ жалобъ на реформу 1861 года, имѣвшую будто бы результатомъ «обездоленіе» дворянскаго сословія. Какъ сельскій хозяинъ, А. И. могъ справедливо оцѣнить степень справедливости подобныхъ жалобъ и доказалъ фактами и примѣромъ личныхъ наблюденій всю неосно-

вательность сѣтованія на убыточность сельскаго хозяйства со стороны лицъ, никогда не видавшихъ своего имѣнія въ глаза.

Живя въ провинціи, А. И. пользовался уваженіемъ и довѣріемъ мѣстнаго общества, и нерѣдко былъ избираемъ на общественныя должности. Такъ, въ 1846 году дворянство новгородскаго уѣзда избрало его своимъ предводителемъ; а въ 1849 году онъ былъ и губернскимъ предводителемъ дворянства. Съ 1866 г., общественная, по выборамъ, служба А. И. продолжалась уже въ земствѣ; онъ былъ гласнымъ новгородскаго губернскаго земства, гдѣ и пробылъ полныхъ два трехлѣтія. Начало служенія его земству, въ 1866 году, совпадаетъ съ временемъ оставленія имъ гражданской службы, вслѣдствіе испытаннаго имъ неудобства—соединить коронную службу съ общественною. Проживая въ деревнѣ и углубясь въ мѣстные интересы, А. И., можетъ быть, и забылъ, что онъ продолжаетъ числиться на службѣ; но ему напомнили о томъ еще въ 1866 году, вслѣдъ за произнесенною имъ въ земскомъ собраніи рѣчью, въ которой онъ старался выяснить отношеніе обязательныхъ земскихъ расходовъ къ необязательнымъ, и указывалъ, что земству при такомъ отношеніи предстоитъ трудная задача рѣшить вопросъ о раціональномъ удовлетвореніи мѣстныхъ пользъ и нуждъ, въ предѣлахъ, указанныхъ положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ. Хотя впослѣдствіи и выяснилось, что А. И. былъ правъ, но на его отставку, или, вѣрнѣе сказать, отчисленіе отъ службы смотрѣли въ то время неблагосклонно, и репутація слишкомъ самостоятельнаго человѣка осталась за нимъ съ тѣхъ поръ на всю жизнь.

Въ бытность свою въ земствѣ, А. И. былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ гласныхъ, какъ о томъ можно судить по массѣ мнѣній, докладовъ и т. п. документовъ, въ свое время внесенныхъ имъ въ земскія собранія и напечатанныхъ въ разныхъ изданіяхъ новгородскаго губернскаго земства.

Оживленіе русскаго общества въ 60-хъ годахъ такъ сильно охватило А. И., что онъ не ограничился одною практическою дѣятельностью и земскою службою, но и почувствовалъ потребность высказаться: результатомъ того и было изданіе имъ въ свѣтъ обширнаго изслѣдованія, подъ заглавіемъ: «О самоуправленіи». Ему исполнилось тогда 50 лѣтъ.

Этотъ первый трудъ А. И., въ теченіе всего трехъ лѣтъ, 1869—1871 г., выдержалъ три изданія. Авторъ задумалъ и исполнилъ его какъ разъ въ то время, когда въ части общества происходила ожесточенная агитація противъ земской реформы, когда для многихъ даже «сожительство высшихъ и низшихъ классовъ въ одной общественной средѣ представлялось ихъ напуганному воображенію чудовищной анархіей» (Самоупр.,

изд. 3-е, стр. XLI). Въ предисловіи къ 3-му изданію, А. И. самъ заявилъ, что онъ «началъ писать это сочиненіе въ то время, когда принципъ «самоуправленія» вовсе еще не пользовался тою популярностью, которую онъ нынѣ (1872 г.) пріобрѣлъ; когда Франція, въ полномъ цвѣтѣ своего могущества, основаннаго на строжайшей административной централизаціи, признавалась всѣми друзьями порядка представительницею высокихъ началъ личнаго авторитета, полицейскаго благоустройства и военной дисциплины; когда Пруссія всѣми силами сдерживала порывы нѣмецкой націи къ самоуправленію и отвергала послѣдовательно, систематически всякіе проекты о реформѣ своихъ общественныхъ учрежденій». Защищая принципъ «самоуправленія», «выражающаго правильное взаимодѣйствіе мѣстнаго общества и мѣстныхъ властей въ предѣлахъ закона и подъ сѣнью суда», А. И. въ своемъ изслѣдованіи далъ полный сравнительный обзоръ русскихъ и иностранныхъ земскихъ и общественныхъ учрежденій. Можно смѣло сказать, что первый литературный трудъ А. И. имѣлъ образовательное значеніе для массы земскихъ дѣятелей. Это сочиненіе сдѣлалось въ то время настольною книгою образованныхъ земцевъ и помогало уяснять массу тѣхъ вопросовъ, которые пришлось вѣдать и рѣшать земскимъ людямъ самостоятельно, внѣ административной опеки. Богатый опытъ А. И., тѣсное его соединеніе съ такими дѣятелями въ дѣлѣ реформъ, какъ Ю. Самаринъ, Н. Милютинъ, наконецъ общее оживленіе въ лучшей части общества въ 60-хъ годахъ, все это относилось къ числу тѣхъ благопріятныхъ условій, благодаря которымъ А. И. не ограничился служебною земскою дѣятельностью; онъ нашелъ въ себѣ силы идти далѣе, чтобъ возможно плодотворнѣе служить обновлявшемуся реформами русскому обществу.

И вотъ, вслѣдъ за «Самоуправленіемъ», А. И. принялся за новый обширный трудъ, вышедшій въ свѣтъ въ 1876 г. подъ заглавіемъ «Землевладѣніе и земледѣліе въ Россіи и другихъ европейскихъ государствахъ». Это сочиненіе вызвало у насъ цѣлую литературу по аграрному вопросу и сдѣлалось предметомъ оживленныхъ сужденій и въ заграничной печати. Преслѣдуя на этотъ разъ болѣе цѣли публициста, нежели строгаго научнаго изслѣдователя, А. И. обнаружилъ всю оригинальность своихъ личныхъ воззрѣній, вытекавшихъ изъ обильнаго опыта, и въ то же время собралъ въ своемъ трудѣ массу данныхъ, освѣщающихъ земельный вопросъ. Каковы бы ни были взляды критиковъ на новый трудъ А. И., но нельзя отрицать одного основнаго обстоятельства, что въ моментъ выхода въ свѣтъ «Землевладѣнія и земледѣлія», это изслѣдованіе оказало уже ту услугу, что оно со всѣхъ сторонъ освѣтило на-

стоящій смыслъ крестьянской реформы, начинавшій теряться въ массѣ самыхъ разнородныхъ мнѣній и положительныхъ и отрицательныхъ явленій въ народной жизни. Не надо при этомъ забывать, что время выхода книги было критическимъ въ томъ отношеніи, что противники реформы старались тогда всѣ отрицательныя явленія въ народной жизни отнести на счетъ самой реформы и получить тѣмъ право на нориcаніе ея основной идеи. Ссылаясь на исторію аграрнаго устроенія въ Англіи, Германіи и Франціи и находя, что тамъ оно было проведено не въ пользу народной массы, экономическій и соціальный бытъ которой не представляетъ тамъ поэтому собою прочнаго, устойчиваго благосостоянія; что масса не можетъ вынести на себѣ тяжести государственнаго строя, А. И. указывалъ на нашъ аграрный строй и говорилъ: «мы полагаемъ, напротивъ, что Россія находится въ этомъ отношеніи въ положеніи лучшемъ, чѣмъ другія страны, что имущества у насъ распредѣлены ровнѣе, чѣмъ у другихъ народовъ, и что въ общемъ фондѣ народнаго богатства остается у насъ довольно свободнаго мѣста, свободныхъ имуществъ, чтобы уравнять по возможности соціальныя неровности. Наконецъ, мы также полагаемъ, что русское общество, въ своемъ историческомъ развитіи, не перешло еще того рокового рубежа, когда мирныя соглашенія и преобразованія становятся неисполнимыми по той причинѣ, что интересы разныхъ классовъ жителей, соприкасаясь и тѣсня другъ друга, вступили уже между собой въ соперничество и борьбу». Говоря далѣе, что этой борьбы пока еще нѣтъ у насъ, А. И. высказалъ, отъ лица лучшей части общества, слѣдующее пожеланіе: «дай Богъ, чтобъ мы воспользовались промежуточнымъ періодомъ, когда соціальныя отношенія у насъ еще окончательно не установились, чтобы порѣшить *по правдѣ и справедливости* аграрный вопросъ, причинившій столько замѣшательства всѣмъ народамъ древняго и новаго міра».

Предлагая въ своемъ сочиненіи цѣлую систему государственныхъ мѣръ, желательныхъ и необходимыхъ, вытекающихъ прямо изъ жизни, для поземельнаго устроенія народнаго быта, А. И. и лично не оставался въ бездѣйствіи. Еще въ 1870 году онъ сталъ во главѣ кружка дѣятелей по организаціи народнаго кредита; благодаря этой группѣ лицъ, поддержанной земствами, а впослѣдствіи и правительствомъ, возникли въ Россіи сельскія ссудныя товарищества. Не прошло и шести лѣтъ, какъ они начали устраиваться въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, какъ А. И. выступилъ съ вопросомъ о мелкомъ поземельномъ кредитѣ, которому посвящена имъ особая брошюра: «Мелкій земельный кредитъ въ Россіи»

(Спб. 1876). Въ устройствѣ такого кредита онъ видѣлъ осуществленіе части вопроса о поземельномъ устройствѣ крестьянъ.

Со времени выхода въ свѣтъ «Землевладѣнія и земледѣлія» и только что названной брошюры прошло пять лѣтъ, и за это время, какъ извѣстно, не произошло у насъ особеннаго движенія въ рѣшеніи поставленныхъ А. И. вопросовъ. Была тяжелая война, а за нею насталъ экономическій кризисъ; получилась новая масса отрицательныхъ фактовъ въ народной жизни. И вотъ, А. И., является съ новою брошюрою: «Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи» (Спб. 1881). Повторяя здѣсь основныя положенія свои, высказанныя въ сочиненіи 1876 года, и освѣщая ихъ новыми фактами, А. И. высказался, однако, и по вопросу о значеніи «кризиса»; онъ указывалъ, что кризисъ этотъ подготовленъ исторически и усиливается на счетъ неполнаго рѣшенія крестьянскаго поземельнаго вопроса.

Такова та область вопросовъ, ради служенія которымъ выступилъ на публицистическое поприще кн. А. И. Васильчиковъ, около 12 лѣтъ тому назадъ. Насколько онъ преданъ былъ сельскому дѣлу, можно судить по тому, что его постоянно можно было видѣть въ зимнее время за письменнымъ столомъ, работающимъ надъ какою-либо запиской, въ которой онъ излагалъ свои мнѣнія по какому-нибудь спеціальному вопросу, обсуждавшемуся въ правительственныхъ сферахъ, о чемъ часто просили его многія изъ лицъ, стоящихъ во главѣ управленія. Такъ, имъ было составлено не мало записокъ о нашей винно-акцизной системѣ, о подушной подати, о народномъ кредитѣ, о пониженіи выкупныхъ платежей. Въ 1876 году онъ написалъ брошюру: «Восточный вопросъ», замѣчательную по оригинальности взглядовъ автора. Брошюра, какъ и тѣ записки, не изданы въ свѣтъ. Наконецъ, нельзя не упомянуть о брошюрѣ А. И., изданной имъ въ 1875 году за границею подъ названіемъ: «Письмо министру народнаго просвѣщенія графу Толстому».

Прошлою зимою покойный А. И. работалъ надъ пересмотромъ своего сочиненія о землевладѣніи и земледѣліи, и къ веснѣ окончилъ даже печатаніе новаго изданія. Лѣтомъ онъ собирался написать предисловіе, но такъ и не успѣлъ. Силы его значительно ослабѣли, и для возстановленія ихъ онъ даже собирался уѣхать за границу. Смерть остановила все, и вмѣстѣ навсегда вырвала изъ небогатой дѣятелями среды русскаго общества человѣка честнаго, симпатичнаго и много потрудившагося—во имя одной общественной пользы.

А. Г.

(«Вѣстникъ Европы» 1881 г., ноябрь)

Русское общество понесло въ началѣ минувшаго мѣсяца весьма чувствительную потерю въ лицѣ князя А. И. Васильчикова. Смерть застигла его тѣмъ же неутомимымъ, энергичнымъ борцомъ за общее благо, какимъ онъ былъ въ продолженіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ своей жизни. Земскій дѣятель въ лучшемъ смыслѣ этого слова, онъ могъ бы оказать большія услуги именно теперь, въ эпоху преобразованій, предстоящихъ земству и всему обществу. Такія книги, какъ «Землевладѣніе и земледѣліе», не только цѣнный литературный трудъ, но и честный поступокъ. Въ то время, когда крестьянское дѣло оффиціально признавалось законченнымъ, положеніе крестьянъ—вполнѣ обезпеченнымъ, дальнѣйшее улучшеніе ихъ быта — опасной и неблагонамѣренной фантазіей, крупный землевладѣлецъ, аристократъ по рожденію и положенію, смѣло пошелъ наперекоръ теченію и провозгласилъ безотлагательность тѣхъ реформъ, которыя только теперь начинаютъ выдвигаться на очередь. Рискуя навлечь, и дѣйствительно навлекши на себя обвиненіе въ «соціализмѣ», онъ сталъ на сторону общины, мелкаго землевладѣнія, болѣе правильнаго распредѣленія поземельной собственности между различными классами населенія; онъ лишилъ противоположный лагерь возможности утверждать, что столь разрушительныя ученія находятъ защитниковъ лишь между тѣми, которымъ нечего терять, которыми руководитъ зависть къ богатству и ненависть къ богатымъ. Онъ вѣрилъ въ счастливое разрѣшеніе важнѣйшихъ экономическихъ вопросовъ, но подъ условіемъ своевременной и широкой ихъ постановки. Съ отдѣльными мнѣніями его можно было не соглашаться; онъ ошибался, напримѣръ, отрицая крестьянское малоземелье,—но ошибки его всегда были искренни и вознаграждались вѣрнымъ, яркимъ освѣщеніемъ другихъ сторонъ предмета. Немногіе способствовали больше, чѣмъ онъ, разъясненію важности крестьянскихъ переселеній, убыточности и неправильности той системы раздачи казенныхъ земель, которой только недавно положенъ конецъ. Князь Васильчиковъ— одинъ изъ первыхъ русскихъ научныхъ соціалистовъ (Katheder-socialisten), если понимать подъ этимъ именемъ людей, усвоивающихъ себѣ то, что есть хорошаго въ соціализмѣ, ставящихъ себѣ задачей мирное, постепенное устраненіе несовершенствъ общественнаго строя и отвергающихъ всякую мысль о насильственномъ переворотѣ, о безусловной нивеллировкѣ. Память о немъ, какъ о честномъ писателѣ и гражданинѣ, сохранится надолго, не только въ русской литературѣ, но и въ русскомъ обществѣ и народѣ.

(«Вѣстникъ Европы» 1881 г., ноябрь, стр. 371, внутр. обозр.)

ОЧЕРКЪ ВМѢСТО НЕКРОЛОГА.

Когда отходитъ отъ насъ выдающійся общественный дѣятель, то лучшая дань, какую можемъ мы принести на его могилу—это возстановить въ сознаніи общества основныя черты его образа мыслей.

Попытаемся принести эту дань на могилу автора «Самоуправленія».

«Современной Россіи нѣтъ другаго исхода, какъ примѣненіе и развитіе тѣхъ началъ, которыя провозглашены въ началѣ настоящаго царствованія»—писалъ князь Васильчиковъ въ 1869 году. Теперь это славное царствованіе—уже прошедшее; но исповѣданіе его основныхъ началъ для дальнѣйшаго ихъ развитія прозвучало надъ нами при самомъ началѣ новаго царствованія.

Трудъ о «Самоуправленіи», откуда взяты только что приведенныя слова, служилъ глубоко продуманною попыткою выяснить обществу настоящій смыслъ земскихъ учрежденій.

Помимо полнаго развитія земскихъ учрежденій, какъ органа мѣстнаго самоуправленія, князь Васильчиковъ считалъ невозможнымъ достиженіе настоящей гражданской свободы. «Формы правленія, говорилъ онъ, независимы отъ формъ управленія, и какія бы ни были первыя — самодержавныя или представительныя, монархическія или республиканскія—вторыя, т. е. формы управленія принимаютъ во всякомъ случаѣ одинъ изъ двухъ видовъ: или земскій, общественный, если мѣстное управленіе поручается мѣстнымъ обывателямъ, или бюрократическій, приказный — если мѣстное управленіе завѣдывается людьми сторонними» (I, 4.) *). Покойный хорошо понималъ, до какой степени необходимо выяснить эти понятія нашему обществу, «мало приготовленному, по его выраженію, къ политическимъ соображеніямъ», а потому и воображающему, «будто мѣстное самоуправленіе немыслимо безъ всенароднаго представительства». «Справедливо и вѣрно, говорилъ онъ, что самоуправленіе, при постоянномъ и благоразумномъ развитіи, ведетъ неминуемо къ народному представительству; и какъ ручьи, слѣдуя естественному склону почвы, сливаются въ рѣки и моря, такъ отдѣльныя мѣстныя учрежденія, слѣдуя естественному ходу событій, стекаются въ общія представительныя собранія». «Но невѣрно», продолжалъ князь Васильчиковъ, «будто народное представительство замѣняетъ мѣстное самоуправленіе и будто оно,

*) Выдержки приводятся по 3-му изданію (1872 г.).

безъ помощи мѣстныхъ учрежденій, обезпечиваетъ благосостояніе и свободу народа». Нагляднымъ историческимъ примѣромъ послужила для него Франція. «Съ первыхъ дней революціи, говорилъ онъ, уже протекло 80 лѣтъ. Такой періодъ испытаній достаточно длиненъ, чтобы судить по немъ объ успѣхѣ этого знаменитаго, на всѣхъ языкахъ и тонахъ прославленнаго опыта. Въ теченіе 80 лѣтъ всѣ усилія французской націи были посвящены исключительно... отысканію лучшей формы для выраженія всенародныхъ нуждъ... но въ омутѣ всевозможныхъ конституцій, хартій и декретовъ — самоуправленіе не нашло себѣ мѣста, и всѣ политическія партіи, поочередно достигая временнаго владычества, направляли свои силы къ подавленію самостоятельности мѣстныхъ учрежденій». Примѣръ Франціи, по мнѣнію князя Васильчикова, долженъ бы предостерегать отъ чрезмѣрныхъ надеждъ на представительную форму правленія. «Она, говорилъ онъ, прочна и сильна въ связи съ твердой земской и судебной организаціей, но одна, въ видѣ простаго центральнаго собранія или двухъ палатъ, созываемыхъ въ столицѣ для сужденія и рѣшенія государственныхъ дѣлъ, эта форма тѣмъ недостаточнѣе, чѣмъ обширнѣе государство, чѣмъ разнороднѣе пользы и нужды разныхъ мѣстностей».

«Народное представительство, утверждалъ онъ, уклоняется съ пути истины, если поглощаетъ въ самовластіи центральныхъ собраній (все равно—одного или двухъ) всѣ дѣла и должности мѣстныхъ учрежденій... Оно точно также ошибается, какъ и самодержавіе, полагаясь на собственныя свои силы для завѣдыванія всѣми отраслями внутренняго управленія, и точно также, какъ и вѣнчанные самодержцы, подпадаетъ подъ владычество приказныхъ людей, какъ скоро отвергаетъ содѣйствіе людей земскихъ».

Ссылаясь въ отрицательномъ смыслѣ на Францію, князь Васильчиковъ въ положительномъ смыслѣ указывалъ намъ на Англію, гдѣ «самоуправленіе получило свое основаніе прежде народнаго представительства. Не конвенты, не національное собраніе, говорилъ онъ, организировали земское общественное управленіе, а, напротивъ, общины основали народное представительство и слились въ собраніе, получившее и названіе палаты общинъ» (I, 24—28).

Понятно послѣ всего этого, что покойный менѣе всѣхъ могъ проникнуться тѣмъ негодованіемъ, какое въ ближайшее къ намъ время было возбуждено у насъ мнѣніемъ, что вмѣсто «увѣнчанія зданія» надо пока хорошенько заняться уѣздомъ и мѣстными крестьянскими учрежденіями.

Но, ссылаясь на Англію, князь Васильчиковъ былъ далекъ отъ того, чтобы считать и ее положительнымъ образцомъ во всемъ.

Такой европейски образованный человѣкъ, какъ онъ, и не могъ, конечно, высказываться за слѣпую и тупую подражательность. Высоко цѣня англійскій строй, отдавая справедливость его «командующимъ классамъ» за то, что, пользуясь избыткомъ правъ, они не избѣгаютъ и тяготы обязанностей, онъ съ другой стороны былъ далекъ отъ того, чтобы считать благомъ отсутствіе въ Англіи крестьянской поземельной собственности, полнѣйшую разобщенность землевладѣнія съ земледѣліемъ.

«Изученіе англійскихъ учрежденій, говорилъ онъ, должно быть положено въ основаніе общественнаго воспитанія нашего времени, хотя въ строгомъ смыслѣ едва-ли какое-либо изъ этихъ учрежденій можетъ быть приспособлено слово въ слово къ быту другихъ народовъ» (II, 518). Что касается средне-европейскихъ государствъ, то они, по мнѣнію князя Васильчикова, могутъ скорѣе служить для насъ предостереженіемъ, чѣмъ наставленіемъ. «Цивилизація ихъ шла слишкомъ быстро, выгонялась мѣрами слишкомъ насильственными» (II, 542). «Требованія современнаго прогресса, государственнаго устроенія и полицейскаго благоустройства вездѣ превосходили силы и средства обывателей, въ особенности сельскихъ»... «Отъ этого произошло самое печальное и многознаменательное явленіе современнаго міра, то именно, что мѣстности, отдаленныя отъ центральныхъ городовъ и учрежденій, не извлекая никакой пользы отъ прогресса... и ихъ жители, составляющіе огромное большинство народа, вовсе отклонились отъ общаго движенія столично-городской цивилизаціи и получили не только недовѣріе къ ней, но и отвращеніе отъ представленій либерализма и соціализма, разыгрываемыхъ на ихъ счетъ, но не въ ихъ пользу, разными политическими партіями, консервативными и радикальными» (538—39).

Невыгодныя стороны западно-европейскаго строя ярко выставлены и во второмъ большомъ трудѣ князя Васильчикова — «О землевладѣніи и земледѣліи» *). «Въ однихъ государствахъ, замѣчаетъ онъ тутъ, часть народа, обезземеленная въ пользу другихъ сословій, была больше, въ другихъ меньше... но въ средней сложности можно принять, что болѣе половины всѣхъ сельскихъ жителей Европы были постепенно обезземелены и изгнаны изъ своихъ сельскихъ дворовъ и домовъ въ города, на фабрики и заводы, на такъ называемые вольные промыслы» (I, стр. II—III). Заложенное въ темную пору феодализма ни мало не пошатну-

*) Появилось въ 1876 г.

лось, а еще закрѣпилось подъ просвѣтительнымъ вліяніемъ возрожденія классической древности, или такъ называемаго гуманизма, вызвавшаго у Ульриха фонъ-Гуттена его знаменитый восторженный кличъ: «теперь весело жить!»—«Изъ исторіи не видно—замѣчаетъ князь Васильчиковъ—чтобы классическая цивилизація, какъ ее понимали древніе и приспособляли новѣйшіе народы, чтобы эта цивилизація, которую намъ выдаютъ за образцовую, гдѣ либо способствовала благосостоянію народовъ; напротивъ, она вездѣ устроивалась на счетъ низшихъ классовъ въ пользу среднихъ и высшихъ, и преданія Греціи и Рима, по коимъ учились новѣйшіе реформаторы, выучили ихъ только подражать этимъ примѣрамъ, погубившимъ древнія общества и угрожающимъ такой же гибелью и новѣйшимъ» (XXIII) *). Понятно послѣ этого, что издавній процессъ обезземеленія могъ усиленно и ускоренно довершиться при свѣтѣ «просвѣтительной философіи», какъ ее называютъ. «Въ средней Европѣ — говоритъ князь Васильчиковъ—первыя мѣропріятія къ освобожденію крестьянъ относятся къ началу XVIII столѣтія, а послѣднія и самыя дѣйствительныя законоположенія о выкупѣ крѣпостныхъ повинностей послѣдовали только въ 1848 и послѣдующихъ годахъ; но во многихъ государствахъ выкупная операція и по сіе время еще продолжается. Этими долгими операціями воспользовалась, разумѣется, та сторона, которая во все это время располагала властью, и покуда шли философскія пренія о правахъ человѣка, о равенствѣ и братствѣ, о соціальномъ контрактѣ и тому подобныхъ благотворныхъ началахъ, покуда публицисты, энциклопедисты и государственные люди сочиняли и поправляли проэкты эмансипаціи рода человѣческаго—половина этого рода была обобрана другой» (XXI).

Отъ Запада обращаясь къ намъ, князь Васильчиковъ замѣчаетъ, что организація крупнаго землевладѣнія и богатаго дворянства въ Россіи собственно и принадлежитъ этому просвѣтительному и для насъ XVIII в.— вѣку вольности, дворянства и неволи крестьянъ, какъ онъ выражается (I, 408). «Чтобы основать, по примѣру другихъ странъ, по образцу цивилизованныхъ европейскихъ государствъ, прочное право собственности въ знатныхъ фамиліяхъ, оставалось снять съ благороднаго дворянства обязанность служить своему отечеству, перенести все государ-

*) Это глубокомысленное воззрѣніе на руководящія начала классической образованности отразилось, конечно, и на извѣстномъ открытомъ письмѣ князя Васильчикова къ графу Толстому по поводу введенія у насъ учебнаго классицизма (1875 г.).

ственное тягло на низшій классъ народа». Это и было сдѣлано при Петрѣ III. Дворяне получили даже право принимать службу и въ европейскихъ союзныхъ намъ державахъ, а ихъ имѣнія конфисковались только въ томъ случаѣ, если они по вызову изъ чужихъ краевъ на службу не явятся (431). «Такимъ образомъ, дворянинъ россійскій — «этотъ гражданинъ вселенныя», по одобрительному выраженію Карамзина, могъ, не только пребывая, но и служа внѣ Россіи, «жить Россіею» (т. е. крѣпостнымъ трудомъ русскаго мужика). При Екатеринѣ, по исчисленію князя Васильчикова, у благороднаго россійскаго дворянства прибыло цѣлыхъ 800,000 раздаренныхъ ею въ разное время въ крѣпостную собственность крестьянъ; всего же втеченіе XVIII вѣка ихъ было пожаловано до 1.304,000 душъ, т. е. «безъ малаго половина крѣпостныхъ людей происходятъ изъ источника всемилостивѣйшаго пожалованія» (483). «Всѣ эти мѣропріятія — заключаетъ князь Васильчиковъ — относятся не къ древнимъ временамъ варварства и злодѣйства московскихъ царей, а къ тому образованному вѣку, когда европейская цивилизація проникла въ высшія сферы русскаго общества... къ тому времени, когда наше правительство сроднилось съ Европой и наше старинное боярство успѣло уже выучиться у польскаго шляхетства, у нѣмецкаго баронства, искусству округлять свои владѣнія и расширять свою власть въ качествѣ благороднаго сословія—опоры престола и для вящшаго упроченія монархической власти и священныхъ правъ собственности» (I, 456).

Но вотъ, наконецъ, наступила пора, когда сама верховная власть, на которую не переставалъ уповать народъ, не захотѣла видѣть свою опору въ «вольности дворянства, соединенной съ неволей крестьянъ». Но именно эта пора — вовсе не къ удивленію князя Васильчикова — положеннымъ въ основаніе освобожденію крестьянъ принципомъ подушнаго земельнаго надѣла «вызвала въ европейской интеллигенціи такую единодушную вражду противъ Россіи, съ какою въ прежнія времена не преслѣдовалась ни одна изъ національностей Европы». «Знамя противодѣйствія было поднято польскими панами и остзейскими баронами... Но и вся либеральная Европа стала на сторону этихъ двухъ сословій: демократическая Франція на сторону польскаго панства, передовые дѣятели Германіи на сторону остзейскаго баронства, и такимъ образомъ вышло, что радикальная реформа, произведенная въ Россіи, имѣла противъ себя въ Европѣ почти всѣ органы не только консервативной, но и прогрессивной партіи»... (XLI). «Съ своей точки зрѣнія,—готовъ безпристрастно заключить князя Васильчиковъ — съ своего соціальнаго положенія, иноземцы правы: для остзейскаго барона, для польскаго пана, для нѣмец-

каго ритергутсбезитцера, поголовный надѣлъ землей есть прямое отрицаніе его правъ собственности, основанныхъ на первобытномъ завоеваніи послѣдующихъ захватахъ и окончательной экспропріаціи народныхъ массъ. Но это не значитъ, чтобы мы должны были отречься отъ началъ, на коихъ основана была наша гражданственность; какая она ни на есть, выросла и укрѣпилась она не столько силой оружія, сколько работой черныхъ людей. Они, черные люди, собрали подъ скипетръ великихъ своихъ государей новыя земли; бродяги, казаки, старовѣры, присоединили къ русской державѣ болѣе областей, чѣмъ всѣ наши арміи и флоты»... (XLIV).

Да, мы не должны забывать нашихъ «черныхъ людей», должны, напротивъ того, всѣ наши старанія направить на пользу имъ—особенно послѣ того, какъ искупительной жертвою палъ ихъ Освободитель. Исторія раскроетъ со временемъ, насколько въ принесеніи этой жертвы участвовали тѣ чуждыя, по принципу намъ враждебныя силы, о которыхъ говоритъ князь Васильчиковъ, и насколько слѣпымъ орудіемъ тутъ оказались свои—подъ лукаво надъ ними распущеннымъ знаменемъ яко бы народолюбиваго соціализма. Чѣмъ выше, чѣмъ драгоцѣннѣе павшая у насъ жертва, тѣмъ живѣе, тѣмъ настоятельнѣе должны быть наши старанія о томъ, чтобы вышло все же на зло нашимъ недругамъ по принципу, чтобы великое дѣло Освободителя продолжалось!

Но намъ не грѣхъ призадуматься и надъ тѣмъ, что бы вышло, еслибъ панство, баронство — и еще третья, неотмѣченная у князя Васильчикова, но все болѣе и болѣе выдающаяся сила—капиталистическое жидовство получили законную возможность сплотиться у насъ въ обязательное для другихъ большинство, перетянувъ часть этихъ другихъ, т. е. русскихъ, на свою сторону, остальныхъ же раздробивъ, при помощи нашей недальновидной розни, на множество враждебныхъ другъ другу партій? Каково бы пришлось при такомъ обязательномъ большинствѣ тому черному люду, которому великій актъ 19 февраля достался благодаря тому, что самодержавная власть согласилась тогда съ меньшинствомъ?

Князь Васильчиковъ до конца своей жизни съ глубокимъ убѣжденіемъ стоялъ за основныя начала 19 февраля и земской реформы, вполнѣ сознавая съ другой стороны многія несовершенства въ ихъ осуществленіи. На раздраженные голоса своей же братіи — аристократовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ, онъ настоятельно утверждалъ, что «крестьянство занимаетъ въ Россіи первенствующее мѣсто въ общественномъ и земскомъ строѣ, первенствующее не только по своей многочисленности... но и

потому, что оно... тѣснѣе связано и среди всякихъ внѣшнихъ, свыше исходящихъ притѣсненій и невзгодъ, окрѣпло во внутреннемъ, униженномъ своемъ составѣ». Онъ продолжалъ также утверждать, что «то вліяніе или нравственное преобладаніе образованныхъ классовъ надъ народными массами, которое мы называемъ позаимствованнымъ изъ Польши именемъ интеллигенція, всегда было и будетъ въ Россіи слабѣе, чѣмъ у прочихъ народовъ, потому что тѣ слои общества, на которые у насъ должна дѣйствовать интеллигенція, въ Россіи тверже, чѣмъ въ Западной Европѣ, менѣе доступны внѣшнимъ вліяніямъ и имѣютъ свои особыя воззрѣнія, свои отдѣльные интересы, замкнутые въ кругъ крестьянскихъ сельскихъ общинъ».

Утверждая все это, князь Васильчиковъ былъ готовъ съ другой стороны признать, что въ преобладаніи крестьянства «кроется явная, осязательная опасность для нравственнаго прогресса и цивилизаціи нашего отечества», какъ въ свою очередь и въ общинномъ землевладѣніи заключается «главнѣйшее препятствіе къ улучшенію земледѣльческой культуры». Онъ признавалъ превосходство этой послѣдней на Западѣ, достигнутое при помощи личной и притомъ крупной поземельной собственности, — но признавалъ также, что такая высокая культура досталась Западной Европѣ слишкомъ дорогою цѣною—цѣною обезземеленія свыше половины земледѣльческаго класса. Становясь на сравнительно историческую точку зрѣнія, онъ не видѣлъ возможности «разстраивать вѣковой ходъ нашего общественнаго построенія» и полагалъ, «что съ нимъ надо помириться, точно такъ, какъ мы миримся съ суровостью нашего климата и съ другими преградами, воздвигнутыми историческими и естественными явленіями, независящими отъ человѣческой воли». Онъ полагалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что «препятствія эти не непреодолимы», и что наши наслѣдственныя историческія неудобства «скорѣе могутъ быть исправлены, чѣмъ другіе неизлечимые недуги, коими болѣютъ другія общества»... «Наше общественное развитіе», заключалъ онъ, «вполнѣ зависитъ отъ той степени умственнаго и нравственнаго образованія, до котораго возвысится у насъ низшій классъ народа» («О самоупр.» I, XXXVI—XXXVIII.

Отсюда необходимость самой широкой постановки именно у насъ народной школы, вмѣсто усиленныхъ заботъ объ аристократическомъ классицизмѣ, въ пользу котораго еще недавно одно изъ земствъ оттягало 100,000 изъ тощей народной суммы.

Историческая точка зрѣнія князя Васильчикова, полная безпристрастія и спокойствія, но въ то же время чуждая сухости и безсердечія, должна бы служить у насъ школою многимъ и очень многимъ, между

прочимъ и тѣмъ, кто читалъ о немъ рѣчи или писалъ статьи послѣ его смерти. Усердные поклонники князя Васильчикова должны бы прежде всего поработать надъ нимъ и понять его. Изученіе его сочиненій могло бы, между прочимъ, оградить насъ отъ окончательнаго упроченія у насъ замашки—писать историческія статьи языкомъ того почтеннаго архиваріуса, которымъ сочинена «Исторія одного города». Мы не мало начитались такихъ статей за послѣднее время.

Князь Васильчиковъ понималъ не хуже другихъ, что послѣдствія 19-го февраля соединились у насъ съ своего рода экономическимъ кризисомъ. Онъ думалъ, однако, что кризисъ этотъ отчасти преувеличенъ и что мѣры противъ него могли бы оказаться не за горами. Этому вопросу посвящена его послѣдняя книга—«Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи»[1]). Причину кризиса онъ тутъ усматриваетъ въ томъ, что въ былое крѣпостническое время «земледѣльцы и землевладѣльцы безсознательно растрачивали самый капиталъ имѣній, истощали производительныя силы природы и хищнической культурой поддерживали свои хозяйства». «Освобожденіе крестьянъ и ликвидація прежняго землевладенія, утверждалъ онъ, совпали въ Россіи съ тѣмъ моментомъ, когда естественное богатство страны, растраченное грубыми культурами, начало склоняться къ упадку». Значитъ, по мнѣнію кн. Васильчикова, уничтоженіе крѣпостного права не только не было преждевременно, какъ думали многіе, но напротивъ того—запоздало. Пусть же историческая отвѣтственность падетъ на всѣхъ тѣхъ, кто, не смотря на свою европейскую образованность, или даже при помощи цитатъ изъ самого Руссо, заставляли все откладывать и откладывать роковой неотложный вопросъ! Другую не менѣе важную причину нашего кризиса кн. Васильчиковъ видѣлъ въ томъ, что «пропорція между экономическими нашими силами и трудомъ, требуемымъ для устроенія государства, для введенія новыхъ порядковъ и всякихъ улучшеній, — что пропорція эта была нарушена, что напряженіе было слишкомъ сильное и внезапное, и что во имя будущихъ благъ, среди высокихъ порывовъ къ прогрессу, забыто одно — «тотъ источникъ, изъ коего черпаются всѣ рессурсы общественнаго и государственнаго преуспѣянія—хозяйственные интересы страны и народа». «Какъ бы ни были, заключаетъ онъ, высоки цѣли—надо прежде подумать о средствахъ и укротить порывы къ гражданскому и государственному благоустройству, покуда не обезпечено и не упрочено народное благосостояніе» (140—145).

---

[1]) Вышла въ 1881 году.

Но эти ошибки нашей поры находятся въ своего рода преемственной связи съ тою издавнею ошибочною системой, о которой князь Васильчиковъ говорилъ еще въ концѣ своей книги о «Самоуправленіи»: «Русская земля бѣдна потому, что она, т. е. земля, почва въ буквальномъ смыслѣ слова, платитъ сверхъ силъ, сверхъ того, что̀ производитъ... потому что тягло частное, земское и казенное, испоконъ вѣку лежало и продолжаетъ лежать въ Россіи на земледѣліи, угнетая трудъ и преимущественно трудъ хлѣбопашества, т. е. ту самую вѣтвь народной производительности, которая наиболѣе требуется для воздѣлыванія и оплодотворенія необъятной площади Русской имперіи».

Такова сущность мыслей князя Васильчикова, — крупнаго землевладѣльца и аристократа (если эта западно-европейская кличка имѣетъ смыслъ у насъ на Руси; онъ же самъ полагалъ, что она его не имѣетъ). Грѣшно было бы не признать, что онъ своимъ направленіемъ искупаетъ отчасти грѣхи нашего барства и нашей интеллигенціи (если и она у насъ есть въ европейскомъ смыслѣ) — начиная съ тѣхъ бояръ, которые условіемъ передачи русской земли королевичу Владиславу ставили сохраненіе за ними крѣпостного права, и доходя хоть до Карамзина, утѣшавшагося тѣмъ, что наши доморощенные маркизы Позы могутъ «внѣ Россіи жить Россіею». Если русское выраженіе «лучшіе люди» имѣетъ у насъ право на существованіе, то однимъ изъ нихъ безъ грѣха можно будетъ признать князя А. И. Васильчикова.

Враги покойнаго — а у всякой выдающейся личности ихъ всегда не мало — утверждали, будто его направленіе усвоено имъ только ради оппозиціи, вслѣдствіе какихъ-то неосуществившихся честолюбивыхъ стремленій и видовъ. Оппозиція, фрондёрство, въ самомъ дѣлѣ явились у насъ на другой же день послѣ освобожденія крестьянъ. Вчерашніе крѣпостники забредили вдругъ парламентомъ. Но кто же рѣшится отнести въ этотъ лагерь князя Васильчикова? Да и какъ же можно усмотрѣть фрондерство въ направленіи, заявляющемъ не что иное, какъ спасительность тѣхъ началъ, которыя были провозглашены самимъ государемъ?

Оставивъ на долю врагамъ и завистникамъ ихъ безсильную злобу, не стихающую у нѣкоторыхъ натуръ и передъ свѣжей могилой, соединимся съ покойнымъ въ его задушевномъ желаніи, чтобы начала, провозглашенныя Александромъ II, въ мирѣ и благоденствіи примѣнялись и развивались при его державномъ преемникѣ! **Ор. Миллеръ.**

(«Историческій Вѣстникъ» 1881 г., № 11).

Князь Александръ Илларіоновичъ скончался 2-го октября послѣ непродолжительной болѣзни.

С.-Петербургское Отдѣленіе Комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ теряетъ въ немъ своего основателя и Предсѣдателя, а ссудо-сберегательныя товарищества человѣка постоянно относившагося къ нимъ съ сочувствіемъ, и всегда готоваго помочь имъ дѣломъ и совѣтомъ.

Въ виду свѣжей могилы усопшаго, мы не въ состояніи сдѣлать подробной, всесторонней оцѣнки его дѣятельности, его стремленій, его идеаловъ; скажемъ только, что вся жизнь этого истинно русскаго человѣка была посвящена общественному служенію. Уже въ сороковыхъ годахъ имя Князя Васильчикова встрѣчается среди предводителей дворянства Новгородской губерніи; приготовительныя работы къ освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и осуществленіе этой великой реформы находятъ въ немъ горячаго ревнителя; съ открытіемъ земскихъ учрежденій Князь принимаетъ въ нихъ самое дѣятельное участіе; участіе это не ограничивается заботами о мелкихъ земскихъ нуждахъ—Князь смотритъ на это общее русское дѣло съ свойственною ему прозорливостью, онъ изучаетъ его во всѣхъ подробностяхъ и плодомъ его усиленной дѣятельности является въ 1868 году капитальное сочиненіе «О самоуправленіи», установившее правильный взглядъ на многія отрасли земскаго дѣла не только среди земскихъ людей, но и въ правительственныхъ сферахъ. Изучая наши земскія нужды, Князь Александръ Илларіоновичъ остановился на отсутствіи въ Россіи народнаго мелкаго кредита, безъ котораго невозможно развитіе сельскохозяйственной и промышленной дѣятельности большинства населенія. Будучи человѣкомъ не только слова, но и дѣла, Князь, убѣдившись въ необходимости мелкаго краткосрочнаго кредита, немедленно рѣшился привить его нашему сельскому люду.

Лѣтомъ 1870 года Князь представилъ Новгородскому земскому собранію уставъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ и вмѣстѣ съ симъ опредѣлилъ правильныя отношенія земства къ товариществамъ. Оба предложенія были приняты Новгородскимъ земствомъ и съ этого времени началось въ Россіи развитіе ссудо-сберегательныхъ товариществъ.

Сознавая затѣмъ, что одинъ въ полѣ не воинъ, Князь Александръ Илларіоновичъ воспользовался съѣздомъ въ концѣ 1870 г. сельскихъ хозяевъ въ Москвѣ, чтобъ вызвать къ жизни особый Комитетъ, имѣющій цѣлью способствовать возникновенію и развитію въ Россіи ссудосберегательныхъ товариществъ и, будучи избранъ Предсѣдателемъ С.-Пе-

тербургскаго Отдѣленія Комитета, сдѣлался двигателемъ народнаго кредита въ Россіи.

Въ теченіи пяти лѣтъ, до 1876 г., пока возникающее дѣло товариществъ требовало особыхъ неусыпныхъ заботъ, мы видимъ Князя напрягающимъ всю свою дѣятельность къ правильной постановкѣ вопроса. Только по прошествіи этого времени, когда товарищества вышли, такъ сказать, на торную дорогу, онъ счелъ возможнымъ перейти къ разработкѣ долгосрочнаго народнаго кредита, удовлетворяющаго другой потребности,— именно увеличенію земельныхъ участковъ нашего крестьянства. Одновременно съ началомъ разработки этого вопроса появляется новый замѣчательный трудъ Князя «Землевладѣніе и земледѣліе». Осуществленія крестьянскаго земельнаго кредита, изученію котораго были посвящены послѣдніе годы жизни Князя, не суждено было ему увидѣть.

Князь Александръ Илларіоновичъ отошелъ въ вѣчность, намѣтивъ многіе идеалы, къ коимъ должно стремиться русское общество. Исторія минувшаго царствованія, полнаго великихъ дѣлъ Царя-Освободителя, не пройдетъ молчаніемъ плодотворной дѣятельности одного изъ лучшихъ русскихъ людей: свѣтлый образъ незабвеннаго Князя Александра Илларіоновича будетъ изъ рода въ родъ служить путеводною звѣздою всему доброму и честному.

Миръ праху твоему, мужъ чести и добра, такъ искренно, горячо и безкорыстно любившій свою родину. Къ Царскому спасибо *) присоединимъ русское сердечное спасибо отъ всѣхъ воспользовавшихся твоими трудами. Прими земной поклонъ и отъ членовъ того учрежденія, душою котораго ты былъ въ теченіе многихъ лѣтъ; для насъ останешься ты навсегда связующимъ звеномъ и вѣчная о тебѣ память останется въ благодарныхъ сердцахъ нашихъ.

(«Листокъ Спб. Отдѣл. Комит. о сельскихъ ссудо-сберегат. и промышл. товариществахъ» 1881 г., № 2).

Въ прошломъ мѣсяцѣ Россія лишилась одного изъ лучшихъ людей своихъ, князя Александра Илларіоновича Васильчикова, скончавшагося въ своемъ имѣніи Трубетчинѣ, Тамбовской губерніи. Журналъ «Русская Рѣчь» имѣлъ честь считать покойнаго князя въ числѣ своихъ постоянныхъ сотрудниковъ, хотя, къ сожалѣнію, статья князя появилась въ нашемъ журналѣ всего лишь одинъ разъ, въ январьской книгѣ журнала

*) Въ томъ же нумерѣ «Листка», откуда мы взяли эту статью, было помѣщено оффиціальное извѣщеніе Министра Государственныхъ Имуществъ о Высочайшей Александру Илларіоновичу благодарности.

за текущій годъ. Заслуги покойнаго князя на поприщѣ радѣнія благу родной земли, его обширные и почтенные научные труды хорошо извѣстны всякому русскому человѣку, знакомому съ русскимъ земельнымъ вопросомъ въ его различныхъ отрасляхъ. Въ виду того, что почти всѣ органы нашей прессы уже дали болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія, какъ о біографіи покойнаго князя, такъ и объ его литературныхъ трудахъ, мы, въ настоящее время, не будемъ касаться ни этихъ трудовъ, ни біографіи князя, впредь до собранія для нея вполнѣ достовѣрныхъ и подробныхъ данныхъ; а теперь коснемся только его участія въ нашей періодической прессѣ. Покойный князь уже давно думалъ объ основаніи ежедневной газеты; но устроить ея редакцію такъ, какъ онъ того желалъ, ему не удавалось. Затѣмъ онъ не разъ выражалъ свое желаніе объ основаніи двухнедѣльнаго журнала, по образцу «Revue des deux mondes». Его отношенія къ нашему журналу начались съ прошлаго года, когда онъ, желая принять дѣятельное участіе въ нашемъ изданіи, съ удовольствіемъ согласился поставить свое имя въ числѣ постоянныхъ сотрудниковъ нашего журнала и доставилъ свою статью для январьской книги нынѣшняго года.

Ужасное событіе 1-го марта глубоко потрясло давно уже недомогавшаго князя. Въ послѣднемъ письмѣ своемъ къ редактору отъ 23 мая изъ села Трубетчины, князь, между прочимъ, пишетъ:

«... Разныя причины, а всего болѣе политическія событія нынѣшняго года, такъ меня потрясли и разстроили физически и нравственно, что я поселился въ деревнѣ для отдыха и долженъ избѣгать всяческихъ занятій. Притомъ же и время для литературныхъ трудовъ неудобно; тому 10—15 лѣтъ я началъ писать о разныхъ соціальныхъ и экономическихъ вопросахъ, когда еще можно было надѣяться предупредить замѣшательства и когда вопросы эти обсуждались хладнокровно, безпристрастно. Теперь ужъ поздно писать, надо дѣлать, и прежде всего успокоить общество, смущенное злодѣйствами. Эти причины, а еще болѣе разслабленіе, которое понятно въ мои годы, заставляютъ меня отказаться отъ всякаго участія въ публицистикѣ».

Письмо это заканчивается слѣдующими грустными словами:

«Я считаю себя человѣкомъ отпѣтымъ, къ дѣлу болѣе не годнымъ, и желалъ бы только, подъ конецъ жизни, сохранить благорасположеніе тѣхъ людей, которыхъ, какъ васъ, искренно уважалъ».

Державная воля вызвала князя изъ мѣста его отдохновенія. Онъ, какъ извѣстно, былъ приглашенъ въ составъ перваго, весьма незначительнаго количества думныхъ людей, собранныхъ для участія въ обсуж-

деніи вопроса о пониженіи выкупныхъ платежей. Отказаться отъ подобнаго приглашенія князь, конечно, не могъ; но время, проведенное имъ лѣтомъ въ Петербургѣ, вмѣсто спокойнаго отдыха въ деревнѣ, въ связи съ его усиленными занятіями, настолько разстроили его слабое здоровье, что онъ возвратился въ Трубетчино совсѣмъ больной, гдѣ въ октябрѣ и скончался.

Миръ твоему праху честный и разумный гражданинъ Русской земли!

(«Русская Рѣчь» ноябрь, 1881 г.)

Слѣдующая статья В. Я. Стоюнина, напечатанная въ январьской книжкѣ журнала «Наблюдатель», къ сожалѣнію не могла быть перепечатана нами цѣликомъ. Всѣ разсужденія автора о взглядахъ Александра Илларіоновича на народное образованіе помѣщаются въ нашемъ пересказѣ безъ выдержекъ изъ письма А. И. къ гр. Толстому, такъ какъ въ нашей книгѣ можно подробно познакомиться съ этимъ письмомъ.

Честный общественный дѣятель, весьма умный и многосторонне-образованный публицистъ—вотъ какіе эпитеты соединяются съ именемъ князя Александра Илларіоновича Васильчикова. Извѣстіе объ его смерти не могло не вызвать мысли, что Россія лишилась одного изъ лучшихъ своихъ гражданъ, одного изъ любившихъ ее горячо своихъ сыновей, одного изъ самыхъ полезныхъ дѣятелей, которыхъ можно поставить въ примѣръ всѣмъ прочимъ, и въ особенности лицамъ того сословія, къ которому онъ принадлежалъ по рожденію. «Смотрите, вотъ примѣръ для васъ!» мнѣ кажется, эти слова—лучшая эпитафія умершему, такъ какъ въ нихъ выражается признаніе заслугъ его.

Сынъ извѣстнаго генерала, отличившагося въ отечественную войну 1812 года, возвышеннаго императоромъ Николаемъ Павловичемъ до званія предсѣдателя Государственнаго Совѣта и возведеннаго въ княжеское достоинство, Александръ Илларіоновичъ, послѣ домашняго воспитанія, слушалъ лекціи въ петербургскомъ университетѣ и затѣмъ вступилъ въ гражданскую службу. Она, при тогдашней формалистикѣ, не могла вызвать его къ какой-либо видной дѣятельности. Образъ его мыслей не согласовался съ общимъ направленіемъ той сферы, гдѣ ему пришлось

вращаться. Онъ былъ перемѣщенъ на Кавказъ и тамъ-то, въ Пятигорскѣ, сблизился съ поэтомъ Лермонтовымъ и въ качествѣ секунданта былъ свидѣтелемъ его смерти послѣ роковой дуэли. Но не смотря на эту близость къ поэту, князь Васильчиковъ по одному чувству справедливости никогда не старался оправдывать его и всегда находилъ, что причина преждевременной смерти нашего поэта лежала въ немъ самомъ, въ его характерѣ, надъ которымъ воспитаніе мало поработало *).

Какъ общественный дѣятель, князь Васильчиковъ является тотчасъ же послѣ освобожденія крестьянъ, которому онъ не могъ не сочувствовать, какъ человѣкъ развитый, нравственный и хорошо образованный. Онъ сразу понялъ, въ какое отношеніе должно стать помѣстное дворянство къ освобожденному крестьянству, чтобы вышло добро для тѣхъ и другихъ. Явиться честнымъ руководителемъ народа, не привыкшаго еще къ свободѣ, совѣтникомъ, безкорыстнымъ другомъ, довести его до убѣжденія, что дѣло помѣщика и крестьянина одно и то же дѣло, которое легко можетъ пострадать отъ ихъ взаимнаго недовѣрія и враждебности— вотъ что нужно было сдѣлать дворянству, чтобы не пострадали его интересы и чтобы освобожденный народъ къ обоюдной пользѣ призналъ его за своихъ доброжелателей, руководителей, и охотно бы вступилъ съ нимъ въ связь нравственную и экономическую. Дворянству легко было стать во главѣ народа и общими силами поддержать какъ свое, такъ и народное хозяйство. Тогда мы не видѣли бы тѣхъ тяжелыхъ послѣдствій, ка-

*) Лермонтовъ всегда устремлялъ свои язвительныя насмѣшки на тѣхъ лицъ, которыя давали ему слабый отпоръ, и часто опрометчиво оскорблялъ ихъ, не думая потомъ брать назадъ свои слова. То же случилось и въ послѣднемъ столкновеніи его съ Мартыновымъ, котораго онъ постоянно язвилъ сарказмами; не находя въ немъ достаточно силы, чтобы отвѣчать тѣмъ же, онъ позволилъ себѣ зайти слишкомъ далеко: сталъ унижать своего слабаго противника въ присутствіи особы, которою тотъ очень интересовался. Мартыновъ былъ наконецъ выведенъ изъ терпѣнія и обратился къ поэту съ упреками, въ отвѣтъ на которые тотъ новыми шутками почти заставилъ его вызвать себя на дуэль. Она была, такъ сказать, навязана Мартынову, хотя вызовъ и послѣдовалъ съ его стороны. Разстроить ее не было никакой возможности. Когда Лермонтову, хорошему стрѣлку, былъ сдѣланъ со стороны секунданта намекъ, что онъ, конечно, не намѣренъ убивать своего противника, то онъ и здѣсь отнесся къ нему съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ, со словами: «стану я стрѣлять въ такого д.....», не думая, что были сочтены его собственныя минуты.

Такъ разсказывалъ князь Васильчиковъ объ этой несчастной катастрофѣ, мы записываемъ его слова, какъ разсказъ свидѣтеля смерти нашего поэта.

кія намъ приходится переживать въ настоящее время. Къ сожалѣнію, большинство дворянства не поняло своего значенія, не съумѣло обсудить своего новаго положенія, чтобы опредѣлить, какое отношеніе къ свободному крестьянству можетъ и должно назваться правильнымъ и разумнымъ. Въ этомъ состояла его огромная и, можетъ быть, неисправимая ошибка. Оно въ большинствѣ враждебно отнеслось къ новому сословію, только что начинавшему жить человѣческою жизнью. Поддавшись чувству самосохраненія, это большинство не хотѣло или не умѣло понять, гдѣ и въ чемъ отнынѣ живая его сила. Оно не выяснило своей настоящей связи съ крестьянствомъ и не спасло себя отъ раззоренія, да и крестьянамъ не послужило добрымъ примѣромъ. Конечно, главною виною всему былъ недостатокъ въ большинствѣ дворянства надлежащаго образованія, которое не развило въ немъ ни правильныхъ политическихъ и экономическихъ понятій, ни высшихъ нравственныхъ стремленій.

Совсѣмъ не такъ посмотрѣло на задачу помѣстнаго дворянства развитое и образованное меньшинство его, къ которому принадлежалъ и князь Александръ Илларіоновичъ вмѣстѣ съ братомъ, также уже покойнымъ, Викторомъ Илларіоновичемъ.

Владѣя значительными помѣстьями въ Новгородской губерніи, онъ не затруднился сдѣлать естественный переходъ отъ рабовладѣльца къ землевладѣльцу и стать къ освобожденному народу въ настоящія правильныя отношенія, основанныя на честномъ, свободномъ трудѣ. Онъ вѣрно разсчиталъ выгоду относиться по-сосѣдски къ сотнямъ сосѣдей-земледѣльцевъ, и первый подалъ имъ примѣръ такого отношенія, вовсе не думая жертвовать своими интересами. Напротивъ, онъ даже не хотѣлъ и наводить ихъ на мысль, будто онъ склоненъ имъ благодѣтельствовать. Смотря на дѣло прямо и честно, безъ всякой задней мысли, онъ угадалъ, что только взаимныя выгоды могутъ крѣпко связать новаго помѣщика съ окружающимъ крестьянствомъ. Съ этой мыслью онъ не затруднился перейти къ новымъ экономическимъ условіямъ, завести новое хозяйство и забыть всѣ прежнія помѣщичьи привычки. И скоро онъ убѣдился, что свободный трудъ крестьянина производительнѣе крѣпостническаго и можетъ послужить къ выгодѣ самого помѣщика, съ однимъ только условіемъ, чтобы помѣщикъ имѣлъ ясное понятіе о свободномъ трудѣ, не вдавался бы въ кулачество и не думалъ исключительно только о своемъ карманѣ. Но, съ другой стороны, вступая съ своими бывшими крестьянами въ отношенія, основанныя на свободномъ договорѣ, князь Васильчиковъ не хотѣлъ сойти съ той высоты, на которой долженъ стоять помѣщикъ въ глазахъ народа. Онъ съумѣлъ показать, что помѣ-

щикъ и при свободныхъ отношеніяхъ къ нему народа можетъ имѣть важное для него значеніе, но не физическою силою, не дворянскою спѣсью, не угрозами, наводящими страхъ, не полицейскою властью, какъ было прежде, а какъ образованный и нравственный человѣкъ, понимающій общіе интересы сельскаго хозяйства, и въ то же время сознающій свою обязанность давать хорошіе примѣры людямъ темнымъ, которые на каждомъ шагу могутъ сдѣлаться жертвами обмана корыстныхъ людей, быть ихъ честнымъ руководителемъ, совѣтникомъ, помощникомъ, и опять таки не изъ желанія прослыть ихъ благодѣтелемъ, а находя въ этомъ и свою прямую выгоду. Онъ вѣрно понималъ, что гораздо выгоднѣе для него имѣть вокругъ себя зажиточныхъ или богатыхъ крестьянъ, чѣмъ раззоренныхъ и нищенствующихъ, грамотныхъ и чему нибудь обученыхъ, чѣмъ дикихъ. И онъ не давалъ имъ раззоряться и поддерживалъ ихъ хозяйства, какъ только могъ. Крестьянинъ смѣло шелъ къ нему за хлѣбомъ и сѣменами, когда не хватало своихъ, зная, что его не прижмутъ, пользуясь его нуждою, что отъ него не потребуютъ тотчасъ же и платы; а только запишутъ по условленной заработной цѣнѣ; а онъ въ свое время безъ тягости отработаетъ на княжескомъ полѣ, и отработаетъ скоро и прилежно, потому что долженъ дорожить временемъ для собственныхъ работъ. Вотъ простое средство пріучить къ прилежной работѣ человѣка, живущаго свободнымъ трудомъ. Получая отъ князя своевременную помощь, крестьянинъ всегда легко отплачивалъ ему трудомъ, по цѣнности равносильнымъ долгу, и не могъ не чувствовать, что не такую плату заплатилъ бы онъ другому помѣщику или землевладѣльцу. Случалось, что приходила къ нему бѣдная вдова просить хлѣба, не имѣя возможности отработать за него, такъ какъ на рукахъ у нея нѣсколько малолѣтнихъ дѣтей. Князь въ этомъ случаѣ гласно отказывалъ просящей; но въ своемъ семействѣ тотчасъ же устраивалъ денежную подписку въ ея пользу и, собравъ нѣсколько рублей, отсылалъ ей. Такимъ образомъ, вдова не оставалась безъ хлѣба. Въ этомъ поступкѣ нельзя не видѣть близкаго знакомства князя съ крестьянскимъ нравомъ. Распространись только слухъ, что на барскомъ дворѣ выдается хлѣбъ даромъ, стóитъ только сослаться на то, что нечего ѣсть, и у многихъ явилось бы желаніе воспользоваться даровымъ хлѣбомъ, и тогда не было бы отбоя отъ просящихъ. Нечего говорить, какъ это способствовало бы развитію лѣни, попрошайству, обману и изворотливости совѣсти. Совсѣмъ другое слѣдствіе вытекало изъ увѣренности, что за хлѣбъ платится только трудомъ, а кто не можетъ предъявить труда, тотъ услышитъ отказъ въ своей просьбѣ.

Желая улучшить земледѣліе, князь Васильчиковъ выписывалъ изъза границы не только усовершенствованныя земледѣльческія орудія, но и работниковъ-земледѣльцевъ, чтобы показать крестьянамъ, какихъ плодовъ можно ожидать отъ улучшенной обработки земли, вѣрно понимая, что попытки улучшенія въ такомъ дѣлѣ, какъ земледѣліе, можетъ дѣлать только богатый землевладѣлецъ. Онъ легко вынесетъ и неудачи, между тѣмъ какъ удача будетъ имѣть хорошее вліяніе на мелкихъ земледѣльцевъ и можетъ послужить имъ хорошимъ примѣромъ къ усовершенствованію собственнаго ихъ хозяйства. И не ошибся онъ въ своихъ разсчетахъ. Его примѣръ многимъ послужилъ къ пользѣ.

Заботясь объ экономической поддержкѣ крестьянъ, князь Васильчиковъ думалъ, что всѣ найдутъ свою выгоду и въ народномъ образованіи, и что прямая польза помѣщика — поднять умственный и нравственный уровень крестьянства. Средства для этого онъ справедливо видѣлъ въ школѣ, и полагалъ, что забота о распространеніи хорошихъ школъ должна лежать на помѣщикѣ. Онъ не ограничился устройствомъ и содержаніемъ школы для дѣтей своихъ бывшихъ крестьянъ, но даже завелъ школу нѣмецкую для своихъ выписныхъ работниковъ-нѣмцевъ, поселившихся на его землѣ съ семействами.

Вотъ что мы разумѣли подъ именемъ «высоты», на какой явился князь Васильчиковъ, какъ новый помѣщикъ, посреди освобожденнаго, но бѣднаго и темнаго народа. И народъ хорошо понялъ его и также прямо и честно отнесся къ нему, безъ всякихъ попытокъ какъ нибудь поживиться на его счетъ. Не нужно было дѣлать такихъ попытокъ, если и безъ того было видно, что къ крестьянамъ лежитъ сердце помѣщика, что онъ заботится о нихъ не ради только своихъ выгодъ, а умѣетъ находить общія выгоды и хлопотать о нихъ. И зато, какое завидное довѣріе они оказывали ему и какъ охотно шли къ нему на бесѣду, за совѣтомъ; а на земскихъ собраніяхъ всегда вставали за княземъ Васильчиковымъ, какъ скоро онъ подавалъ свой голосъ. Своимъ примѣромъ онъ показалъ, чѣмъ можетъ быть помѣщикъ, понявшій свое новое значеніе среди народа, и какая нравственная связь можетъ соединить его съ народомъ. Въ лѣтописяхъ новгородскаго земства записано много хорошихъ фактовъ, связанныхъ съ его именемъ, какъ, напр., ссудо-сберегательныя товарищества, земская учительская семинарія и др. Онъ самъ основалъ одно изъ товариществъ, для поддержанія его участвовалъ собственнымъ вкладомъ и направлялъ его дѣла. О немъ можно сказать, что, устроивъ мелкій кредитъ въ крестьянствѣ, онъ научилъ бѣдныхъ людей помогать другъ другу и относиться осторожно къ общественной

собственности, что имѣло уже и воспитательное значеніе въ крестьянской средѣ. Если новгородское земство во многомъ было примѣромъ для прочихъ, то, можетъ быть, потому, что князь Васильчиковъ съ немногими сотрудниками честно и усердно послужилъ ему. Крестьяне на похоронахъ его показали, какъ они цѣнили его заслугу.

Конечно, не безъ борьбы, не безъ затраты силъ давался каждый успѣхъ. Противъ него не маленькія силы выставлялись своекорыстіемъ, близорукостью, завистью, личными или сословными интересами многихъ, которые, по недомыслію, создавъ себѣ какіе-то страшные призраки, составили партію мнимыхъ «охранителей». Имъ, почти семь лѣтъ тому назадъ, князь Васильчиковъ сдѣлалъ такую характеристику: «преисполненные благихъ намѣреній къ поддержанію власти и порядка, всѣ эти лица одной и той же школы, каждый въ своемъ вѣдомствѣ, работали усердно, неутомимо (конечно безсознательно) надъ потрясеніемъ всякой власти, и гдѣ только послѣдовало нѣкоторое сближеніе между сословіями, бросались между ними, чтобы ихъ разъединить, какъ будто опасаясь, чтобы первое дѣйствіе ихъ соглашенія не было—заговоръ противъ нихъ. Дворянство и, разумѣется, только лучшая, образованнѣйшая и меньшая его часть, нашло нить, посредствомъ которой могло сойтись съ крестьянствомъ, возстановить желаемое вліяніе образованныхъ классовъ на грубыя массы народа, и главными проводниками между ними были народныя школы, ссудо-сберегательныя товарищества, рабочія артели; но дворяне дѣйствовали и могли дѣйствовать на этомъ поприщѣ только однолично, въ качествѣ мѣстныхъ жителей, сельскихъ обывателей, пользуясь личнымъ своимъ вліяніемъ и своимъ вѣсомъ, всегда склоняющимся на сторону людей богатыхъ и просвѣщенныхъ, если они сами его не подрываютъ... Но имъ и въ томъ старались помѣшать недальновидные «охранители».—Не нужно говорить, что къ этому меньшинству принадлежалъ самъ князь Васильчиковъ.

Останавливаясь за тѣмъ на объясненіи Александромъ Илларіоновичемъ истинныхъ причинъ, разъединяющихъ помѣстное дворянство и крестьянство, высказанномъ въ сочиненіи о «самоуправленіи», г. Стоюнинъ цитируетъ то мѣсто изъ сочиненія, гдѣ говорится объ отсутствіи въ провинціи доступныхъ средствъ для образованія не только бѣдному, но и среднему классу жителей.

Говоря далѣе какъ, А. И. практически приходилъ къ заключенію о неудовлетворительности нашей школьной системы, какъ онъ подвергнулъ въ письмѣ къ «одному изъ высокопоста-

вленныхъ лицъ», напечатанномъ въ Берлинѣ, критикѣ эту систему, г. Стоюнинъ довольно подробно останавливается на этомъ письмѣ, дѣлаетъ изъ него значительныя выдержки и заключаетъ свой обзоръ «письма» слѣдующими словами:

Мы съ намѣреніемъ представили такъ подробно взглядъ нашего лучшаго и къ сожалѣнію, покойнаго публициста на самое больное мѣсто нашего общественнаго организма, такъ какъ сами не разъ съ нимъ бесѣдовали объ этомъ вопросѣ и не могли не замѣтить, какъ горячо онъ принималъ къ сердцу это дѣло. При томъ же здѣсь онъ является вѣрнымъ выразителемъ взглядовъ, мнѣній, желаній и чувствъ того большинства, преимущественно провинціальнаго міра, съ которымъ онъ былъ такъ хорошо знакомъ.

Но, продолжаетъ г. Стоюнинъ, А. И. «много думалъ также и о сельской школѣ и вѣрилъ въ ея силу, если только она будетъ поставлена правильно, безъ всякой задней мысли задержать ходъ ея. Въ подтвержденіе этого г. Стоюнинъ ссылается на главы о народномъ образованіи въ сочиненіи «о самоуправленіи» и говоритъ, что главы эти, еще до выхода сочиненія А. И. «были читаны въ бывшемъ Петербургскомъ педагогическомъ обществѣ, при огромномъ стеченіи публики, которая выразила свое сочувствіе отсутствовавшему автору громкими одобреніями. Находя, что А. И. отнесся въ сочиненіи къ вопросу о народной школѣ «съ осторожностью и внимательностью», г. Стоюнинъ говоритъ:

Внимательное же изученіе предмета, ободрило душу горячаго патріота, приведя его къ тѣмъ выводамъ, какіе, такъ сказать, сами напросились въ трудѣ князя А. И. Васильчикова. Дѣло въ томъ, что онъ всегда разсматриваетъ вопросъ въ связи съ прошедшимъ, которымъ и выясняетъ настоящее, а изученіе прошедшаго по отношенію къ народной школѣ привело его къ мысли, что «тѣ результаты, которые нынѣ добыты нашими старшими братьями, достигнуты ими не вѣковѣчными усиліями, а въ теченіе послѣднихъ 20 или 30 лѣтъ, и что поэтому старшинство ихъ передъ нами измѣряется не вѣками и поколѣніями, а только четвертью столѣтія». Если же это такъ, то нѣтъ сомнѣнія, что мы можемъ скоро догнать нашихъ старшихъ братьевъ, сдѣлавъ общее дружное усиліе. Тутъ безнадежность была бы не кстати. Не смущаетъ добросовѣстнаго изслѣдователя и обыкновенный аргументъ, будто намъ мѣшаетъ

двигаться впередъ по пути народнаго образованія *бѣдность* нашей страны и разстройство нашихъ финансовъ и народнаго хозяйства. То же самое прошедшее здѣсь еще болѣе помогаетъ автору удержаться на высотѣ своей надежды».

Указывая затѣмъ какъ, по взгляду А. И., «наши мѣстныя условія, территоріальныя и климатическія, ставятъ насъ, въ отношеніи народныхъ школъ гораздо ближе къ Америкѣ, чѣмъ къ Германіи», какъ А. И. рекомендовалъ «американскую систему неприкосновеннаго фонда для народныхъ школъ», образуемаго отъ доходовъ и продажи государственныхъ имуществъ,—г. Стоюнинъ заключаетъ, что въ этомъ отношеніи А. И. «высказываетъ замѣчательно вѣрный педагогическій взглядъ, не допускающій въ школу политики ни съ какой стороны,—взглядъ, который слѣдовало бы усвоить всѣмъ имѣющимъ какое либо прикосновеніе къ школѣ, и безъ котораго школа вѣчно будетъ колебаться и мутить юное поколѣніе». Цитируя сужденіе автора «самоуправленія» объ огражденіи школъ отъ измѣнчивыхъ и случайныхъ вліяній и взглядовъ, г. Стоюнинъ замѣчаетъ:

Соображенія понимающаго дѣло публициста и черезъ десять слишкомъ лѣтъ не потеряли своего вѣскаго значенія и заслуживаютъ полнаго вниманія тѣхъ, кто безъ хитрости и притворства думаетъ о прочныхъ основахъ народнаго образованія.

Статью свою г. Стоюнинъ заключаетъ такъ:

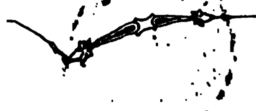
Мы подробно коснулись только взглядовъ князя Васильчикова въ связи съ нашимъ школьнымъ вопросомъ, такъ какъ намъ самимъ наиболѣе близокъ этотъ вопросъ; но онъ, какъ публицистъ, посвящалъ свои труды изслѣдованію и другихъ живыхъ и вмѣстѣ коренныхъ вопросовъ русской жизни, которые и въ настоящее время насъ преслѣдуютъ и требуютъ неотложнаго разрѣшенія. И всѣ они сливаются въ одномъ вопросѣ о народѣ, въ широкомъ значеніи этого слова: земля, трудъ, знаніе, хозяйство, школа, народное здравіе и проч., все это у него составляетъ нераздѣльныя части одного цѣлаго; одинъ вопросъ цѣпляется за другой, одинъ выясняетъ другой, какъ это является и въ самой жизни. И къ каждому вопросу онъ подступалъ во всеоружіи, уяснивъ его себѣ историческимъ изученіемъ, какъ онъ ставился и разрѣшался исторіей у другихъ образованныхъ народовъ, и среди какихъ условій онъ является въ русской жизни. Съ нимъ можно во многомъ не соглашаться, но нельзя не признать за нимъ той рѣдкой добросовѣстности, съ какою

онъ относился къ каждой задачѣ, безъ всякой задней или предвзятой мысли. Онъ думалъ, повидимому, только объ одномъ—найти вѣрную и прямую дорогу, которая бы вывела насъ изъ темнаго лабиринта на свѣтъ Божій, въ лучшія условія жизни. Но въ то же время онъ не былъ исключительно идеалистомъ и теоретикомъ; онъ хорошо зналъ практическую жизнь и всегда стоялъ на настоящей дѣйствительной почвѣ, что доказалъ веденіемъ своего сельскаго хозяйства и своимъ отношеніемъ къ крестьянамъ. Поэтому литературные его труды еще долго будутъ имѣть значеніе; ихъ нельзя обойти никому, кто бы вздумалъ заняться тѣми вопросами, которыхъ касался онъ.

Задумывась объ общественномъ воспитаніи и образованіи, князь Васильчиковъ проявилъ такія же заботы и въ своей собственной семейной жизни. Для болѣе полной характеристики покойнаго князя, воспользуемся свидѣтельствомъ лица, которое имѣло возможность хорошо оцѣнить его въ семейной обстановкѣ его жизни. «Если ставить князя въ примѣръ другимъ, пишетъ намъ это лицо, то нельзя обойти молчаніемъ характеристики его, какъ отца. Александръ Иларіоновичъ овдовѣлъ въ 1862 г. и съ тѣхъ поръ всей душой предался воспитанію своихъ дѣтей, изъ которыхъ младшая дочь только родилась, сыну было два года, а старшей дочери не болѣе пяти лѣтъ. Въ такомъ возрастѣ они нуждались въ попеченіяхъ матери, и князь замѣнилъ ее. Онъ не баловалъ дѣтей, но никогда не былъ съ ними и суровъ; напротивъ, постоянно выказывалъ къ нимъ нѣжность, никогда не говорилъ при нихъ ничего лишняго, большую часть времени проводилъ въ семьѣ, и всегда былъ радъ, если можно было провести вечеръ среди дѣтей; игралъ съ ними въ крокетъ, бралъ съ собой на охоту съ борзыми. Въ тѣсной семейной жизни съ чужими неизбѣжны столкновенія, если одно лицо не держится пассивно относительно другого: такія случайныя столкновенія князь умѣлъ тщательно скрывать отъ дѣтей, и не стыдился сознаться, если по размышленіи считалъ себя неправымъ». Онъ оставилъ жизнь тогда, когда окончилъ воспитаніе своихъ дѣтей, не забывъ отнестись съ искренней признательностью къ тѣмъ, кто честно раздѣлялъ съ нимъ воспитательные его труды. Здѣсь мы не имѣемъ права вдаваться въ подробности частныхъ его отношеній, но только замѣтимъ: они таковы, что ихъ тоже можно бы было поставить въ примѣръ многимъ. Скажемъ въ заключеніе, что князь Ал. Ил. Васильчиковъ недаромъ прожилъ свою жизнь, хоть и не попалъ на ту дорогу, гдѣ бы могъ назваться государственнымъ человѣкомъ; онъ нашелъ себѣ другую, гдѣ приличнѣе названіе лучшаго земскаго человѣка, и притомъ въ то время, когда идеалъ такого человѣка у насъ еще не успѣлъ выработаться.

(Изъ «Наблюдателя» № 1 1882 г.)

В. Стоюнинъ.

ИЗДАНІЯ СЪ КАРТИНКАМИ

С.-Петербургскаго Комитета Грамотности

ДЛЯ НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ:

№ 1. **Аленькій цвѣточекъ.** Сказка С. Т. Аксакова. 10 к.
№ 2. **Прохожій.** Святочный разсказъ Д. В. Григоровича. . . . . 10 к.
№ 3. **Приключенія Робинзона Крузе.** Составлено А. Н. Яхонтовымъ. . . . . . . 20 к.
№ 4. **Постоялый дворъ.** Повѣсть И. С. Тургенева. 10 к.
№ 5. **Крутиковъ.** Разсказъ А. Г. Коваленской. 10 к.
№ 6. **Батрачка.** Повѣсть Т. Г. Шевченко. . . . 10 к.
№ 8. **Злодѣй и Петька.** Повѣсть А. Ѳ. Погоскаго. 10 к.
№ 9. **Сорочинская ярмарка.** Н. В. Гоголя. . . . 10 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

№ 7. **Стихотворенія** Н. А. Некрасова.

Складъ изданій С.-Петербургскаго Комитета Грамотности для народнаго чтенія находится въ книжномъ магазинѣ М. М. Стасюлевича, С.-Петербургъ, Васильевскій Островъ, 2-я линія, домъ № 7.

Книгопродавцы, учрежденія и лица, обращающіеся прямо въ складъ изданій, пользуются уступкою 30%, не взирая на число покупаемыхъ экземпляровъ. Пересылка на счетъ покупателей.

Тамъ же продается изданный Комитетомъ „**Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы**“. Цѣна 2 руб., съ пересылкою 2 р. 50 к. Книга эта допущена Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія въ учительскія библіотеки народныхъ и городскихъ училищъ.

